

Челябинский государственный институт культуры

На правах рукописи

Дыдров Артур Александрович

**ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННЫХ
СТРАТЕГИЙ**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор
Невелова Вера Сергеевна

Челябинск – 2020

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Будущее человека и человек будущего: философско-антропологическая интерпретация	37
1.1. Будущее как модус времени существования человека.....	37
1.2. Человек будущего в философско-антропологическом ракурсе.....	66
Глава 2. Новации и инновации в контексте будущего человека	100
2.1. Новация и инновация: историко-философский аспект.....	100
2.2. Новации и инновации в предметно-вещественном и ценностно-смысловом измерениях человеческого существования.....	123
2.3. Новация и инновация как способы отношения человека к будущему.....	151
Глава 3. Человек будущего в дискурсах о преобразовании природы человека	175
3.1. Образ человека будущего в трансгуманизме и иммортологии: экспликация первого уровня.....	175
3.2. Телесная организация и духовный мир человека будущего в контексте инновационных стратегий преобразования человеческой природы.....	197
3.3. Социокультурное бытие человека будущего в трансгуманизме и иммортологии.....	220
Глава 4. Антропология инноваций: ответ вызовам современности	242
4.1. Антропология инноваций как гуманитарно-антропологическая установка мышления и практической деятельности человека.....	242
4.2. Предметная область и проблематика антропологии инноваций.....	267
4.3. Образование – альтернативная инновационная стратегия сохранения, воспроизводства и развития человека в его целостности.....	290
Заключение	314
Список использованной литературы	322

Введение

Актуальность темы исследования. Современный человек живет в эпоху инноваций с присущими ей перманентным увеличением объема информации, интенсивным развитием техники и технологий, широким спектром политических, экономических, социальных и культурных проектов. Инновации оказывают на человека далеко не однозначное воздействие: с одной стороны, они побуждают к саморазвитию, постоянному обновлению знаний, умений, навыков и компетенций, с другой стороны, вызывают деструктивные реакции, дезориентирующие человека и препятствующие адаптации к переменам. Не случайно во второй половине прошлого столетия возникли термины «футурошок» и «футурофобия», фиксирующие негативные последствия столкновения человека со стремительно меняющимся миром.

В XX-XXI столетиях обострились противоречия между размеренным течением жизни и интенсивностью перемен; традициями, с одной стороны, и новациями, с другой; между ценностями изменения и ценностями сохранения. У современного человека, как никогда ранее, есть огромные возможности для изменения мира и самого себя. Трансформации происходят во всех сферах жизни. Без преувеличения можно сказать, что жизнь сегодня идет под флагом новаций и инноваций.

Новации и инновации являются и фактом, и условием существования современного человека, стратегическим ресурсом и ценностью индивидуальной и общественной жизни. Они преобразуют действительность и вместе с тем делают ее «турбулентной». Только за последние восемь-девять лет в России были созданы десятки программ инновационного развития, разработанные коммерческими организациями и государственными структурами. «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Государственная программа инновационного развития 2016-2020», «Развитие образования», «Развитие науки и технологий 2013-2020»,

«Информационное общество 2011-2020» – лишь немногочисленные примеры инновационной активности на государственном уровне. Активно внедряются новшества, дающие импульс устойчивому росту и развитию общества и возможности для повышения качества жизни людей.

С развитием медицинских технологий человек получил возможность справляться с болезнями, ранее считавшимися неизлечимыми, исправлять многие врожденные дефекты и патологии, нивелировать негативные последствия инвалидности. В XX в. медицинские технологии стали активно применяться не только как средство *исцеления* человека, но и для коррекции и замены частей тела (что далеко не всегда связано с болезнями или патологиями). Кроме того, стартовали крупные проекты по картированию головного мозга человека, разработке искусственного интеллекта, не обусловленные медицинскими целями. Некоторые ученые и представители бизнеса надеются, что в будущем нано, био, когнитивные и информационные технологии позволят человеку освободиться от «наследия» эволюции, трансформироваться в постчеловека и войти в эру Технологической Сингулярности – эру гигантских вычислительных мощностей, искусственного интеллекта и самосовершенствования техники и технологий. Технологическая сингулярность предстает у трансгуманистов – идеологов постчеловека – в качестве безусловной ценности.

Если будущее ознаменуется технологической сингулярностью, то технико-технологический прогресс окончательно выйдет из-под контроля человека и будет осуществляться автономно. Именно такого будущего – времени самоуправляемых машин – ожидают предсказатели новой эры. Естественно, это не может не вызвать вопросов: не утрачена ли в ориентации на конкретные цели смысловая составляющая инновационных стратегий? Фундированы ли генеральные цели трансгуманистов гуманитарным смыслом? Ради чего человеку рекомендуют кардинально меняться?

Интенсивность перемен в социально-экономической, политической,

духовной сферах жизни общества ставит вопрос об идентичности человека как человека перед лицом инновационных стратегий. Как оптимально существовать в эпоху стремительных перемен и при этом остаться человеком? В действительности человек далеко не всегда находит баланс между ценностями изменения и сохранения, не достигает своей «точки оптимума». Отсутствие баланса прямым образом сказывается на способе существования человека.

Достижение разумного баланса между ценностями изменения и сохранения – дело, требующее больших общественных и личных усилий. К инновациям нужен рациональный, обстоятельный, критический подход, свободный как от безоговорочного принятия, так и от обскурантизма. Инновации, инновационные процессы и инновационная деятельность требуют основательного осмысления. В особенности это касается инноваций, ориентированных на решительные изменения природы человека. В связи с этим необходимо ответить на вопрос, как возможно это осмысление.

Растущая мощь инноваций, направленных на природу человека, и обслуживающая их идеология должны стать предметами философско-антропологического исследования. В данной диссертационной работе осуществляется философское осмысление и «гуманитарная экспертиза» новации и инновации как средств движения в будущее, инновационных стратегий, ориентированных на трансформацию природы человека, а также способов самоопределения человека в эпоху инноваций.

В связи с вышесказанным возникает **проблемный вопрос**: как возможно человеку будущего быть целостным и при этом инновационно существовать, совмещая ценности изменения и сохранения?

Степень научной разработанности темы. В процессе исследования был задействован широкий спектр научной и философской литературы, а также тексты международных документов, форсайт-сессий и другие источники.

Анализ литературы и диссертационных исследований дает основания для вывода, что феномен будущего в философско-антропологическом ракурсе сравнительно мало осмыслен. Сторонники научно-прогностического подхода понимают будущее как особую реальность, которой еще нет. Такое представление обусловило двойное отношение к будущему: с одной стороны, будущее – это модус времени, независимый от человека, с другой стороны, будущее – это реальность, на которую можно влиять. С развитием футурологии во второй половине XXв. будущее пытались не только предсказывать, но и конструировать. Практика предсказания и конструирования будущего приобрела мировое значение благодаря деятельности Римского клуба (А. Печчеи, А. Кинг, Д. Форрестер, Д. Медоуз и др.). В России и за рубежом возникли исследовательские группы, занимающиеся «сценированием» и «конструированием» будущего – «фабрики мысли», современные группы «Конструирование будущего», «Метавер» и т. д. Футурологическая (объективистская) трактовка будущего представлена в многочисленных западных и российских исследованиях: J. Dator, M. Dublin, B. Joy, R. Watson, M. A. Батина, С. П. Капицы, Р. Курцвейла, Н. Талеба, А. В. Турчина и др.

Философско-антропологическая интерпретация будущего основана на соответствующем подходе к феномену времени. В трудах Августина была развернута идея о времени как о феномене бытия человека. В некоторых философских концепциях Нового времени объективная длительность времени была сведена к субъективному восприятию (Д. Локк, Д. Юм и др.). Трансцендентальный идеализм И. Канта был попыткой устранить противостояние объективистской и субъективистской интерпретаций времени. Позднее новый способ концептуализации времени предложил Э. Гуссерль. В феноменологической философии осознаваемая реальность не является исключительно продуктом деятельности рассудка, а в опыте содержится нечто являющееся и естественное. Благодаря феноменологии и

философской антропологии концептуализируется человеческое измерение времени. Интерпретируя феномен времени, философы касались и темы будущего. В концепции Х. Плеснера будущее является временем, к которому устремлена эксцентрическая природа человека. По определению немецкого мыслителя, человек есть предвосхищающее само себя бытие. В частности, эксцентричность человека выражена целеполаганием – причиной осуществления шагов в будущее. В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера будущее понимается в качестве исходного феномена человеческого бытия, неразрывно связанного с возможностью «вот-бытия». Субъективистские и объективистские трактовки времени и будущего немецкий философ относил к «несобственному» его пониманию.

В трудах Э. Фромма обозначено три способа отношения к будущему: пассивное ожидание, форсирование событий и надежда. Последняя трактуется как постоянная готовность к тому, что еще не родилось, не детерминированная покорностью перед грядущим. При этом надежда не предполагает форсирования событий, инновационной «гонки» в качестве самоцели, но связана с активной позицией человека, его усилием в работе над собой, пониманием того, ради чего он что-либо делает. В философских концепциях М. Хайдеггера, Э. Фромма, Э. Агацци было четко обозначено аксиологическое измерение будущего. Последний акцентировал внимание на том, что мысли и действия всегда имплицитно связаны с наличием некоторого принципа «как должно быть». Представление о должном пронизывает всю сложную иерархию человеческой деятельности. В аксиологическом контексте будущее можно трактовать как сферу воплощения желаемого и должного.

Философско-антропологическая интерпретация времени представлена в диссертационных исследованиях и монографиях Г. А. Алексиной, Д. В. Гарбузова, А. В. Дроздовой, Н. В. Кузьмина, В. И. Молчанова и др. В

ни как центрируется внимание на времени как феномене человеческого бытия, однако, будущее не выделяется в качестве особого предмета для осмысления.

Феномен человека будущего, в отличие от феномена будущего, практически не осмыслен ни в философии, ни в науке. В книге «Перспективы человека» И. Т. Фролов утверждал, что философия способна реализовать триединую задачу (интегративную, критическую и аксиологическую) ради решения проблем развития человека и определения его перспективы. Во многом эта задача принималась и принимается во внимание философами, разрабатывающими концепцию гуманитарной экспертизы (В. А. Луков, С. А. Смирнов, Б. Г. Юдин).

В культуре различных исторических эпох возникали яркие образы человека будущего, выражающие как представления о гармоничном и совершенном (например, в утопиях), так и о деградировавшем человеке (антиутопии). В научных и философских трудах тема человека будущего занимает значимое место. Объектом исследования при этом служат научная фантастика (Ф. Джеймисон, Е. Н. Ковтун), социальная утопия и антиутопия (Л. А. Морщикина, И. Д. Тузовский), политические идеологии (И. В. Демин, С. Б. Калиниченко). Еще с древности сохранились памятники литературы, кристаллизовавшие образы гармоничного, совершенного человека. Прежде всего, речь идет о мифах «золотого века», повествующих о времени легендарных поколений – людей, живших в абсолютном согласии с природой и друг с другом. В трудах Гесиода и Овидия говорилось, что эти поколения жили в далеком прошлом, а их потомки деградировали до состояния войны. В IV в. до н. э. в диалоге «Государство» Платона велась речь о воспитании трудолюбивых крестьян, доблестных стражей и мудрых правителей. Диалог Платона является первым из известных сегодня литературных памятников, содержащих конкретные рекомендации по воспитанию нового человека.

Идеи о гармонии индивидуального и социального бытия человека, содержались в философии стоицизма, эпикуреизма и неоплатонизма, в

трудах средневековых христианских мыслителей. Философия Нового времени была пронизана пафосом самоутверждения человека как полноценной, самодостаточной и всесторонне развитой личности. В Новое время (и позднее – в философии космизма) оформились идеи о вселенской роли человечества: человек рожден на Земле, однако не осужден на то, чтобы вечно находиться в колыбели. Особое место в этой связи занимала русская философская мысль. В трудах А. В. Сухова-Кобылина была оформлена концепция «Всемира», предсказывавшая переход человека и человечества от «теллурической» (земной) стадии развития к «солярной» (в масштабах Солнечной системы), а от нее к «сидерической» (вселенской). Позже философы-космисты основательно разрабатывали идею о космическом предназначении человека. Вместе с тем они акцентировали внимание и на духовных ценностях, формировании принципиально новой морали, необходимой для качественного скачка в развитии («супраморализм» Н. Ф. Федорова). В трудах К. Э. Циолковского разрабатывалась не только космическая этика, но и тема физического и интеллектуального совершенствования человека, достигающегося посредством улучшения рода. В 20-х гг. прошлого столетия оформилась группа «биокосмистов» (А. Б. Ярославский, А. Ф. Агиенко и др.), основывавшаяся на идеях Н. Ф. Федорова. Участники группы видели особое предназначение человека не столько в деле воскрешения отцов, сколько в обретении личного физического бессмертия. Для достижения поставленной цели надеялись применить как имеющиеся в наличии, разрабатывающиеся, так и гипотетические технологии (например, крионизацию).

Во второй половине XXв. в западных странах (позднее и в России) возникла трансгуманистическая ассоциация (Н. Бостром, Д. Пирс). Ее основатели (а затем и многочисленные последователи трансгуманизма) утверждали, что человек не является вершиной эволюции. Человеческий разум, тем не менее, может (и должен) найти средства не только для

преодоления несовершенства физической природы и когнитивных способностей человека, но и для свободных манипуляций с телом и организмом, а в перспективе – для отказа от тела. Взяв на вооружение идею перехода человека на качественно иной уровень развития посредством всестороннего применения НБИК-технологий, трансгуманисты не создали единого проекта преобразования человека. Это обусловило раскол трансгуманизма на несколько направлений: аболиционизм, ставящий во главу угла борьбу с болезнями и патологиями, физическими страданиями человека (Д. Пирс); либертарианство, проповедующее неограниченное право каждого человека на «модернизацию» тела и свободную рыночную циркуляцию НБИК-технологий (Р. Бейли, Г. Рейнольдс); технокоммунизм, выступающий за нанотехнологическую революцию, открывающую путь к изобилию и ликвидации труда (А. В. Лазаревич); сингуляризм, предсказывающий неконтролируемый прогресс вычислительных мощностей компьютеров и выступающий за перенос сознания на небиологический носитель (Н. Бостром, Г. Моравек, Э. Юдковский, А. А. Болонкин).

Советские и российские ученые – Г. Д. Бердышев, А. В. Букалов, И. В. Вишев, Л. В. Комаров, В. Ф. Купревич, А. Н. Радченко, М. В. Соловьев и др. – во второй половине прошлого века стали оперировать термином «иммортология». В работах И. В. Вишева иммортология определяется как наука о достижении реального практического бессмертия и вписана в контекст «иммортोगуманизма» – нового направления гуманизма, объявляющего физическое бессмертие безусловной, высшей ценностью. Западные ученые (среди них Э. Дрекслер, Д. Дойч, Д. Хиллис, Р. Эттингер) – сторонники практического бессмертия – не пользуются термином «иммортология», предпочитая говорить о научном бессмертии (scientificimmortality). Как правило, научная иммортология основывается на достижениях в области биологии и медицины (например, открытие плюрипотентного клеточного механизма), физики (квантовая теория,

наночастицы) и информатики (большие данные, искусственный интеллект и т. д.).

Постулаты иммертологии и в особенности трансгуманизма (ввиду его популярности на Западе) вызвали мгновенную реакцию в научном мире. Очевидно, эта реакция в принципе не могла быть однозначной, так как основатели и сторонники новых течений выдвигали претенциозные идеи о переходе человека на новую, созданную самим же человеком ступень эволюции. Сравнительно небольшое число ученых оценивает трансгуманизм в качестве прогрессивного направления, ведущего к решению многих социальных, духовных, политических, экономических и иных проблем. Д. И. Дубровский убежден, что трансгуманизм является средством спасения современного человека от гибели в результате масштабных антропогенных катаклизмов (войн, экологических бедствий и т. д.). В этой связи выход каждого человека и человечества в целом на качественно иной уровень развития необходим во избежание антропологической катастрофы. Обозначенное убеждение вызывает вопрос о том, сохранится ли человек в уникальном сочетании составляющих его природы?

В большей части исследований идеи трансгуманизма и иммертологии оцениваются иначе. Трансгуманистические идеи воспринимаются с осторожностью (S. Bahji, A. S. Grant, F. Torralba, О. В. Летов, С. В. Маслаков, В. В. Сидоренко, Б. Г. Юдин и др.) или подвергаются резкой критике (С. Aудin, И. Н. Каланчина, В. А. Кутырев, М. А. Степанов, Е. С. Сухов и др.). Так, например, Б. Г. Юдин анализировал ценностные основания трансгуманизма и сопоставлял их с ценностями гуманизма. Он пришел к выводу, что гуманистическая позиция основывается на ценности природы человека в ее целостности, тогда как антигуманистическая позиция требует переделки человека ради долголетия, улучшения психических и интеллектуальных качеств и т. д. Ученый призывал к поиску разумных оснований для дискуссий и обсуждений, поиску золотой середины между

безоговорочным принятием и категорическим отрицанием новых идей. Известный американский футуролог Ф. Фукуяма, напротив, относится к трансгуманизму и идее постчеловека принципиально негативно и называет самой опасной концепцией в мире.

Трансгуманистические идеи преимущественно критикуются с религиозно-этических позиций. В статьях М. Kotzé, E. Hammes, T. Peters, B. Green, иеромонаха Максима (Э. Г. Попова), С. А. Шукана и др. трансгуманистов называют «архитекторами» нового мира – мира без человека, обвиняют в притязаниях на роль бога. Возникновение этих радикальных идей стало возможным потому, что человек отказался от бога и поставил себя в центр мироздания.

Социально-философский ракурс рассмотрения трансгуманистических идей представлен в работах S.Kohn, R. Lynch, В. А. Лекторского, А. И. Нафикова, А. К. Поправко, В. А. Рыбина, А. М. Ойдоповой, А. Е. Шишкина, Е. Н. Семкиной, В. В. Стадницкого и др. Исследователи дают трансгуманизму негативную оценку и видят в нем «очередную утопию» (В. А. Лекторский) и повод для развязывания войны между человеком и постчеловеком (А. Е. Шишкин). В рамках обозначенного подхода исследователи акцентируют внимание на возможных конфликтах человека и его модифицированного потомка.

В философско-антропологическом ракурсе идеи трансгуманизма представлены в работах И. В. Аксенова, П. С. Гуревича, В. А. Кутырева, Ю. Хабермаса и др. Они акцентировали внимание на аспекте конструируемости человека с помощью новых технологий (прежде всего генной инженерии) и в связи с этим – на вопросе о границах его субъектности и человечности, свободе воли и выбора, самостоятельности в мысли и действии. В. Г. Богомяков, Л. Г. Суворова и М. Г. Чистякова критикуют идею переноса сознания на небιологический носитель и возможным негативным следствием этой идеи считают появление «идентичных личностей»

(копий). Исследователи критически относятся и к идее контроля над всеми биохимическими процессами в организме человека. Л. В. Баева рассматривает трансгуманизм в контексте ценностной парадигмы высокотехнологического общества. Трансгуманистические идеи обслуживают процессы компьютеризации человека, его синтеза с машиной. В. А. Кутырев обосновывает несостоятельность притязаний иммортологов и трансгуманистов на возведение физического бессмертия в ранг высшей ценности. Притягательность новых, «постчеловеческих» идеологий обусловлена, главным образом, интенсивным развитием hi-hume и популяризацией постмодернистской культуры. В философско-антропологическом смысле это ведет к последовательному самоотрицанию человека, или деантропологизации (П. С. Гуревич). По мнению Л. Е. Моториной, следует различать постчеловека как дискурсивную конструкцию трансгуманизма и как человека, переходящего в новую технологическую эпоху, но сохраняющего при этом антропологические константы. Согласно второй интерпретации, постчеловек – это человек настоящего, определенным образом усваивающий технологические достижения.

Идеи о трансформации природы человека вызывали и вызывают многочисленные дискуссии. Между тем, эти идеи вполне соответствуют установкам приоритета научной и научно-технической рациональности и запросам инновационной эпохи. Инновационность устойчиво ассоциируется с научной и технико-технологической сферами – именно они, по преимуществу, являются источниками инноваций, и именно в них изменения происходят с самой большой скоростью. С начала XXв., во многом благодаря концепции Й. Шумпетера, об инновациях стали говорить преимущественно в экономическом и технико-технологическом контекстах. Однако историко-философский анализ дает основания утверждать, что задолго до этого существовали и иные интерпретации инновации. Упоминания об инновациях можно найти в оригинальных текстах Ф. Бэкона, И. Бентама, А. Фергюсона,

И. Канта, Д. Дидро. В более поздних работах Б. Рассела, А. Уайтхеда, К. Поппера, Т. Куна, Ж. Бодрийяра, Т. Парсонса, И. Р. Пригожина и др. В Новое время инновацию интерпретировали как масштабное событие, влияющее на устройство общественного порядка. Этим событием могла быть, прежде всего, политическая или религиозная реформа (Ф. Бэкон, И. Бентам, А. Фергюсон). В философии XXв. инновации связывали не только с социальными событиями, но и с персональным творчеством, продуктами интеллектуальной деятельности (Б. Рассел, Т. Кун, И. Пригожин и др.). В социально-гуманитарных исследованиях инновации часто интерпретируются в духе экономической теории (Т. Greenhalgh, V. Venkatesh, Д. А. Громов, М. А. Джерелиевская, К. П. Тихоненко, И. В. Шульгина и др.).

Большое значение для данного диссертационного исследования имеет статья Ю. М. Осипова «Инновационный мир растерянной России», в которой осуществляется расширительная трактовка инноваций как масштабных социальных, культурных, политических и иных событий. Автор утверждает, что социокультурные и политические инновации должны предварять все остальные нововведения. М. Н. Эпштейн ввел в оборот понятие гуманитарного изобретательства, фиксирующее практики самостроительства человека и созидания смыслов в социокультурном пространстве. Результатом гуманитарного изобретательства может стать идея, воплощающаяся в конкретных культурных практиках, творческих организациях, интеллектуальных движениях и т. д.

Философско-антропологический подход к феноменам новации и инновации был осуществлен в диссертационном исследовании В. Д. Цветковой. Автор связала новационность и инновационность с самореализацией личности, то есть формированием способностей к самосовершенствованию, самоорганизации, переустройству человеком собственного внутреннего мира. В диссертации и монографии В. С.

Невелевой выражена идея о человеке-принципе – новаторе, выдвигающем новый принцип организации мира человека.

Философско-антропологический подход позволяет не только критически отнестись к инновационным стратегиям, основанным на гуманоориентированных технологиях, но и интерпретировать образование как альтернативную инновационную стратегию, непосредственно ориентированную на человека будущего, решающую задачи инновационного развития и существования человека и обеспечивающую вместе с тем сохранение и воспроизводство его естественно-родовых и индивидуальных характеристик. В самом общем смысле, можно сказать, что образование обеспечивает сохранение целостности человека. В трактовке последней мы опирались на идеи Д. В. Пивоварова, П. С. Гуревича и И. А. Беляева о типах целостности (тоталитарном, партитивном и гармоническом), а также на тезис о реализации человека в трех фрагментах целостного Мира – природном, социальном и духовном.

В последние годы в российской науке существенно возросло число публикаций, посвященных образованию. Образование сегодня переживает масштабные перемены. Меняется идейная надстройка образования: и за рубежом, и в России возникает идеология непрерывного образования, или образования через всю жизнь (Lifelong Learning). Lifelong Learning посвящен «Меморандум непрерывного образования Европейского Союза» и стратегический проект «Инновационная Россия – 2020».

В условиях инновационной гонки образование постоянно подвергается критике за несоответствие вызову времени. Авторы масштабного проекта «Образование 2030» особо акцентируют тезис об отсталости образования, поскольку успешность современного человека непосредственно зависит от степени его инновационной активности. Между тем утверждается, что традиционное институциональное образование не формирует навыков инновационной деятельности (П. О. Лукша, Д. С. Песков, И. А. Савчук и др.).

Идеи о перспективах российского образования развернуты в книгах, кодифицирующих результаты форсайт-сессий, – «Карты, ставки, образы», «14 лекций о будущем», «Вызов 20.35», «Образование 20.35. Будущее» и др. Идентичные оценки образованию еще несколько десятилетий назад давали Р. Юнг, Э. Тоффлер, Р. Coombs, В. Scott, D. Baker и др. Многие социально-гуманитарные исследования заканчивались похожими выводами (А. Albirini, P. Altbach, P. Gandara, И. В. Давыдова, З. И. Иванова, Л. М. Лузина и др.). В работах указанных авторов образование трактуется как практика формирования знаний, умений и навыков в системе уполномоченных на это социальных институтов. Такое понимание образования правомерно, однако, связывает последнее с деятельностью социальных структур.

Философский и, в частности, философско-антропологический подход к образованию позволяет трактовать последнее как процесс (и сферу) самоопределения человека в мире, формирования способности к осмысленным и значимым действиям, а также к ответственности за поступки (И. Дерболав, О. Больнов, М. Лангевельд и др.). Образование в этом широком смысле является сферой самообновления человека. В процессе образования человек учится меняться, оставаясь при этом человеком. Не случайно в антропологически ориентированных концепциях философии образования человек обозначается как «*animaleducandum*» (М. Лангевелд) или «*homoeducandus*» (Г. Рот). Философский подход позволяет абстрагироваться от частных определений содержания и целей образования. В статьях Л. А. Беляевой образование определяется как процесс социокультурного воспроизводства человека на основе предвосхищающего прообраза. Это социокультурное воспроизводство осуществляется с позиций целостности бытия человека и встроенности человека в мир (Н. Л. Худякова). По мнению А. Г. Кислова, современное образование начинается не с изучения человека, а с обращения к человеку, открывающего его «*само*» и снимающего социальные статусы и роли.

Образование обеспечивает человеку возможность инновационно существовать и при этом сохранить самого себя в условиях инновационной гонки. Безусловно, технологизация образования влечет за собой еще не до конца изученные риски – в частности, неоднозначно влияет на идентичность человека (С. А. Храпов). В социально-гуманитарных науках возросло число исследований, посвященных инновациям в образовании. Многие авторы считают, что только новые подходы, методы и приемы могут спасти образование от труднопреодолимого отставания. В западных и позднее в российских исследованиях интенсивно разрабатывалась концепция проектного обучения (project-based learning), ориентирующего учеников на исполнение определенной задачи, достижение конкретного, как правило, практически полезного результата (В. Barron, Р. Blumenfeld, М. Prince, А. С. Галченко, В. Н. Наумов, В. Ф. Поддубный). Другие исследователи делают акцент на преодолении дезадаптации человека в условиях инновационной эпохи. В этой связи особо значима идея С. А. Смирнова о создании антропологической платформы, фундирующей национальную технологическую инициативу. Антропоплатформа должна объединять в себе гуманитарную экспертизу и гуманитарные технологии (прежде всего, в образовании), рынок антропоориентированных продуктов и полигоны-лаборатории для отработки новых культурных, исследовательских, социальных практик на базе учебных заведений. В условиях инновационной гонки не подлежит сомнению значимость компенсаторных технологий, снижающих риск негативного воздействия цифровизации и других тенденций (С. А. Храпов).

Еще во второй половине XXв. Р. Юнг и Э. Тоффлер предлагали проекты по организации в учебных заведениях специальных прогностических групп, занимающихся анализом политических, технико-технологических и иных трендов и предсказывающих их дальнейшее развитие. А. Д. Урсул сформулировал идею «футуризации» образования,

связанную с ориентацией образовательного процесса на моделирование и прогнозирование будущего. Футуризация ориентирована на формирование у человека способности адаптации к технико-технологическим, политическим и иным переменам, а также на достижение устойчивого развития.

Таким образом, анализ степени разработанности темы и совокупности связанных с ней проблемных вопросов позволяет сделать вывод, что феномен человека будущего *косвенно* обозначается в различных исследованиях в связи с разными аспектами исследования будущего и способов движения к нему. Ряд современных инновационных стратегий ориентирован на модификацию человека. Человек должен уступить место «постчеловеку», который появится в качестве закономерного итога научно-технического прогресса. Все это обуславливает необходимость концептуального философско-антропологического осмысления человека будущего, перспектив человека как особого рода сущего в ситуации приоритета инновационного развития.

Объект исследования – человек (на всеобщем, особенном и единичном уровнях осмысления) в контексте инновационных стратегий, задающих векторы изменения его природы и воспроизводства его целостности.

Предмет исследования – образы человека будущего, определяющиеся содержанием инновационных стратегий.

Цель исследования: обосновать концепцию человека будущего на основе определения стратегии воспроизводства его целостности, обеспечивающей оптимальное существование в инновационном пространстве и сохранение человеческой идентичности.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач:**

1. Осуществить философско-антропологическую интерпретацию будущего как особого модуса времени существования человека.

2. Представить варианты интерпретации человека будущего на основании философско-антропологического подхода.
3. Выявить сложившиеся в истории философии представления о новации и инновации и осуществить их анализ.
4. Определить отличительные признаки новации и инновации на предметно-вещественном и ценностно-смысловом уровнях бытия человека.
5. Представить новацию и инновацию в качестве способов отношения человека к будущему.
6. Осуществить экспликацию образов человека будущего в трансгуманизме и иммортологии.
7. Выделить основные особенности телесной организации и духовного мира человека в инновационных стратегиях трансгуманизма и иммортологии.
8. Выявить существенные признаки социокультурного бытия человека будущего в контексте гуманоориентированных инновационных стратегий.
9. Определить содержание антропологии инноваций как гуманитарно-антропологической установки, ориентированной на достижение баланса между ценностями изменения и сохранения, целями и смыслом деятельности, на ответственное отношение к будущему.
10. Обосновать антропологию инноваций как вид гуманитарного знания, предметное поле которого связано с совокупностью проблемных, антропологически значимых вопросов инновационной деятельности и, в конечном счете, с существованием и перспективами человека.
11. Определить принципиальные основания и приоритеты образования как альтернативной гуманитарной стратегии, направленной на формирование ответственного и участного мышления человека о будущем; обосновать тезис о потенциале образования в качестве инновационной стратегии движения человека в будущее, личностного развития, сохранения и воспроизводства целостности человека.

Теоретическая основа исследования. Теоретическим основанием исследования является концепция Э. Гуссерля о связи кризиса европейской культуры и европейского человека в XX в. с редукцией универсальной рациональности до научной. С идеей Э. Гуссерля консонирует идея М. Хоркхаймера и Т. Адорно о мифологизации научно-технологического прогресса. В этой связи критическое мышление рассматривается философами как средство формирования «реальной гуманности», находящейся под угрозой вследствие возникшего культа научной рациональности.

В качестве теоретического основания выступает также концепция фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, в которой человек есть особое сущее, вопрошающее о бытии и определенным образом относящееся к бытию. Господство науки формирует определенное отношение к миру, соответствующее доминирующему типу рациональности, – как к объекту научного исследования и преобразования. Согласно принципам постнеклассической научной рациональности, человек является элементом сверхсложных, открытых и саморазвивающихся систем – в том числе, совершенно новых комплексов «человек – компьютер», «человек – Всемирная паутина» и др. В качестве субъекта научных изысканий человек моделирует собственный мозг и генетические структуры, создает искусственные органы, пытаясь не только разрешить все загадки своей природы, но и преодолеть собственные физические ограничения. В качестве объекта исследования человек расчленяется на части, служащие, в свою очередь, объектами моделирования. Опираясь на идеи М. Вебера о типах социального действия, можно утверждать, что человек стал субъектом и объектом научно обоснованного целерационального действия, оставляя в тени вопросы о конечном смысле своей деятельности. В качестве теоретического основания диссертационного исследования выступает идея Ж.-П. Сартра о человеке как проекте, ориентированном на преодоление

противоречий между потребностями и миром, стремящемся вызвать к жизни «еще не бывшее», постоянно реализующем себя в мыслях и поступках.

Одним из теоретических оснований является идея о человеке как о целостном телесно-духовном существе, столкнувшимся с вызовами гуманотехнологических стратегий. Эти стратегии ориентированы на превращение человека в «тело без пространства», в «персонажа» (В. А. Кутырев), существующего в виртуальной реальности.

Определение природы человека основывается на философско-антропологических концепциях А. Гелена и М. Шелера о дуальности человека как телесно-духовного существа.

Особо значимыми для настоящего исследования стали идеи Л. Е. Моториной о развитии гуманоориентированных технологий, С. А. Смирнова об антропологической платформе как фундаменте национальной технологической инициативы (и научно-технического прогресса), Л. В. Басовой о культурных трансформациях современности и, в частности, легитимации образов кибернетического человека в массовой культуре, С. В. Тихоновой об эволюции трансгуманизма и переходе к стратегии «человечества+».

Опора на эти принципиально важные философско-антропологические идеи способствовала формированию концепции образования как альтернативной инновационной стратегии, значимой для сохранения и воспроизводства целостности человека.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методологической основой диссертационного исследования является философско-антропологический подход, позволяющий рассматривать человека в качестве исходной и конечной точки в исследовании инновационных стратегий. Этот подход осуществлялся с целью решения проблем целостности, идентичности и самоопределения человека в контексте тенденций инновационной эпохи и возникновения гуманоориентированных

технологий. Аксиологический подход позволяет акцентировать внимание на ценностно-смысловом содержании бытия человека, на уникальности ценностного мира человека, конституируемого единством и противоположностью сущего и должного. Герменевтический подход позволил обозначить «дальний» горизонт понимания новации и инновации, понимание их конечного смысла – гуманитарного. В исследовании также применялись элементы диалектического подхода: диалектика сущего и должного, изменения и сохранения, целостности и раздробленности в реальном существовании человека и его мира.

В диссертации была произведена экспликация образов человека будущего (представленном в работах сторонников трансгуманизма и иммортологии) и последующая интерпретация этих образов. Принцип единства логического и исторического позволил рассмотреть исследуемый объект в качестве развивающегося и имеющего в различные исторические эпохи свою содержательную специфику. Наряду с экспликацией использовались методы компаративистики (сопоставительно-типологический и сравнительно-исторический методы), позволяющие соотнести образы друг с другом, а также проследить за «эволюцией» представлений о человеке будущего.

В процессе формирования концепции образования как альтернативной инновационной стратегии использовался метод концептуализации, позволивший содержательно дополнить и теоретически организовать представления об образовательных трендах, обосновать концепт антропологии инноваций, а также обозначить узловые моменты стратегии футуризации образования.

В качестве вспомогательных применялись социологические методы (интервьюирование, анкетирование), методы сравнительно-исторического языкознания, а также комплекс прогностических методик (FLF).

В диссертации использовались системный и историко-философский подходы, а также методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования, идеализации, классификации.

Научная новизна исследования. Основные результаты исследования, определяющие его новизну, заключаются в следующем:

1. Представлена интегральная интерпретация будущего, объединяющая онтологический и аксиологический подходы; будущее интерпретируется как модус времени существования человека, горизонт возможного, которому в принципе нельзя придать однозначных координат (в отличие от действительного), а в онтоаксиологическом аспекте – как сфера воплощения иного нового, сфера возможного как ценности, с которой связывается качественно новый уровень жизни, иные горизонты и перспективы существования человека и общества. Выход в эту сферу осуществляется пробросом (мысленным действием), а движение – путем (последовательностью целенаправленных шагов).

2. Человек будущего определен как образ возможного человека, кристаллизующий социально и индивидуально значимые ценности и служащий ориентиром на пути в процессе развития человека как личности. Обозначены два варианта интерпретации человека будущего – дискурсивная конструкция и результат самосозидания (автопроектирования).

3. С опорой на результаты анализа оригинальных произведений философов Нового времени и XX столетия понятия о новации и инновации выведены за границы материально-технической и экономической сфер жизни общества и человека. Обосновано, что новационность и инновационность универсально проявляются в действительности человеческого существования, то есть не связаны исключительно с определенными сферами деятельности человека.

4. В соответствии с предметно-вещественным и ценностно-смысловым измерениями бытия человека осуществлена философско-антропологическая

интерпретация новации и инновации. Показано, что новации и инновации органично связаны с трансцендированием и творчеством, в них выражаются потребность человека в изменении жизненного мира (и в самосозидании), а также практические шаги в созидании будущего.

5. На основе философско-антропологического подхода новация и инновация представлены как различные способы отношения человека к своему собственному будущему и будущему мира. В философско-антропологическом ракурсе новация связывается с конструированием человеком образа себя будущего и осознанное стремление к воплощению этого образа, а инновация – с пролонгированным использованием новшества, обеспечивающего человеку функционирование в качестве социально значимой единицы.

6. Осуществлена экспликация образов человека будущего в дискурсах трансгуманизма и иммертологии – «*homo immortalis*», трансчеловека, «*e-существа*», «постчеловека», «неочеловека». Выявлено, что эти образы являются логическим следствием редукции целостности человека до какого-либо одного из его измерений – сознания (отождествляемого с интеллектом и информацией), телесности, когнитивных способностей.

7. Предложена классификация стратегий трансгуманизма и иммертологии, с которыми связаны образы человека будущего – модернизация тела (имплантация, трансплантация, киборгизация) и отказ от тела (цифровизация личности, голографирование тела). Трансформация внутреннего мира обусловлена, в свою очередь, изменением когнитивных способностей и размещением «копии» сознания (личности) в Сеть.

8. Осуществлен анализ представлений трансгуманистов и иммертологов о возможных отношениях «человека» будущего (неочеловека, трансчеловека и т. д.) и *homo sapiens*; на основании результатов проведенного анализа определен спектр сценариев потенциального сосуществования человека и «постчеловека».

9. В научный оборот введен термин «антропология инноваций», содержательно раскрытый как специфическая установка мышления и практической деятельности, ориентированная на поиск способов и средств достижения баланса между ценностями изменения и сохранения по отношению к способам существования человека в инновационную эпоху, ценностно-смысловую детерминацию созидательной деятельности человека.

10. Антропология инноваций определена как вид гуманитарного знания, интегрированного в философию инноваций, и органично связанный с аксиологией. Обосновано, что антропология инноваций как вид знания призвана ответить на вызовы, связанные с приоритетом инновационно-технологической установки, и противопоставить ей инновационно-антропологическую установку с акцентом на человеке и смысле его деятельности в ориентации на будущее.

11. Образование представлено в качестве инновационной стратегии, конечный гуманитарный смысл которой заключается в сохранении, воспроизводстве и развитии человека в его уникальной целостности. Содержательно раскрыто стратегически значимое направление развития образования – футуризация. Сформулированы предложения по внедрению принципов футуризации в систему основного, высшего и послевузовского образования.

Положения, выносимые на защиту:

1. В антропологически-онтологическом аспекте будущее – модус времени существования человека, сфера возможного (потенциальная реальность), в отношении к которой, в отличие от действительного, невозможно констатировать конкретные (объективные) онтологические параметры. Параметры, однако, задаются человеком, исходя из представлений о себе ином. В аксиологическом аспекте будущее предстает для человека как новое, открывающее перспективы для качественно иного, в сравнении с действительным, способа существования. Отношение человека к

будущему (прежде всего, к собственному) реализуется на двух взаимосвязанных уровнях: мысленно-образном (проброс) и практическом (путь). Осуществляя проброс, человек переходит от представлений о себе наличном к представлениям о себе возможном как качественно ином (последние приобретают качество ценности), «пред-полагает» себя будущего, выдвигает цели и определяет ориентиры движения с сознанием того, как может быть, сообразуясь со своими собственными желаниями и стремлениями. В пробросе человек будущего существует как образ, а в пути – реальном движении навстречу этому образу, навстречу возможному и должному – реализуется отношение между этим предварительно сконструированным образом и наличным состоянием. В эпоху инноваций возрастает значимость осмысления пути и персональной ответственности за принимаемые в этой связи решения, прежде всего, ради предупреждения возможной дезориентации («футурошока» или «футурофобии») человека в условиях технологических, экономических и иных перемен.

2. Человека будущего возможно интерпретировать как образ, возникающий в пространстве отношения человека настоящего к себе возможному. Образы, задаваемые инновационными стратегиями, являются дискурсивными конструкциями, возникающими и функционирующими в пространстве публичности. Образ человека будущего (как дискурсивная конструкция) создается ради тех или иных целей и нагружается идеологическими коннотациями, обслуживающими партикулярные интересы. Дискурсы о человеке будущего задают рамки индивидуального развития, предписывают направление и дают рецептуру изменений. Поскольку будущее есть ценность, постольку сообщества ведут борьбу за обладание этой ценностью.

Иная интерпретация связана с пониманием человека будущего как результата самосозидания. Оно выражается не в безоговорочном принятии или копировании социальных образцов, а в поиске собственного ориентира

движения, осуществлении собственных пробросов в будущее, в четком понимании того, «как должно быть» и в реально осуществляемом движении в будущее. Самосозидание себя как целостности сопрягается для человека с персональной ответственностью за выбор пути в будущее.

3. Путь в будущее на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях в современности неразрывно связан с новациями и инновациями. В истории культуры значение терминов и область их применения менялись. Термин «новация» преимущественно употреблялся в государственно-правовом контексте и относился к изменению договорных обязательств. В XX в. слово «новация» стало употребляться вне юридического контекста, применительно к словотворчеству, изобретательству, инженерной деятельности и т. д. и использовалось применительно к широкому спектру видов человеческой деятельности. Слово «инновация» вошло в оборот в новоевропейской философии. Им обозначались изменения государственного и общественного порядка (прежде всего, политические и религиозные реформы), публичной жизни, языка, религиозных практик. В XX в. новациями и инновациями стали называть результаты технической деятельности (изобретения), словотворчества (неологизмы), смысловотворчества (методы, подходы, концепты, концепции, теории) и самотворчества (мировоззренческие новации). Новации и инновации понимались в качестве идей, концептов, теорий и методов, оказавших значительное влияние на мировоззрение и культуру. Анализ философских трудов прошлого дает основания утверждать, что эти феномены выходят за границы только материально-продуктивной деятельности. Философский ракурс позволяет говорить о новациях и инновациях как об универсальных средствах движения в будущее через создание, утверждение и воспроизводство нового, то есть того, что превосходит наличные формы. Новации и инновации принципиально важны, поскольку они связаны с движением человека в будущее, с перспективой его жизни.

4. Как универсально-продуктивное существо человек создает новации на различных уровнях предметности. В мире вещей новации и инновации изменяют предметно-практическую деятельность человека, модернизируют материальное производство и обеспечивают, прежде всего, явные перемены в вещественно-предметном мире. На ценностно-смысловом уровне они, в свою очередь, выражаются в смыслотворчестве и идеалотворчестве, создании различных норм, воздействуют на мировоззрение человека, на его отношение к миру и самому себе. Ценностно-смысловые новации выступают в качестве ценностных регулятивов, мировоззренческих парадигм, смысловых горизонтов, так как с ними связан принципиальный и осмысленный выбор перспективы существования человека и человечества. В современных реалиях деятельность человека оценивается преимущественно мерками материально-производственной продуктивности. В определенной степени доминированию этой меры способствуют ориентация науки и образования на коммерческие проекты и продукты. Тем не менее, именно образование позволяет расширить представление о продуктивности человеческого существования.

5. Независимо от конкретного содержания, новацию и инновацию возможно интерпретировать как универсальные способы движения в будущее. Новация всегда связана с трансцендированием, выходом за границы наличного, а также с перерывом постепенности в развитии личности. Инновацию, в свою очередь, можно интерпретировать как пролонгированное использование новшества, обеспечивающее оптимальное существование личности как социально значимой единицы. На надындивидуальном уровне новации и инновации являются индикатором общественного прогресса и локомотивом социальных трендов. На индивидуальном уровне новации и инновации выступают способами отношения к будущему, феноменами жизненного мира конкретного человека. Новации на данном уровне можно интерпретировать как

новшества, значимые для преобразования человека, качественно его меняющие; на их основе перестраиваются элементы в структуре материально-предметного и духовного мира. На индивидуальном уровне новации и инновации могут иметь различный масштаб, а личная ответственность человека за собственную продуктивную деятельность становится социально значимым явлением. Понимаемая как способ отношения к будущему, новация связана с осмысленным, осознанным движением человека навстречу образу самого себя будущего, а потому предполагает усилия, созидательную активность. Инновации на индивидуальном уровне отношения к будущему предполагают перестройку элементов жизненного мира, мира вещей, смыслов и ценностей обусловленную внедрением новшеств в собственный опыт.

6. В научных разработках и идеологических программах трансгуманистов и иммортологов существуют различные образы человека будущего – «трансчеловек», «постчеловек», «неочеловек», «*homo immortalis*» и «е-существо». Каждый из них позиционируется в качестве единственно возможного ориентира для изменения (фактически отмены) человека и каждый сопровождается соответствующей рецептурой. Инновационные стратегии, делающие ставку на развитие гуманоориентированных технологий (клонирования, киборгизации, цифровизации сознания и др.) не исходят из понимания человека в его целостности, но редуцируют последнего до «сознания», «информации», «биологической машины», «интеллекта» и т. д. Философское осмысление содержания идей трансгуманизма и иммортологии должно начинаться с вопросов о ценностных основаниях предполагаемых изменений: чем жертвуют и что сохраняют в человеке инновационные стратегии? Ради чего осуществляются желаемые трансформации? Будет ли человек, не соответствующий гипотетическим новациям, вообще уместен в будущем?

7. Трансгуманизм и иммортология предлагают три сценария будущего человеческой природы: во-первых, поддержание биологических процессов средствами клонирования, имплантации и трансплантации; во-вторых, модернизация тела с приживлением неорганических структур, в-третьих, – ликвидация биологического в человеке. «Homo immortalis» – исторически ранняя вариация первой стратегии. «Трансчеловек» и «Е-существо», в свою очередь, являются вариациями второй стратегии. Образы «постчеловека» и «неочеловека» возникли в контексте третьего сценария. Необходимость трансформаций тела обосновывается возможностями продления жизни и борьбы с болезнями и патологиями. Внутренний мир человека редуцирован до когнитивных способностей и интеллекта (концентрации внимания, улучшения памяти и вычислительных способностей и др.). Ключевыми стратегиями развития указанных способностей являются «инъекция» (чипизация, медикаментозные препараты и др.) и цифровизация сознания. Инновационные стратегии, использующие hi-hume, фундированы идеей несовершенства природы человека и верой в необходимость перехода человека на качественно иной уровень развития.

8. Социокультурное бытие гипотетических существ иммортологии и трансгуманизма может быть описано в категориях индивидуализма и автономности (безоговорочного приоритета частной жизни над совместно-социальной), свободы от общественных норм и правил. В трансгуманистических дискурсах проблема сосуществования человека и постчеловека не ставится и не решается. Основываясь на косвенных замечаниях трансгуманистов и иммортологов, можно выделить три сценария сосуществования человека и существ будущего: «Матрица», «Добрые боги» и «Бифуркация». Модифицированная природа человека, как следствие, меняет весь мир человека, оказывающегося в положении «рудимента» эволюции.

9. В условиях популяризации трансгуманистических стратегий, совершенствования hi-hume, внедрения технологий в природу человека, необходим комплексный гуманитарный ответ на вызовы инновационной эпохи. Антропология инноваций может быть определена как гуманитарно-антропологическая установка мышления и деятельности человека. Сущность этой установки заключается в ориентации человека на достижение и поддержание баланса между ценностями изменения и сохранения по отношению к способам существования человека в инновационную эпоху, между искусственным, спроектированным, с одной стороны, и самоценным, обладающим собственными потенциями бытия, с другой стороны. Для достижения такого баланса антропология инноваций ориентирует новатора на ценностно-смысловой горизонт мышления и акцентирует внимание на соответствующих основаниях созидательной деятельности. Антропология инноваций направлена на поддержание оптимального соотношения между прагматическим, вычисляющим мышлением и рефлексивным, критическим мышлением. Она предполагает комплексную аналитику «инновационистских» дискурсов с точки зрения их внутренней логики (прежде всего, определения ключевых понятий), соответствия объективным условиям (уровню научно-технического развития, законодательству, уровню готовности общества и т. д.) и наличия ценностно-смысловых оснований инноваций, проектов, идей. Антропология инноваций ориентирована на демифологизацию культов научной рациональности и технологического прогресса.

10. Антропология инноваций представляет собой вид гуманитарного знания, результат осмысления инноваций в контексте способов совместного и индивидуального бытия людей. Предметное поле антропологии инноваций связано с совокупностью антропологически значимых, проблемных вопросов инновационной деятельности и ее результатов, с перспективами существования человека в контексте инновационных стратегий. Задача

антропологии инноваций предполагает понимание универсальности инноваций, и, главным образом, связывается с постановкой вопросов об идентичности, самоопределении и целостности человека перед лицом инновационных стратегий. Предметом антропологии инноваций является человек в его целостности, в единстве телесной природы, социокультурного бытия и душевно-духовного мира, человек в его отношении к будущему. Антропология инноваций органично связана с философией инновацией, аксиологией, так как отвечает на проблемные вопросы, учитывая особенности ценностного мира человека в эпоху инноваций, с прогнозированием, так как предполагает определение перспектив существования человека. В фокусе внимания антропологии инноваций находится человек как субъект и объект инновационной деятельности. Все, что связано с ценностным миром человека, приобретает большое значение в условиях инновационной «гонки».

11. Образование является инновационной стратегией, направленной на воспроизводство целостности человека, и консолидирует предельно общие гуманитарные смыслы. Оно ориентировано на будущее как на ценность и является стратегически значимым средством становления, воспроизводства, развития, обновления человека как человека. Средством формирования ответственного, участного отношения человека к будущему как к коллективной и индивидуальной ценности может выступить образовательная стратегия футуризации. Футуризация ориентирована на достижение согласия между ценностями изменения и сохранения, созидающей деятельностью и критикой самой деятельности и ее результатов. В конечном счете, образование (и футуризация в частности) создает условия для ответа на вопрос, как быть самостоятельным по отношению к будущему в мысли и действии и при этом участно и ответственно относиться к самоизменению и изменению мира.

Теоретическая и практическая значимость работы. В диссертационном исследовании разработана концепция антропологии инноваций, представленной в трех аспектах: в качестве особой установки мышления и деятельности и в качестве вида гуманитарного знания. Обосновывается, что антропология инноваций может выступать как антропологическая платформа для образования – альтернативной инновационной стратегии, особенно значимой в ситуации интенсификации воспроизводства инноваций и развития «hi-hume» технологий. Содержательная разработка антропологии инноваций является необходимой на теоретическом уровне и значимой в условиях интенсивного внедрения научно-технологических и технических новаций, а также в условиях популяризации стратегий радикального изменения природы человека.

В свете антропологии инноваций образование определяется как сфера и пространство, где создаются возможности инноваций применительно к человеку (ко всему, что связано с его бытием как человека). Образование вооружает человека знаниями, навыками, умениями и компетенциями, и обеспечивает возможностями, с одной стороны, инновационно существовать, вкладывать в себя, используя при этом то новое, что позволяет человеку раздвигать собственные границы, осуществлять самотрансцендирование, а с другой стороны, возможностями адаптации к стремительно меняющимся условиям. Если самотрансцендирование заложено в природе человека, то необходимо, чтобы он понимал, умел и знал, каким образом все время обновляться (в том числе, руководствуясь прагматичными целями). В инновационных ситуациях образование призвано сохранять человека человеком, исходя из признания его универсальности, неограниченности в возможностях преобразования как себя самого, так и своего мира. Образование – это и сфера сохранения, и сфера инноваций, обращенных к человеку.

Предложенная автором трактовка антропологии инноваций может углубляться и расширяться. Одним из направлений исследования может стать разработка способов и мер реализации антропологии инноваций как варианта гуманитарного знания. Важен и вопрос практического применения выводов диссертационного исследования в реальной жизни. Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты и выводы могут быть использованы для гуманитарной экспертизы «hi-hume»-проектов и технологий с целью предотвращения угроз и риска необдуманных экспериментов с телом, мозгом, когнитивными и другими способностями человека. Критическое мышление должно служить инструментом, позволяющим взвешенно оценить возможную опасность применения НБИК-технологий и уберечь человека от безвозвратных процессов перестройки его природы.

Результаты работы можно применить для разработки программ социокультурного развития и комплекса конкретных мер, сдерживающих некоторые, потенциально опасные, направления экспериментирования. Теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании курсов философии, философии науки и техники, культурологии и социологии и вузах, а также для разработки специализированных курсов по проблематике философской антропологии, философии культуры, социальному проектированию и социальной философии.

Достоверность результатов диссертации подтверждается постановкой проблемы, определением предмета, позволяющим выявить и обозначить важнейшие характеристики объекта, определением цели и задач, на основании чего была предложена концепция образования как альтернативной инновационной стратегии, корректным использованием понятийно-категориального и терминологического аппарата, методологии философии и

науки, большим объемом проанализированной научной и философской литературы по соответствующей проблематике.

Апробация работы. Основные тезисы диссертационного исследования обсуждались на теоретических семинарах кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры и на кафедре философии Южно-Уральского государственного университета. Автором организован и проведен круглый стол, приуроченный к Семнадцатому Славянскому научному собору «Урал. Православие. Культура». Некоторые идеи диссертации изложены на XXIV Всемирном философском конгрессе (2018 г., Китай, г. Пекин), XV международной конференции по философской практике (2018 г., Мексика, г. Мехико), международных междисциплинарных научных конференциях «SGEM Social Sciences & Arts» (Болгария, Албена, 2017-2018 гг.) и обсуждались на шестом (Нижний Новгород, 2012 г.) и седьмом (Уфа, 2015 г.) российских философских конгрессах; третьей международной научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании 2018» (Ростов-на-Дону, 2018 г.), на международных научно-творческих форумах «Молодежь в науке и культуре XXI в.» (Челябинск, 2012-2019 гг.), международных научно-практических конференциях «Философия и наука» (Екатеринбург, 2016-2019 гг.), международных научных конференциях «Бытие человека: проблема единства в многообразии современного мира» (Челябинск, 2018-2019 гг.).

Материалы диссертации использовались автором при чтении лекций по философии, философии научного знания и философии технических наук в Южно-Уральском государственном университете (2012-2020 гг.).

Общее число публикаций по теме диссертации составило 39 общим объемом около 37 п. л., в том числе 4 статьи по теме диссертации в журналах, индексируемых в «Scopus» и «Web of Science», 1 монография и

глава в коллективной монографии и 22 статьи в журналах, включенных в реестр ВАК МНиВО РФ.

Структура и объем диссертационной работы. Структура диссертационного исследования определена поставленными целью и задачами: состоит из введения, четырех глав, первая из которых включает два, а последующие – три параграфа, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 354 страницы. Список литературы включает 369 наименований, в том числе 59 на иностранных языках.

Глава 1. Будущее человека и человек будущего: философско-антропологическая интерпретация

1.1. Будущее как модус времени существования человека

В книге «Бытие и время» М. Хайдеггер, разграничивая устоявшееся понятие о времени с понятием времени в контексте фундаментальной онтологии и Dasein-аналитики, сформулировал два вопроса, фиксирующих распространенные возражения против его философской интерпретации будущего: «... разве время не “идет своим ходом дальше” невзирая на уже-не-присутствие меня самого? И не безгранично ли еще много чего может лежать “в будущем” и настать из него?»¹. По мнению мыслителя, на оба этих вопроса следует ответить положительно. Действительно, время шло, идет и будет «идти своим ходом», а человеку суждено фиксировать его ход определенной «мерой». И, конечно, будущее подбрасывает человеку «сюрпризы», каким-либо образом «настает» или «грядет». Будущее, как и время вообще, есть как будто некая объективность, «идушая своим ходом», внешняя сила, существующая по своим собственным законам. Так определяемого будущего – как «отрезка» на временной ленте – еще нет. Если прошлое оставило человечеству артефакты, «следы», а настоящее «обставляет» человека вещами и событиями, то будущее ничего не «оставило» и ничем не «обставляет». Оно существует по-другому, не вещественными «следами» или событиями. Будущее существует на феноменальном уровне. Человек, по выражению М. Хайдеггера, «заступает» в будущее².

Существование человека «собирается» воспоминаниями о прошлом, переживанием настоящего и мыслями о будущем. Вероятно, не существует человека, который никогда не боялся бы наступления какого-либо события, не надеялся на перемены, не мечтал об исполнении своего желания, не

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 369

² Хайдеггер М. Бытие и время. С. 369

стремился к реализации поставленной цели. Так или иначе, человек «заступает» в будущее, и это «заступание» обуславливает особый взгляд на самого себя, на жизнь здесь и сейчас.

Подобно тому, как множество концепций времени невозможно синтезировать в общую, универсальную теорию, представления о будущем нельзя привести к какому-либо единому знаменателю. На сегодняшний день нет никакой общепризнанной теории будущего. Позитивным наукам и, главным образом, естествознанию, свойственны попытки определить будущее в «чистом» виде, безотносительно к человеку. В Новое время, ознаменовавшееся прогрессом наук о природе, научные концепции будущего соответствовали физико-механистической картине мира. Основная и сложнейшая задача физики, по утверждению И. Ньютона, состояла в том, чтобы распознать те или иные силы природы, наблюдая за их движением, а затем по распознанным силам объяснить движение других сил³. Будущее в физической картине мира Нового времени понималось как еще не наступившие следствия («движения») определенных природных сил. Философы эпохи Просвещения, основываясь на механистической концепции физики, были сторонниками идеи детерминизма (А. Гельвеций, П. Гольбах и др.). Естественнонаучный, объективистский подход к будущему, в конечном счете, столкнулся с непреодолимым барьером – ограниченностью познавательных способностей человека. Эта ограниченность была выражена известным мысленным экспериментом П. Лапласа. Для того чтобы зафиксировать координату и скорость каждой частицы Вселенной и с точностью предсказать поведение этих частиц, познавательных способностей человека не достаточно. Только сверхъестественное, «демоническое» существо может иметь абсолютное знание о прошлом и будущем. В отличие от ограниченного по своей природе человека, «демон» мог бы знать все об эволюции любой системы и, в пределе, Вселенной.

³ Ньютон И. Основные начала натуральной философии. С. 3

Механистическая и детерминистская картина мира была призмой, сквозь которую человек смотрел на мир. Согласно механистическо-детерминистским идеям, будущее «складывается» как неисчислимая (по крайней мере, силами человеческого разума) совокупность следствий такой же неисчислимой совокупности причин. В сравнении со средневековой религиозной картиной мира научная картина мира Нового времени давала человеку многообещающие возможности предсказания (прогноза) и конструирования будущего. Не случайно именно в Новое время возникли социальные утопии. В европейской религиозной традиции Средних веков прошлое, настоящее и будущее мыслились как пребывающие в Боге (Августин Блаженный, Ансельм Кентерберийский и др.). По выражению Ансельма, вечность Бога всегда есть целое⁴. У Бога нет ни «вчерашнего», ни «сегодняшнего», ни «завтрашнего» дня⁵. Ничего не знающему о будущем и бессильному на что-то повлиять человеку оставалось уповать на божественное провидение. Следует оговориться, что приверженность провиденциалистским идеям критиковалась уже в конце XV в. Гуманисты раннего Нового времени упрекали человека за слепую веру в божественное провидение, а также за культивируемые в связи с этим бессилие и безответственность. В частности, острая критика веры в провидение содержалась в поэме «Корабль дураков» (1494 г.) немецкого сатирика С. Бранта.

Прогнозирование приобрело статус научной деятельности и решительно отмежевалось, во-первых, от религиозных пророчеств и предсказаний, а во-вторых, от иных способов предвосхищения будущего – например, предвидения, предчувствия и предугадывания⁶. Научное прогнозирование основывается на детерминистской картине мира и объективации будущего, о чем прямо говорит И. В. Бестужев-Лада:

⁴ Ансельм Кентерберийский. Прослогион.

⁵ Августин Блаженный. Исповедь. С. 9.

⁶ Бестужев-Лада И. В. Рабочая книга по социальному прогнозированию. С. 7.

«Прогнозист исходит из ... детерминации явлений будущего, из того, что необходимость пробивает себе дорогу через случайности ...»⁷. Это означает, что прогностическая деятельность осуществляется, прежде всего, на основе вероятностного подхода. Статистические теории и законы признаются на современном уровне развития естественных наук и появившейся в XXв. футурологии наиболее совершенными средствами описания природы и общества⁸. По существу, статистико-прогностическая деятельность осуществляется в два этапа: на первом осуществляется сбор и обобщение данных об исследуемом объекте, а на втором определяются вероятные изменения изучаемых признаков. Не имея «демонических» способностей, человек вынужден ограничиваться расчетом вероятности наступления определенных событий. Ученые, однако, высоко оценивали (и, возможно, переоценивали) значимость прогнозирования, невзирая на вероятностный характер любых его результатов. Одним из самых громких заявлений в российской науке в недавнем прошлом было высказывание И. В. Бестужева-Лады о том, что футурологи знают XXIв. лучше, нежели историки знают XX в. Вероятностный подход, наряду с методом экстраполяции, фактографическим методом, математическим моделированием и т. д., интенсивно используется в прогностике и сегодня.

Сам факт становления научного прогнозирования свидетельствует о решительных переменах в мировоззрении человека, соответствующих духу Нового времени. Требование научной объективности предполагало изучение объекта самого по себе, взятого безотносительно к субъекту. В науке, по выражению М. Хайдеггера, произошел подход к «существенной стороне всех вещей»⁹. Будущее как особый объект научного прогнозирования и появившейся на западе футурологии тоже «требовало» объективного отношения. Ради принципа объективности необходимо было выявить

⁷ Бестужев-Лада И. В. Рабочая книга по социальному прогнозированию. С. 9.

⁸ Раенко Е. А. Роль дидактического принципа вероятностного подхода при формировании современного научного стиля мышления. С. 93.

⁹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 25.

«существенную сторону» будущего – основного предмета прогностики и футурологии. Фактически же в футурологических и прогностических исследованиях определения будущего нет. Обходя стороной процедуру определения, ученые сразу приступают к конструированию образов «специализированного» и сведенного к конкретно-предметной определенности будущего – будущего капитала, промышленности, политики, коммуникации, человеческого тела и когнитивных способностей и т. д. В подобных случаях предметом внимания оказывается не будущее, а политика, экономика или иные сферы деятельности с точки зрения стратегических и тактических возможностей развития. В результате освещения тех или иных сфер появляются различные картины будущего – «постиндустриальная»¹⁰, «информационная»¹¹, «посткапиталистическая»¹², «постчеловеческая»¹³ и другие. По замечанию И. Берлина, ученый-лингвист легко ответит на вопрос о будущем времени, применив правила грамматики, но окажется в тупике, если спросить «что значит “будущее”?». Философ считал, что этот и другие подобные вопросы не содержат указателей для поиска ответов¹⁴.

Определение будущего как такового оказывается в компетенции философии и, в первую очередь, онтологии. Наука, требующая конкретно-предметной определенности, не ставит задачу и не может говорить о будущем, так как для этого необходимо было бы абстрагироваться от предметного содержания, различного рода «специализаций». Однако, и в философии, очевидно, нет общепризнанного ответа на вопрос, что есть будущее. Как правило, будущее осмыслялось в контексте времени. Последнее продумывалось еще древнегреческими философами (прежде всего, Платоном и Аристотелем) и оставалось в поле зрения на протяжении

¹⁰ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

¹¹ Информационное общество: сборник. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 509 с.

¹² Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

¹³ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 352 с.

¹⁴ Берлин И. Назначение философии. С. 94.

всей истории философской мысли. Философские представления о времени основательно изучены, а потому нет необходимости специально и обстоятельно останавливаться на этом вопросе. В истории философской мысли, по замечанию Д. В. Гарбузова, две интерпретации феномена времени – объективистская и субъективистская – противостояли друг другу. Время интерпретировали то как абсолютную, вечную и неизменную длительность, то как порядок последовательностей, то как существующее «над» миром и человеком, то как не существующее без человека. В номиналистической философской традиции XIV в. время трактовалось в качестве продукта субъективности человека. Эту позицию разделяли и позднейшие мыслители. Например, Г. Лейбниц считал, что время есть форма связи вещей и отношений, необходимый человеческому духу порядок¹⁵. Пытаясь разрешить явное противоречие объективистских и субъективистских интерпретаций времени, И. Кант полагал, что время не имеет абсолютного, трансцендентного статуса, но является при этом эмпирической реальностью – условием возможности внутренних и внешних явлений.¹⁶ Обстоятельно осмысляя феномен времени, немецкий мыслитель при этом не выделил будущее в качестве особого предмета философской рефлексии. Упоминание о будущем было сделано в «Критике чистого разума» в контексте рассуждений об особом человеческом свойстве – фантазии. Предаваясь фантазии, человек создает «вымышленные» понятия, возможность которых никак и ничем не может быть обоснована. К понятиям такого рода И. Кант относил веру в способность созерцания будущего. Критикуя несостоятельность подобных верований, немецкий философ признает действительной только способность умозаключать о будущем¹⁷. Обозначенный кантовский тезис оказался принципиально важным не столько для понимания будущего, сколько для последующего развития науки, а

¹⁵ Нарский И. С. Готфрид Лейбниц. С. 159.

¹⁶ Кант И. Критика чистого разума. С. 65.

¹⁷ Там же. С. 217.

конкретнее, для формирования футурологии и научного прогнозирования. По существу, и та, и другая научные области ищут и применяют различные способы (некоторые из них уже упоминались) умозаключения о будущем. В кантианской философии время собирает и упорядочивает не только эмпирический опыт, но и идеи, представления, мышление¹⁸.

Новая концептуализация времени, отличающаяся от объективистских и субъективистских интерпретаций, а также от кантианского трансцендентализма, возникла в XXв. с появлением феноменологии и экзистенциализма. Основатель феноменологии Э. Гуссерль не признавал время ни в качестве «продукта» деятельности рассудка, ни в качестве абсолютной и объективной сущности. В феноменологической концепции Э. Гуссерля были сформулированы идеи об ощущаемом, или внутреннем времени. При этом философ различал воспринимаемое и ощущаемое временное. Первое есть не что иное, как «живая данность», объективное время. Ощущаемое временное, напротив, является феноменологическим данным, формирующим отношение к объективному времени¹⁹. В основе конструирования времени лежит «живое теперь» – первоначальное восприятие, дающее импульс ретенции, то есть следам прошлого в настоящем и протекции – предвосхищению будущего. Настоящее, по выражению Э. Левинаса, является своего рода «вспышкой» сознания. Однако эта «вспышка» проходит, а ее следы удерживаются в «новом настоящем». Интенция и есть удержание бывшего в настоящем. В свою очередь, протекция («продление») – это открытость будущему²⁰. В единстве интенций и протекций, в способности выхода за границы момента «теперь», утверждается свобода духа.

Феноменологическая философия Э. Гуссерля имела принципиальную значимость для последующей концептуализации времени в фундаментальной

¹⁸ Медова А. А. Понятие времени и его значение для модели сущности человека. Сравнительный анализ концепций И. Канта и Мориса Мерло-Понти. С. 35.

¹⁹ Молчанов В. Гуссерль и Бергсон: введение времени. С. 88.

²⁰ Левинас Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером. С. 195-196.

онтологии М. Хайдеггера и философии экзистенциализма. В отличие от многих других мыслителей, немецкий философ уделил будущему довольно большое внимание. Идеи М. Хайдеггера о будущем невозможно понять без контекстуальных идей о времени. Следуя за Э. Гуссерлем, М. Хайдеггер критикует «расхожее» представление о времени как о рядоположенности необратимых, однонаправленных моментов «теперь». Так понимаемое время «функционирует» в пространстве публичности, то есть в условиях повседневного существования человека, с определенными внеположенными нормами и правилами жизни. Публичное время обеспечивает известные удобства для жизни. Такое время измеряется посредством наблюдения за движением светил и фиксируется специальными приборами и шкалами. В философии М. Хайдеггера возникла особая категория – категория временности. Изначальная, подлинно человеческая временность представляет собой единство трех измерений-«экстазов» – будущего, настоящего и свершившегося. По замечанию П. П. Гайденко, обозначенные «экстазы» не совершаются последовательно, в некоем соответствии с общепринятым толкованием времени. Будущее в этом смысле не наступает «за» настоящим, а настоящее, в свою очередь, не возникает «позднее» прошедшего²¹. Подлинная временность, по М. Хайдеггеру, не является бесконечной последовательностью длящихся состояний. В этом положении ученик Э. Гуссерля принципиально разошелся с идеей своего учителя. Понимание времени в качестве бесконечного континуума длящихся состояний неразрывно связано с «расхожим», физическим толкованием времени. Хайдеггеровская трактовка изначальной временности начиналась с положения о конечности «вот-бытия»: «Модус временения “отталкивающейся” актуальности основан в существе временности, которая конечна»²². Именно из этой подлинной временности возникает («временит»)

²¹ Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. С. 397.

²² Хайдеггер М. Бытие и время. С. 390.

неподлинная временность. Человек – единственное сущее, по которому может быть «прочитан» смысл бытия. Только «исходя» из человека можно «прочитать» и смысл временности.

В отличие от европейской рационалистической философии Нового времени, философия М. Хайдеггера не выдвигает способность человека к познанию на первый план. По замечанию П. П. Гайденко, рационалистическая философия сводила сущность человека к познанию и тем самым упускала из вида бытие²³. Dasein («вот-бытие») конституируется не познавательной способностью, а изначальной открытостью, настроенностью, расположенностью, предшествующими любой рефлексии. Настроенность на мир неразрывно связана с экзистенциальным проектом, который принципиально отличен от любого конкретного плана. Конкретный план реализуется только на основании проективности «вот-бытия». В одной из ключевых идей М. Хайдеггер раскрывает Dasein как основание своего собственного бытия, бытие самости²⁴. В определенном смысле, проект присутствия – это фундаментальный, основной проект. «Проективность» присутствия заключается в том, что Dasein понимает самое себя из возможностей и, следовательно, есть «брошенное сущее»²⁵. Способное быть, присутствие свободно в выборе возможности. В результате такого выбора оно всегда отрекается от одного в своем «экзистентном наброске» и примыкает к другому. Как и куда присутствие пробрасывает себя, какую возможность своего бытия оно принимает – вопросы, требующие основательного продумывания. М. Хайдеггер акцентировал особое внимание на потерянности присутствия в «людях» (das Man). Брошенное в «люди», выбравшее для себя возможность быть в «людях», присутствие закрыло себе путь к самости, к возможности быть собой²⁶.

²³ Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. С. 401.

²⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 322.

²⁵ Там же. С. 321.

²⁶ Там же. С. 324.

Идеи М. Хайдеггера о присутствии как проекте, «экзистентном наброске», подчеркивают особую роль будущего. По замечанию П. П. Гайденко, будущее, в контексте философии Dasein, является «определяющим модусом времени»²⁷. Это объясняется, во-первых, открытостью присутствия, а во-вторых, направленностью «вот-бытия» к смерти. Даже бытие к смерти, то есть бытие к своему «наиподленнейшему» (П. П. Гайденко) будущему, может быть несобственным. В пространстве публичности смерть воспринимается в качестве происшествия, как «случающееся событие»²⁸. Эти происшествия объединяются под эгидой общеизвестного суждения «человек смертен». В «Бытии и времени» М. Хайдеггер писал: «Умирание, по сути незаметно мое, извращается в публично случающееся событие, встречаемое людям»²⁹. Уверенность в том, что смерть «касается» всех, в известной мере успокаивает человека. Где-то случившийся смертельный случай – это не *моя* смерть. В пространстве публичности ужас перед смертью нивелируется до страха. В отличие от ужаса, страх всегда предметен и обусловлен какой-либо причиной³⁰. Бытие к смерти как к подлинному событию превращается в обыденное бытие к смерти.

Фундаментальная онтология М. Хайдеггера исходит, таким образом, не из широко распространенного понимания времени как последовательности моментов. Подлинное время «временит» из будущего, которое философ называл «исходным феноменом»³¹. В «Бытии и времени» содержится не только определение будущего через отрицание, но и позитивное определение. Согласно первому определению, будущее не есть некое «теперь», еще не ставшее «действительным». Согласно второму, будущее – это наступление, в каком присутствие в своей способности быть настает для

²⁷ Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. С. 405.

²⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 286.

²⁹ Там же. С. 287.

³⁰ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 32.

³¹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 365.

себя³². Следует оговориться, что вторая трактовка будущего («позитивное» определение) вовсе не повторяет привычный оборот «будущее наступает (наступит)». «Наступающее» будущее может пониматься и как ближайшая, позитивная для человека перспектива, и как ставшие практически очевидными новые возможности, которые еще совсем недавно считались практически нереальными в обозримое время. Но так понимание будущее может и идти на человека, угрожать ему и даже раздавить. Зачастую обозначенным оборотом пользуются в тех случаях, когда говорят о внедрении новых технологий, будь то беспилотные автомобили, электронные платежи, протезы нового поколения или что-либо еще. Иными словами, на человека движется нечто неизвестное и ему несоразмерное. В представлении о будущем как об идущей навстречу чужеродной силе, по-видимому, есть глубокие корни фаталистического мировоззрения, или, по выражению Тита Лукреция Кара, вера в «рока законы»³³. Будущее, конституируемое публичной понятностью, есть несобственное будущее. Не трудно заметить, что публичное пространство наполнено картинками, сценариями и проектами будущего. Зачастую они противоречат друг другу, но каждая картина, каждый сценарий и проект претендует на истинность как то, что сбудется. Примеры картин будущего можно найти в социальных утопиях, реформаторских проектах, декларативных документах и других источниках. Например, авторы манифеста «Эволюция 2045», созданного в рамках общественного трансгуманистического движения «Россия 2045», утверждают, что к середине XXI столетия мир может «свалиться в новые Темные века». Однако если человечество последует за призывами трансгуманистов, глобальной деградации не произойдет³⁴. Наступающее будущее может быть тем, что хочется приблизить – в таком случае оно есть ожидаемое, долгожданное будущее. Оно же может нести с собой опасность,

³² Там же. С. 365.

³³ Тит Лукреций Кар. О природе вещей. С. 66.

³⁴ «Эволюция 2045» – партия интеллектуального, технологического и духовного прорыва. Манифест.

угрозу комфортному существованию и даже угрозу жизни. В любом случае, наступающее будущее есть сфера приблизительно известного. Именно с этим будущим связаны ожидания, мечты и надежды.

Будущее, конституируемое публичной понятностью, как бы касается всех и, следовательно, не принадлежит никому. В определенном смысле, это всегда не *мое* будущее. Подобно тому, как смерть может определяться из устоявшихся суждений (например, в качестве «случая»), так и будущее может определяться из публично принятых мнений. Распространенные мнения о будущем не ограничиваются уподоблением последнего разрушительной стихии. Напротив, в современном цивилизованном мире укрепилось мнение о том, что будущее *делается, конструируется* человеком. Это мнение распространяется как слоганами («Будущее зависит от тебя», «Мы делаем будущее прямо сейчас» и т. д.), так и трендами культурной и, в частности, научной политики. Благодаря академику В. С. Степину, в научный оборот вошло понятие постнеклассического типа рациональности. Становление этого типа (ныне господствующего) произошло в XX столетии. В числе специфических признаков постнеклассического типа рациональности и одновременно этапа развития науки В. С. Степин выделял особые ценностно-целевые структуры субъекта научной деятельности³⁵. Эти ценностно-целевые структуры вполне соответствуют принятым в культуре доминирующим ценностям – ценностям креативности, практической реализации, новизны, конвертации идеи в прибыль и т. д. Постнеклассическая рациональность, сформировавшая новую онтологию – нелинейную онтологию самоорганизующихся систем – существенно затруднила прогностическую деятельность³⁶. О будущем невозможно сказать что-либо претендующее на точность. Не надеясь на точность прогнозов, человек озаботился *деланием* будущего. Не случайно

³⁵ Степин В. С. Цивилизация и культура. С. 164.

³⁶ Антипин Н. А. Будущее как предмет философского осмысления в классической, неклассической и постнеклассической науке. С. 95.

практикоориентированность не без основания называют одной из специфических черт новой научной рациональности. По выражению Т. Г. Лешкевич, «технонаука должна развиваться во благо человечества»³⁷. Под благом, в свою очередь, понимается все то, что может находиться в распоряжении, во владении и в пользовании, создавая человеку известные удобства. Современная научная политика ориентирует ученого не только на поиск истины, но, прежде всего, на поиск способов и средств конвертации результатов научного исследования в прибыль.

Научное прогнозирование, как и наука в целом, существенно преобразилось в соответствии с запросами инновационной эпохи. Если для прогностики XIXв. и первой половины XXв. были характерны предсказания тех или иных событий (зачастую они датировались), то для современной прогностики характерны принципиально иные методы работы. Все реже специалисты по прогнозированию составляют перечни предполагаемых событий, но все чаще пишут «сценарии» и составляют «карты» будущего³⁸. Такие прогностические группы, как «Метавер» или «Конструирование будущего» занимаются созданием моделей возможного или желаемого развития страны, региона, конгломерата государств и т. д. В результате конструирования появляется множество разнообразных картин будущего, что позволяет назвать современность эпохой «футуроплюрализма». В картинах будущего, так или иначе, воплощаются тренды бизнес-элиты и государственной политики – прежде всего, развитие новых технологий и конкурентоспособность на международном технологическом рынке и технизация различных сфер деятельности. Человека ориентируют на постоянное производство и потребление продуктов-новинок. В авангарде новшеств идет технико-технологическая продукция – именно она сегодня, в первую очередь, называется «инновационной». Одним из актуальных для России примеров конструирования и картирования будущего являются

³⁷ Лешкевич Т. Г. Проблема человекообразности в современной постнеклассической науке. С. 7.

³⁸ Переслегин С. Б. Дикие карты будущего. Форс-мажор для человечества. М.: Алгоритм, 2015. 480 с.

интеллектуальные продукты Агентства стратегических инициатив, группы «Метавер» и московской школы «Сколково». Последние пять лет эти интеллектуальные продукты – карты и презентации форсайт-сессий, видеоматериалы, книги, Интернет-сайт «Библиотека знаний. RF 20.35» и др. – активно обсуждаются как в масс-медиа, так и в научной среде. Авторы книги «Карты. Ставки. Образы» открыто заявляют, что занимаются «производством» будущего³⁹. Руководитель форсайт-сессий Д. Н. Песков четко обозначил приоритеты государства, санкционирующего деятельность Агентства стратегических инициатив и его партнеров: конкурентоспособность на рынке высоких технологий, лидерство в сфере образовательной политики, удовлетворение государственных запросов на инновации и соответствующие компетенции, прибыль от государственных инвестиций.

Таким образом, в пространстве публичности будущее объективируется и понимается, выражаясь словами М. Хайдеггера, как «некое “теперь”, которое еще не став “действительным”, лишь когда-то будет быть»⁴⁰. Понимаемое как некое «теперь», будущее всегда наступает «за» настоящим. В терминологии М. Хайдеггера такое будущее всегда есть несобственное присутствию будущее. Соответственно определенное отношение к этому будущему М. Хайдеггер назвал «несобственным пониманием»⁴¹. В контексте аналитики Dasein-философ четко различил собственное и несобственное понимание будущего. В первом случае присутствие не «бросает» себя на полезное, доступное и практичное. Несобственное понимание будущего конституируется ожиданием чего-либо от предмета заботы. Несобственное будущее, соответственно, понимается как ожидаемое. Авторы форсайт-карт и сценариев будущего убеждают, что их интеллектуальные продукты выполняют превентивную функцию (которой в действительности может и не

³⁹ Карты. Ставки. Образы. С. 10.

⁴⁰ Хайдеггер. М. С. 365.

⁴¹ Там же. С. 377.

быть), и, следовательно, предупреждают человека об угрозах будущего. Производители этих продуктов предлагают потребителям «рецептуру» спасения от неблагоприятного развития событий. Эта «рецептура» и является несущей конструкцией дискурсов о человеке будущего.

Собственное понимание будущего конституируется не ожиданием, а решимостью. В интерпретации М. Хайдеггера решимость предстала как молчаливое бросание присутствия в свое собственное «бытие-виновным»⁴². Решимость хранит в себе свое бытие к смерти как модальность своей же собственности⁴³. По оценке О. Ф. Больнова, решимость можно интерпретировать в качестве высочайшей временной концентрации, в процессе которой мгновение обретает безусловную значимость. Иными словами, ценность определенного мгновения перестает зависеть от его временной протяженности. Фундированная решимостью, деятельность человека несет сокровенный смысл в себе самой, а не получает его из определенной и требующей достижения цели⁴⁴. Бытие человека всегда стоит перед лицом многих возможностей и определенным образом настроено на эти возможности. Фактически обилие открывающихся возможностей может «разобрать» человека на части. В этой связи, благодаря решимости человек не тонет в водовороте возможностей.

В философии экзистенциализма, не принявшей объективистское истолкование времени, последнее мыслится в неразрывной связи с существованием человека. М. Хайдеггер в «Бытии и времени» называл будущее «первичным смыслом экзистенциальности»⁴⁵, и «первичным феноменом исходной и собственной временности»⁴⁶. В контексте фундаментальной онтологии будущее, главным образом, интерпретируется как «экстатический модус»⁴⁷. Выход за границы наличного осуществляется к

⁴² Хайдеггер М. Бытие и время. С. 343.

⁴³ Там же. С. 343.

⁴⁴ Больнов О. Философия экзистенциализма.

⁴⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 367.

⁴⁶ Там же. С. 369.

⁴⁷ Там же. С. 378.

возможности. «Вот-бытие» в его отношении к будущему определяется допущением настать в возможности для самого себя⁴⁸. Идею М. Хайдеггера о неразрывной связи будущего и «возможности-настать» интерпретировал и развил Ж.-П. Сартр в книге «Бытие и ничто». Французский экзистенциалист акцентировал внимание на том, что будущее не есть лишь нечто находящееся «по ту сторону» «для-себя» бытия – «для-себя» бытие ожидает его. Ожидаемое в определенном смысле и есть я. Когда человек говорит «я буду счастлив», это означает, что он настоящий, со всем своим прошлым, будет счастлив. Человек ожидает самого себя по ту сторону бытия. Принципиально важными и новаторскими идеями Ж.-П. Сартра являются идеи о «синтетическом прибавлении» будущего к настоящему и о самопроектировании. Согласно первой из обозначенных идей, я желает слиться с тем, чего ему недостает. Согласно другой идее, человек осуществляет путь к слиянию с недостающим (проектирует себя к будущему⁴⁹). Иными словами, будущее определяет смысл настоящего в качестве *проекта* возможности этого настоящего. Столь же очевидно, что между будущим и настоящим нет жесткой однонаправленной связи, при наличии которой возможность «диктовала» бы настоящему определенные условия. Настоящее тоже в известной мере определяет проект возможности. В программной работе «Экзистенциализм – это гуманизм» Ж.-П. Сартр привел пример с исповедью: «... когда вы идете за советом, например, к священнику, значит, вы выбрали этого священника и, в сущности, вы уже более или менее представляли себе, что он вам посоветует»⁵⁰.

Будущее, по оценке Ж.-П. Сартра, идентифицирует человека. Оно возникает на горизонте и «говорит» человеку не только о возможности, не только о том, кем он будет, но и том, кем он является. Проблематичность существования человека выражается напряженностью между желанием быть

⁴⁸ Там же. С. 365.

⁴⁹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. С. 157.

⁵⁰ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм.

другим и невозможностью быть им. С одной стороны, будущее дает смысл настоящему, а с другой стороны, человек не является будущим «в достаточной мере»⁵¹. Вследствие проблематичности бытия человека любые попытки бытия «привязаться» к своей возможности могут оказаться несостоятельными. В конечном счете, Ж.-П. Сартр сделал вывод о том, что человек является «бесконечностью возможностей» и не является никакой из возможностей⁵².

По мнению И. А. Кушовой, человек склонен сперва представлять будущее мира, а затем искать себя на «фоне» этого мира, так как мир явлен сознанию в настоящем⁵³. Как бы то ни было, человек является континуумом возможностей и «осужден» на постоянный выбор. В определенном смысле, выбирая себя, он выбирает и мир. И наоборот, выбирая мир, человек задает направление собственному жизненному проекту. Вопрос заключается не только в том, *что* выбирает человек, но в том, *как* он выбирает. Современная эпоха – время множественности карт и сценариев будущего, проектов и планов – предлагает широкий выбор направлений личностного «роста»: от получения востребованных знаний в новой высокотехнологической сфере до коррекции эмоций и модификации тела. Выбор определенной картины будущего в определенном смысле подобен выбору товаров на полках супермаркета. Сам по себе выбор из имеющихся вариантов еще не лишает человека свободы. Принципиальную важность для персонального жизненного проекта имеет то, в каком отношении к выбранному будет находиться человек. По оценке Ж.-П. Сартра, человек «осужден» на свободу. Если это в действительности так, то выбор может решить проблему «осуждения» (правда, специфическим образом). Эта мысль была выражена Э. Фроммом в «Бегстве от свободы»: «Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время

⁵¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. С. 158.

⁵² Там же. С. 159.

⁵³ Кушова И. А. Время в экзистенциализме Ж.-П. Сартра. С. 16.

изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого»⁵⁴.

Таким образом, существование человека проблематично: во-первых, человек вынужден («осужден») выбирать, а во-вторых, ощущать «нехватку» бытия. В экзистенциализме Ж.-П. Сартра одной из важнейших категорий, относящихся к существованию человека, является категория проекта. Эта категория связана и с необходимостью выбора, и с преодолением недостатка. По определению Ж.-П. Сартра, человек есть бытие, для которого стоит вопрос о бытии, предполагающим иное бытие⁵⁵. Разрешение этого вопроса – вопроса о бытии – начинается с понимания возможности иного положения дел. Само проектирование возможности начинается с позиции «нет» в отношении наличных условий существования. Это «нет», во-первых, выражает отрицание существующего, а во-вторых, является «индикатором» нехватки. Проблематичность существования человека заключается в раздвоенности между тем, чем я являюсь и тем, чем оно не является. Ввиду обозначенного противоречия возникает риск самообмана, способствующего распаду бытия человека. Самообман может «проникнуть» в самый зародыш проекта и стать исходным пунктом определения возможности и движения к ней. Однако, по оценке Ж.-П. Сартра, человек в силах предотвратить угрозу распада собственного бытия. Естественно, как и М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр не предлагал никакого «рецепта», позволяющего обрести аутентичность. В философии М. Хайдеггера можно найти категорию «несобственного бытия», сопряженную с категорией самообмана. Несобственное бытие конституируется расхожей понятностью, обитающей в пространстве публичности. Растворение в публичности, мышление *из* расхожих формул,

⁵⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 8.

⁵⁵ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. С. 82.

обеспечивает обманчивую ясность и определенность мира. Рассуждая о риске самообмана, Ж.-П. Сартр писал: «Моя возможность может существовать как моя возможность лишь тогда, когда именно мое сознание убегает от себя к ней»⁵⁶. Вопрос о собственном или, соответственно, несобственном характере этого проброса является едва ли не самым жизненно важным вопросом, так как на кон ставится уникальность и неповторимость человеческой жизни.

Проект – это «проброс», определение возможности и движение к ней, процесс преодоления недостатка. В самом общем виде экзистенциальный проект является пробросом человека за свои пределы. В действительности существование человека воплощается во множестве проектов. По оценке Ж.-П. Сартра, их количество невозможно определить⁵⁷. Кроме того, любой проект определенным образом сталкивается с фактичностью («ситуацией»). Именно фактичность ограничивает свободу, так как заведомо обесмысливает не только достижение желаемого, но даже саму мысль о нем. В качестве иллюстраций к обозначенному тезису Ж.-П. Сартр использовал следующие примеры: «могу ли я выбрать себя высоким, если я низкого роста? Имеющим две руки, если я безрукий?»⁵⁸. Зачастую (если не всегда) критика в отношении того или иного проекта сводится к указанию на его несоответствие фактическому положению дел. В работе «Экзистенциализм – это гуманизм» Ж.-П. Сартр обосновывает, что в действительности критика сама исходит из устоявшихся мнений, считающихся как бы «априори» истинными⁵⁹. По мнению философа, свобода не ограничена непреодолимыми пределами, но сама конституирует границы (цели и средства)⁶⁰. В отношении этих заданных границ нейтральные, «сырые» вещи будут маркироваться как «мешающие», «благоволящие», «непреодолимые» и т. д. Цель проекта

⁵⁶ Там же. С. 117.

⁵⁷ Там же. С. 490.

⁵⁸ Там же. С. 490.

⁵⁹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм.

⁶⁰ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. С. 491.

отделена и отдалена от человека и в то же время доступна. Именно посредством этой «конечной границы», цели, человек показывает себе, чем он сам является. В феноменологической онтологии Ж.-П. Сартра проект имеет значение проброса, определяющего возможное и средства движения к нему. Этот проброс основывается на свободе, конституирующей цель и способы достижения цели. Осуществляя проброс, человек уже определенным образом дан самому себе. Можно сказать, что не только проект определяется человеком, но и человек определяется проектом.

В экзистенциалистской философии понятие «проект» получило категориальный статус, а точнее, статус фундаментального антропологического понятия. Общеизвестно, что понятие проекта имеет и другой, широко распространенный смысл. Следует оговориться, что этот смысл далеко не всегда четко выражается. К тому же, многие ученые (не говоря уже о бизнес-аудитории) не ставят задачу определить, что такое проект, и исследуют определенный вид проектирования – социальное, в образовании, техническое, инженерное и т. д. Сегодня понятия проекта и проектирования преимущественно определяются с учетом инженерно-технического контекста. Один из примеров такого «инженерно-технического» определения находится в «Новой философской энциклопедии» Российской академии наук под авторством известного российского философа В. М. Розина. В самом общем виде проект определяется как продукт, создаваемый в процессе деятельности проектирования. В свою очередь, под проектированием понимается способ создания техники, различных сооружений и т. д. Проектировщик, в первую очередь, создает интеллектуальные конструкции, или, по выражению В. М. Розина, «семиотические модели»⁶¹. Эти «семиотические модели» демонстрируют образ предполагаемого продукта и создаются исключительно для будущего результата. Обозначенная интерпретация проекта и

⁶¹ Розин В.М. Семиотические исследования. С. 136.

проектирования выводит на авансцену формальную сторону дела. Формально проектировщик действительно занят конструированием «семиотических моделей», но в содержательном плане он вместе с тем совершает и нечто еще. Проект полностью вписывается в логику социального, а точнее, целерационального действия. Причем, опираясь на концепцию социального действия М. Вебера, можно утверждать, что под действием понимается как внешнее или внутреннее деяние, так и недеяние или претерпевание⁶². Очевидно, что действие предполагает ту или иную мотивацию и ориентацию на другого, самого себя, вещь, результат и т. д. Любое целерациональное действие, во-первых, связано с ожиданием определенного «поведения» окружающего мира, а во-вторых, с использованием сложившихся обстоятельств для поставленной цели. М. Вебер полагал, что главным (если не единственным) критерием целерациональности действия является успех⁶³. В действительности «чистое» действие целерационального типа вряд ли возможно. В процессе совершения такого действия незамедлительно возникают различные «отклонения», обусловленные, например, аффектацией, эмоциональным переживанием ситуации, стрессом и т. д.⁶⁴. Концепция М. Вебера дает основания для понимания проектирования как целерациональной деятельности. Субъект этой деятельности должен иметь мотив, ориентироваться на результат и надеяться на определенное «поведение» вещей. Однако, в отличие от надежды и мечты, проектирование не конституируется ожиданием. Напротив, оно подгоняет вещи, вынуждая их определенным образом меняться. Пользуясь оборотом М. Хайдеггера, можно сказать, что проектировщик «загоняет» одну возможность за другой⁶⁵. Проектирование в таком свете существенно отличается от прогноза, поскольку последний ориентирован на знание о возможных изменениях вещей.

⁶² Гайденок П.П. Социология Макса Вебера. С. 13.

⁶³ Там же. С. 20.

⁶⁴ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 602-643. С. 605.

⁶⁵ Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. С. 104.

Как и любое другое социальное действие, проектирование может быть связано и с внутренним изменением, и с претерпеванием. Сегодня, в эпоху инноваций, проектирование по преимуществу направлено на изменение внешнего мира. Критерием состоятельности проекта является коммерциализация предполагаемого результата. В самом общем виде, это означает, что проектировщик должен направить все усилия на достижение результата, обещающего определенные дивиденды. Издержками коммерциализированного проектирования является неоправданное насилие над вещами. Все, что каким-либо образом мешает предполагаемому результату, стремительно отбрасывается. В связи с издержками проектирования возникает вопрос, рационально ли в действительности такое целерациональное действие? На этот вопрос можно предварительно ответить и утвердительно, и отрицательно. Оно рационально в том смысле, что обеспечивается *расчетом* на результат и ведет к результату кратчайшим путем. Вместе с этим оно нерационально, так как руководствуется желанием добиться результата любой ценой. Захваченный образом желаемого результата, проектировщик может оставаться безразличным к тем условиям, что обеспечивают его деятельность.

Сегодня, в «эпоху проектирования»⁶⁶, как никогда ранее, актуален вопрос об ответственности за целерациональные действия, направленные на преобразование природы, общества и человека. Одной из сложнейших проблем, требующих разрешения, является поиск эффективных социальных механизмов для контроля над проектированием. Речь в данном случае идет не о законодательстве, запрещающем проводить определенные эксперименты. В случае, когда известного рода деятельность запрещена законом (например, синтезирование наркотического вещества), любая проектная деятельность, направленная на соответствующий результат, тоже незамедлительно попадает под запрет. Иное дело, если проектирование

⁶⁶ Novak M. The Age of Projects. 404 p.

осуществляется легально, а предполагаемый продукт не запрещен законодательством. В этом случае последствия реализации проекта далеко не всегда очевидны. Современная социально-гуманитарная наука реагирует на вызовы Projecting Age и пытается отыскать не только средства для снижения опасности последствий проектной деятельности, но и средства для предупреждения возможных рисков. Иными словами, наука и философия разрабатывают превентивные способы контроля над проектированием и инновационной деятельностью. Эти превентивные способы объединены под названиями «этическая экспертиза» и «гуманитарная экспертиза». Обстоятельные исследования в сферах этической и гуманитарной экспертизы проводились Б. Г. Юдиным⁶⁷, В. А. Луковым⁶⁸, Г. Л. Тульчинским⁶⁹ и другими авторами. Организация обозначенных видов экспертиз заключается, в самом общем виде, в формировании группы, состоящей из компетентных лиц. Каждый член экспертной группы имеет научный и профессиональный статус. Среди экспертов должны быть как специалисты в технических науках, так и специалисты по этике. Экспертиза может быть организована как разовое мероприятие, так и в качестве комплекса мероприятий. Б. Г. Юдин акцентировал внимание на гуманистическом потенциале экспертиз: и этическая, и гуманитарная экспертиза предназначены для того, чтобы человек сам мог принять участие в принятии важного решения, касающегося его жизни и благополучия⁷⁰. Обозначенные экспертизы имеют и принципиальные различия. Этическая экспертиза проводится специально созданной структурой – комитетом. Гуманитарная экспертиза в настоящее время не имеет особых институций. Задача этического комитета заключается в определении рисков от участия в биомедицинских исследованиях⁷¹. Гуманитарная экспертиза может распространяться на любые сферы

⁶⁷ Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной. С. 126-135.

⁶⁸ Луков В. А. От социальной экспертизы к гуманитарной экспертизе. С. 114-118.

⁶⁹ Тульчинский Г. Л. Креативные технологии принятия решений в гуманитарной экспертизе. С. 84-98.

⁷⁰ Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной. С. 128.

⁷¹ Там же. С. 126.

инновационной активности. По замыслу Б. Г. Юдина и В. А. Лукова, оптимальной формой организации обозначенной экспертизы является диалог между изобретателями, производителями и потребителями.

По мнению Б. Г. Юдина, гуманитарная экспертиза должна осуществляться не высококвалифицированными экспертами (в связи с этим возникает вопрос о том, кто решает, квалифицированы ли сами эксперты), а «обывателями», способными выразить интересы своей социальной группы. Члены экспертной группы дают общую оценку рассматриваемому предмету (например, российскому образованию), определяют ключевые понятия, выделяют необходимые части предмета, анализируют связи между частями и предлагают способы его коррекции. Поиск способов привлечения «обывателя» к экспертизе является одной из насущных проблем организации и реального функционирования гуманитарной экспертизы. Между тем, привлечение «обывателей» означало бы, что гуманитарная экспертиза имеет действующие каналы связи с обществом.

Экспертизы фактически осуществляются в виде конкретных мероприятий, собирающих группы профессионалов. Мероприятия проводятся невластными социальными институтами или сообществами. Результаты деятельности экспертов имеют рекомендательный характер. Несмотря на то, что гуманитарная и этическая экспертизы, несомненно, важны и позволяют получить компетентную и разностороннюю оценку изучаемого предмета, они не всегда могут решить проблему формирования ответственности человека за свою проектную деятельность.

Не случайно о гуманитарной экспертизе заговорили сравнительно недавно. В определенном смысле она является характерным симптомом «эпохи проектов», реакцией на интенсивно возникающие технико-технологические, образовательные, научные и другие новации. Очевидно, что «загоняя» одну возможность за другой, человек не осмысляет возможные последствия своих действий и, в конечном счете, безответственно относится

к миру и самому себе. Проектирование сегодня решительно меняет вещный мир и ориентировано едва ли не исключительно на материальное. Между тем, в «pro-jasege», «броске вперед», содержится глубокий, но утраченный антропологический смысл. Этот смысл не сводится ни к ориентации на материальное, ни к заботе о «подручном» (М. Хайдеггер). Философская интерпретация проектирования предполагает, что проект разворачивается отнюдь не только и не столько в выборе озаботивших вещей, сколько в выборе человеком самого себя. Фактически эта «сторона» проектирования находится в тени или выпадает в «осадок», так как человек увлечен переделкой мира. Выбирая самого себя, человек всегда осуществляет *самопроектирование*. Именно самопроектирование есть важнейшее и ближайшим образом осуществляемое человеком проектирование. Иными словами, проектируя внешний мир, человек уже проектирует самого себя.

Следует оговориться, что экзистенциалистская трактовка проектирования существенно отличается от трактовки этого понятия в технико-технологических сферах деятельности (например, строительстве). Там проектирование предполагает постановку цели, разработку плана, ориентацию на поэтапное, последовательное достижение результата, оперирование целенаправленно выбранными средствами и т. д. Не удивительно, что самопроектирование, в свете устоявшегося понимания проектирования, связывается, прежде всего, с психотехниками, или, по выражению В. М. Розина, «экспериментаторством» человека в отношении самого себя⁷². Психотехника реализуется в последовательном, методическом самовнушении, в борьбе с «естественными структурами личности»⁷³. В так понимаемом самопроектировании (или «автопроектировании») видится реализация инженерного подхода. Понятие «проект» в экзистенциалистской интерпретации не связано с применением каких-либо специальных «техник» самовнушения. Применение той или иной психотехники уже основано на

⁷² Розин В. М. Можем ли мы проектировать сами себя? С. 9.

⁷³ Там же. С. 10.

выборе человеком самого себя и задает границу, посредством которой человек «показывается» сам себе.

В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и экзистенциализме Ж.-П. Сартра человек предстает как «временно расположенное в бытии сущее»⁷⁴. Будущее не находится «за» настоящим и не представляет собой какой-то неопределенный отрезок времени, не укладывается в рамки объективистской интерпретации. Для науки, пытающейся дать «объективное» описание будущего, важнейшим способом связи с будущим является прогноз. Однако философский (и конкретно – экзистенциалистский) ракурс рассмотрения феномена будущего дает основания для утверждения, что человек неразрывно связан с будущим не прогностической деятельностью, а в силу своей свободы, конституирующей границы – цели, средства и ориентира движения. В отношении будущего человек совершает «проброс» (буквально – «pro-jacere», «проект») и осуществляет путь. Пробросом может быть определена цель и намечены средства ее достижения. Путь, в свою очередь, есть действительное движение к поставленной цели, стремление к результату. Будущее не является каким-то неопределенным «отрезком» времени, оно «вмещает» в себя границу, ориентир движения человека. Расположенный в бытии как «временное сущее», человек стремится к установленной им же самим границе и определяется этой границей. Опираясь на экзистенциалистскую интерпретацию проекта, можно сказать, что человек есть то, к чему он стремится. Он постоянно разрывается между действительностью и возможностью, между тем, что *есть* и тем, что *должно* быть. Человек осуществляет не только целенаправленную, но и ценностно-ориентированную деятельность. Эти виды деятельности не противоречат друг другу, – напротив, они образуют целостность человеческого действия. Определяя цель и способы ее достижения, человек вместе с тем признает, что эта цель для него значима, она имеет какую-то,

⁷⁴ Гарбузов Д. В. Антропологическая концепция времени.

хотя бы и не вполне определенную ценность. Занимаясь политикой, изобретая, осуществляя религиозный культ или создавая произведение искусства, человек совершает не только целерациональные, но и ценностно-рациональные действия. Именно ценностная компонента деятельности выражает осознанность ориентации на цель, понимание, ради чего совершается деятельность. По справедливому замечанию Э. Агацци, *любое* человеческое действие, от изготовления ножа до написания утопии, сопровождается пониманием того, как должно быть. Иными словами, бытие человека и бытие человеком невозможно без и вне сферы «должного»⁷⁵. Не принципиально важно, к чему относится это «должно быть», к средствам или к результату, – оно имманентно человеческой деятельности. В связи с тем, что человеческая деятельность ценностно ориентирована, она сама и ее результаты подлежат оценке. При этом очень важно, чтобы человек оценивал не только деятельность других людей, сопоставляя ее результаты со своими представлениями о правильном положении дел, но и мог оценить свою.

Подлинное место должного не в настоящем, а в будущем. В настоящем должное только представляется и существует в образе. Человек остается человеком потому, что вся его деятельность определяется должным, которому будущее дает место. Будущее ценится вовсе не за то, что оно является «отрезком» времени, а за то, что оно может дать жизнь мечтам и надеждам, планам и замыслам. Обобщая, можно сказать, что в антропологическом времени у будущего уникальная, особая роль: оно вмещает границу персонального проекта человека и обеспечивает движение от наличного к возможному, от сущего к должному.

В свете господствующей в Новое время механистической и детерминистской картины мира время вообще и будущее в частности понималось «объективно», вне зависимости от человека и без человека.

⁷⁵ Агацци Э. Человек как предмет философии. С. 26-27.

Руководствуясь научным объективизмом, о будущем можно было положительно утверждать лишь то, что оно является «модусом» «линейного» времени, располагающимся «за» настоящим. Научное прогнозирование в качестве особого подхода к будущему основывалось и основывается на детерминизме: вследствие этого задача прогнозиста заключается в определении «правильного» следствия той или иной причины. Сложность реализации этой задачи выражается в объективном описании того, чего еще нет, то есть еще не наступивших следствий. Естественные науки не принимали во внимание то обстоятельство, что будущее является не просто «модусом», но временем существования человека и имеет антропологическое и аксиологическое измерения. В философии, в отличие от науки, были попытки объяснить время «из» человека, например, как априорную форму упорядочивания чувственного опыта. Будущее, в свою очередь, не выделялось в качестве особого предмета осмысления.

В XXв., преимущественно в «фундаментальной онтологии» и философии экзистенциализма будущее стало предметом особого внимания. Первая интерпретирует будущее как экстаз изначальной, подлинной временности. В «заступающей» решимости, «бытии-к», происходит выход за границы настоящего, наличного. Всякий раз осуществляя «экстаз», Dasein проектирует, или набрасывает свои возможности. В экзистенциализме бытие человека интерпретируется как «проект», основанный на необходимости постоянного выбора человеком самого себя и мира. В будущем, таким образом, размещается граница, к которой человек стремится и которой в известной мере самоопределяется.

Будущее в антропологическом и аксиологическом ракурсе является горизонтом возможностей и сферой воплощения должного. Вместе с этим будущее есть и сфера свободы, конституирующейся выбором направления реализации индивидуального жизненного проекта, определением целей и средств, а также движением к результату. Иными словами, в будущее

совершается проброс и осуществляется путь. Аксиологический ракурс позволяет интерпретировать будущее в качестве сферы должного, то есть желаемого и определяющего перспективу человеческого бытия. Фактически определение человеком перспективы своего существования не предполагает с необходимостью сопряженность возможного и должного, что нередко выражается в отсутствии ориентиров деятельности и ее бессмысленности. Между тем, в ситуации современности, в эпоху инноваций и проектирования, понимание ценностных ориентиров имеет принципиальную важность и может избавить человека и человечество от неоправданных рисков.

1.2. Человек будущего в философско-антропологическом ракурсе

В научной литературе распространено мнение, что современность с присущими ей ускоренными темпами изменений в различных сферах жизни увеличивает потребность человека в прогнозировании природных, технико-технологических, социальных и культурных процессов⁷⁶. Правомерность обозначенного мнения подтверждается, например, многочисленными научными и научно-популярными трудами, вышедшими в XX-XXI столетиях: «Физика будущего»⁷⁷, «Новый цифровой мир»⁷⁸, «После человека: зоология будущего»⁷⁹, «Будущее вещей»⁸⁰, «Будущее книги в информационном веке»⁸¹, «Посткапитализм»⁸² и др. В сравнительно недавнем прошлом появилось даже научно-богословское исследование «Далекое будущее Вселенной. Эсхатология в космической перспективе»⁸³. Этих примеров уже достаточно для того, чтобы констатировать: современный человек пытается прогнозировать все и во всех сферах жизни. Однако непрекращающиеся попытки узнать будущее мира представляют собой только один из векторов прогностической деятельности. Вторым – и не менее важным – вектором является прогнозирование будущего человечества. В одной только базе данных РИНЦ число публикаций на эту тему превышает двести тысяч. Несмотря на то, что в известной степени второй из указанных векторов прогнозирования пересекается с первым, он все же имеет и принципиальную особенность: на авансцене этих прогнозов находится не Вселенная или природа, а человек. Не случайно, например, один из наиболее популярных научных трудов – книга американского физика М. Каку – носит название «Будущее человечества. Колонизация Марса, путешествия к звездам и

⁷⁶ Пирожкова С. В. Предвидение и его эпистемологические основания. 247 с.

⁷⁷ Каку М. Физика будущего. 584 с.

⁷⁸ Шмидт Э. Новый цифровой мир. 368 с.

⁷⁹ Диксон Д. После человека: зоология будущего. 240 с.

⁸⁰ Роуз Д. Будущее вещей. Как сказка и фантастика становятся реальностью. 344 с.

⁸¹ Ленский Б. В. Будущее книги в информационном веке. С. 67-85.

⁸² Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. 416 с.

⁸³ Эллис Д. Далекое будущее Вселенной. Эсхатология в космической перспективе. 500 с.

обретение бессмертия»⁸⁴. Обозначенные векторы прогностической деятельности во многом условны: в действительности, что бы человек ни прогнозировал, что бы ни пытался предвидеть, он всегда прогнозирует это в отношении себя самого. Например, название упомянутой книги Д. Диксона о зоологии будущего начинается со слов «после человека». Это исследование посвящено определению возможных направлений эволюции фауны и включает в себя развернутые сведения о гипотетических животных. Однако, начинается оно с допущения, что человечество, оказывающее на природу разрушительное воздействие и уничтожившее естественную среду обитания бесчисленных представителей животного царства, завело себя в тупик и тем самым открыло дорогу неуправляемой эволюции – эволюции без человека.

Прогноз как форма проброса, претендующая на научную объективность, осуществляется в отношении значимых для человека вещей. Его предметы могут быть принципиально различными – от Вселенной до микромира. Однако наиболее значимыми прогнозами становятся те, что говорят о будущем человека и человечества. Достаточно вспомнить, например, популярность результатов деятельности Римского клуба и многолетние, по сегодняшний день не утихающие дискуссии по поводу докладов Д. Медоуза⁸⁵, А. Печчеи⁸⁶, С. П. Капицы⁸⁷ и других ученых. Вместе с тем прогноз является лишь одной из форм проброса в будущее. Не менее значима и другая, хотя, в сравнении с прогнозом, она в принципе не концентрируется на возможных событиях. Эта вторая форма проброса сочетает в себе творческую деятельность и воображение человека. Она может быть условно названа *конструированием будущего*. Определение конструированию будущего дал петербургский футуролог С. Б. Переслегин в книге «Опасная бритва Оккама». Согласно этому определению,

⁸⁴ Каку М. Будущее человечества. Колонизация Марса, путешествия к звездам и обретение бессмертия. 452 с.

⁸⁵ Медоуз Д. Пределы роста.

⁸⁶ Печчеи А. Человеческие качества.

⁸⁷ Капица С. П. Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. 123 с.

конструирование будущего – это «последовательное осуществление ряда проектов – от личных, групповых и региональных до национальных и международных, каждый из которых привносит ту или иную инновацию»⁸⁸. Иными словами, конструирование будущего – это пошаговое движение через реализацию проектов к какому-то новому состоянию. Конструирование принципиально отличается от прогноза: задача последнего, главным образом, заключается в том, чтобы обозначить перспективы развития того или иного предмета (вплоть до указания приблизительной датировки предполагаемых изменений). Прогноз подчинен рационально фиксируемой информации. В отличие от прогноза, конструирование предполагает создание образа желаемого, «оптимального» будущего. Естественно, для того чтобы методично двигаться в направлении реализации проектов, необходимо учитывать обстоятельства. Однако, задача конструирования заключается не в том, чтобы вывести адекватные следствия из существующих условий (понять, что *будет*), а в том, чтобы предупредить возможные негативные последствия сложившихся обстоятельств, «помочь» будущему определенным образом сбыться. Конструирование будущего, очевидно, не является «изобретением» XX в. Оно имеет давнюю историю: один из наиболее известных примеров конструирования будущего развернут в диалоге Платона «Государство». Не менее известны классические утопии Нового времени, принадлежавшие Т. Мору, Т. Кампанелле, С. де Бержераку, Д. Верасу, Л. Мерсье, Ш. Фурье и др. Несущей конструкцией каждой из них является образ будущего государственного и общественного устройства, будущего в отношениях между людьми, между человеком и природой. Строго говоря, «конструкторы» будущего акцентируют внимание не будущем как таковом, а возможных способах организации жизни человека и общества. Конструируемое будущее, следовательно, всегда имеет социально-культурные и антропологические характеристики.

⁸⁸ Переслегин С. Б. Опасная бритва Оккама. С. 205.

Как правило, в утопиях социальные реалии подвергались нещадной критике в самых различных отношениях – в отношении политического устройства, экономики, культуры, обычаев и нравов и т. д. Все обозначенные мыслители не прогнозировали будущее. Они не ставили задачу предсказать дату того или иного события, предвидеть характер развития какого-либо процесса. Их произведения выполняют, прежде всего, ценностно-ориентирующую и гуманистическую функции, соответствуя конкретно-исторически обусловленному представлению об идеальном устройстве государства, идеальных нравах и т. д. Утопии обозначали тот или иной идеал и «вбрасывали» его в культурное пространство. В утопических образах будущего кристаллизуется представление о должном как о моральном идеале, в сопоставлении с тем, что имело место фактически. Еще одним вариантом конструирования будущего, исторически более поздним, являются дистопии, побуждающие человека к предотвращению неблагоприятных сценариев развития событий. Дистопии тоже выполняют обозначенные функции, однако делают это косвенно, через презентацию «отталкивающего» образа.

В XXв. утопические конструкции подвергались критике, а утопия стала устойчиво ассоциироваться с социалистическими режимами, «казарменными» общественными порядками, насильственным уравниванием людей в правах и возможностях. Однако скепсис в отношении утопий не помешал конструированию будущего. Последнее, уже не связанное более с масштабными социальными проектами, приобрело новую форму и переживало «миниатюризацию». Индикаторами значимости проекта стали его реализуемость, получение конкретных результатов и, в условиях капитализма, конвертация продукта в прибыль. Не случайно сегодня проекты по разноплановому, комплексному преобразованию общества сравнительно редки. За последние пару десятков лет возник, пожалуй, только проект «Венера». Авторы этих проектов, в отличие от авторов классических утопий,

уверены в возможности их реализации. Подавляющее большинство проектировщиков конструируют «локальное» будущее – будущее вещи, технологии, экономической отрасли, в крайнем случае, сферы общественной жизни.

В XX-XXI вв. особым предметом конструирования стал человек. Под пристальное внимание проектировщиков попали тело, психика и когнитивные способности человека. Безусловно, и в утопиях человек был в центре внимания – он был и субъектом, и объектом проектирования. Однако, сегодня, в отличие от прошлого, человек совершает практические, конкретные шаги в деле преобразования собственной природы. Можно сказать, что человек все меньше интересуется будущим устройством общества и все больше интересуется будущим своего собственного физического и духовного мира.

Конструирование хотя и должно считаться с действительностью, наличными условиями, все же не связано принципом объективности в той мере, в какой им связано прогнозирование. В конструкцию закладываются определенные индивидуально или корпоративно значимые ценности. Они наиболее выпуклы в утопиях и контрастируют с ценностями критикуемой автором действительности. Однако не только утопии транслируют индивидуальные или корпоративные ценности – любой проект может иметь, по выражению Р. Барта, «суггестивную силу»⁸⁹. В этом случае проектировщик не только изображает предполагаемый результат и составляет план его достижения, но и пытается обосновать принципиальную важность именно этого результата. Иными словами, потенциальному потребителю предлагается дискурс с суггестивным «зарядом».

Многочисленные продукты «футуротворчества» – картины будущего – выполняют функции привлечения внимания человека и поиска потенциальных сторонников выражаемых идей. Бизнесмены и

⁸⁹ Барт Р. Мифологии. С. 71.

сотрудничающие с ними ученые хотят оставить свои имена в анналах истории. Они хотят идти не только в авангарде технико-технологической, но и антропологической революции. Контроль над НБИК-технологиями сегодня является приоритетным для многих западных и некоторых российских корпораций. В ход идут самые разнообразные средства воздействия на потенциального потребителя – от завлечения до запугивания. Авторы картин будущего предлагают своему зрителю набросок панорамы мира и располагающейся на первом плане фигуры человека. Задача авторов заключается, главным образом, в том, чтобы внушить, насколько прекрасны фигура и фон. Одним из свежих и актуальных для России примеров «футуротворчества» являются программные документы общественного движения «Россия 2045», популяризирующего трансгуманистические идеи и разрабатывающего грандиозные проекты радикального изменения человеческой природы. Руководитель движения, Д. И. Ицков, написал статью «Заповеди жизни неочеловека», в которой сделал набросок человека будущего и использовал для этого известные суггестивные средства: призыв к читателю («... задумайтесь, так ли хорош наш мир, чтобы пренебрегать возможностью его изменить?»⁹⁰); запугивание («Сидя в теплой квартире, в кругу друзей, не забывайте, что ваш привычный уклад жизни может рухнуть в одночасье»⁹¹); апелляция к сочувствию («У вас хорошая высокооплачиваемая работа? У 200 млн. человек в мире работы нет вообще»⁹²) и т. д. Уже этих немногочисленных примеров, взятых из первых строк «Заповедей», достаточно, чтобы убедиться в суггестивном характере подобных картин будущего.

В этом и во всех подобных случаях человек будущего есть не что иное, как *дискурсивная конструкция*. Понятие дискурса сегодня широко используется во всех социально-гуманитарных науках. Более того, возникла

⁹⁰ Ицков Д. И. Заповеди жизни неочеловека.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

даже новая область знаний – лингвистическая дискурсология. Однако некоторые лингвисты признаются, что понятие дискурса пока не получило точного определения^{93 94}. Часто исследователи вообще не ставят задачу определить его, явно или неявно следуя за воздерживающейся от определений структуралистской и постструктуралистской философской традициями. Как известно, особую популярность понятие дискурса приобрело благодаря французским философам XXв. – М. Фуко, Ж. Лакану, Р. Барту и др. Применяя семиотический подход, Р. Барт определял дискурс как «отрезок речи, единый по содержанию, передаваемый и структурируемый ввиду вторичных коммуникативных целей»⁹⁵. Основываясь на этом кратком определении, можно выделить несколько принципиально важных признаков дискурса: во-первых, содержательное единство, подчиненность теме, наличие определенного предмета речи, во-вторых, наличие механизма трансляции, в-третьих, наличие структуры, подчиненной «вторичным» коммуникативным целям. Последний из обозначенных признаков нуждается в особом пояснении. По мнению Р. Барта, функция дискурса не может быть сведена к передаче информации от адресанта к адресату (в противном случае у дискурса был бы один принципиально важный признак – наличие механизма трансляции). Вместе с информацией дискурс передает и иные, в терминах Р. Барта, «вторичные» смыслы. Они не просто настраиваются над денотатом (буквальным значением) сообщения, но могут скрывать собой буквальный смысл и преобразовать информацию в ориентированную на потребление мифологему. Механизмы преобразования буквального смысла сообщения хорошо известны и подробно изложены Р. Бартом в книгах «Мифологии» и «Система моды», статьях и очерках «Риторика образа», «Эффект реальности», «Дискурс истории» и других работах. В самом общем виде, дискурс всегда

⁹³ Турбина О. А. Лингвистическая дискурсология и единицы дискурс-анализа: дискурс-компонент. С. 44-49.

⁹⁴ Клушина Н. И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации. С. 81

⁹⁵ Барт Р. Мифологии. С. 73.

кем-то проговаривается, выражается, имеет адресата (или ориентирован на поиск такового), а также несет в себе определенные ценности, значимые смыслы. Особенно выпуклы эти смыслы в рекламе и политических акциях. Вторичной коммуникативной целью является, в связи с этим, не передача информации, а внушение адресату значимости содержания дискурса. Среди часто применяемых способов внушения можно назвать отсылку к авторитетному мнению, приведение аргументов, подтверждающих правоту адресанта, настойчивое повторение сообщения, ссылки на традицию, историю, интерпретация мнения оппонента и доведение смысла этого мнения до абсурда и т. д. Дискурс может повелевать, призывать или направлять. На этих дискурсивных функциях акцентировали внимание Р. Барт и Ж. Лакан. Один из семинаров Ж. Лакана начался с разъяснения слушателям того, что представляет собой т. н. «господский дискурс». Интегрированный в капиталистическую систему, дискурс господина действует в качестве механизма эксплуатации трудящихся посредством «извлечения» из рабочих необходимых знаний, умений и навыков. Господин есть тот, кто имеет желание и возможность контролировать других людей. Этот контроль невозможен без обладания знанием и, соответственно, «интеллектуальной эксплуатации»⁹⁶. Дискурс господина, в интерпретации Ж. Лакана, транслируется отнюдь не только в границах капиталистических предприятий, но и в университете (шире – в учебных заведениях). Университетский дискурс призывает и обязывает человека получить знания, умения и навыки, обладающие определенной полезностью для общества (в конечном счете, для тех, кто его возглавляет). Главная задача университетского и любого другого властного дискурса в том, чтобы убедить человека в абсолютной правомерности выдвигаемых требований, а также в том, что эти требования полностью соответствуют человеческой природе⁹⁷. Любое нарушение

⁹⁶ Наумова Е. И. Концепция дискурсов Лакана: знание, наука, университет. С. 38

⁹⁷ Мантатова Л. В. Жак Лакан об истоках и природе власти. С. 55

дискурсивных норм должно рассматриваться не только как нечто противозаконное, но и как нечто противоестественное.

Сказанное не означает, что дискурс всегда имеет те или иные механизмы внушения. Например, научный дискурс, при первом к нему приближении, передает информацию об изучаемом объекте и лишен каких-либо коннотаций. Однако механизмы могут «включаться» как защитная реакция, если носители определенных ценностей чувствуют или предполагают угрозу транслируемому смыслу. Нередки случаи применения суггестии с помощью нападения на реального или воображаемого оппонента. Ярким примером применения механизмов внушения служит, например, деятельность западных ученых и популяризаторов науки биолога Р. Докинза и физика Л. Краусса. В своих публичных выступлениях они не только просвещают людей, приобщая к знаниям в областях биологии и физики, но и обрушиваются с критикой на религию, обвиняя служителей церкви в обскурантизме. Дискурс не просто передает информацию адресату, но в некотором смысле «руководит» предметом изложения. На примере дискурса исторической науки Р. Барт показал приемы «руководства» над прошлым: «структурирование» прошлого (обозначение «важных» событий и «эпохальных» дат, выделение кульминационных моментов в повествовании, остановка рассказа и т. д.)⁹⁸, присвоение «имен» фактам, явлениям или процессам прошлого («матриархат», «первобытно-общинный строй» и т. д.)⁹⁹ и др.

Если дискурс может «распоряжаться» прошлым, то, по всей видимости, он может «распоряжаться» и будущим. Названные Р. Бартом историографические приемы (структурирование и номинация) активно используются и в отношении будущего. Подобно историкам, делающим разметку прошлого, футурологи размечают будущее. Нередко это выражается в виде прогнозов, напоминающих таблицу дат исторических

⁹⁸ Барт Р. Дискурс истории. С. 428.

⁹⁹ Барт Р. Дискурс истории. С. 433.

событий. Примеры таких прогнозов известны, например, благодаря деятельности футуролога Р. Курцвейла¹⁰⁰. Структурирование будущего совершается и иным способом: нередко футурологи обозначают то или иное «эпохальное» событие и его примерную дату. Название российской трансгуманистической организации содержит такую значимую дату – «2045». По мнению идеологов движения, к 2045 г. прогрессивное человечество не только научится создавать искусственные тела и найдет способы размещения *личности* и *сознания* в этих телах (этими категориями оперируют лидеры трансгуманистической организации), но и создаст тела-голограммы, «загрузит» *личность* и *сознание* в Сеть. С 2045 г. начнется эра нового человечества.

Как и в историографии, в дискурсах о человеке будущего активно применяется процедура номинации (именования). Например, для обозначения гипотетической новой эры был использован математический и физический термин «сингулярность» (гравитационная, космологическая сингулярность). В математике он означает точку, в которой функция стремится в бесконечность. В физике, в самом общем виде, он обозначает состояние Вселенной, момент возникновения из ничтожно малой, сверхгорячей и сверхплотной точки. Естественно, трансгуманисты вложили в термин «сингулярность» иной смысл. К тому же, само слово стали писать с прописной буквы, используя его в качестве наименования новой эры – эры самовоспроизводства технического прогресса и его выхода за границы всех мыслимых человеком законов (например, т. н. «закона Мура»). Среди сторонников идеи технологической сингулярности распространено мнение, что машины будут «умнее» людей^{101 102 103}. В последние годы завоевывает популярность так называемая концепция «Матрицы», согласно которой постчеловеческая цивилизация обладает всеми необходимыми

¹⁰⁰ Технический директор «Google» расписал будущее мира: прогноз до 2099 года.

¹⁰¹ Chalmers D. The Singularity: A Philosophical Analysis.

¹⁰² Muller V. Future Progress in Artificial Intelligence: A Poll Among Experts.

¹⁰³ Yudkowsky E. Coherent Extrapolated Volition.

вычислительными мощностями для создания любых симуляций и в том числе симуляции человечества. Иными словами, человечество объявляется тщательно разработанным продуктом некоей сверхцивилизации¹⁰⁴.

В соответствии с предполагаемыми вызовами новой эры (главный среди этих вызовов – вызов «мыслящих» машин), должен, по мнению трансгуманистов, измениться и человек. Одна из статей эксперта движения «Россия 2045» и научного сотрудника РАН А. П. Назаретяна завершалась осторожным суждением: «На подходе к Сингулярности перепутье текущей исторической фазы видится особо драматично. Возможно, наши земные жены сегодня рожают потенциальных богов, которым будут доступны какие-то формы бессмертия и космического господства. Или они рожают поколение самоубийц, которые окончательно обрушат здание Ноосферы...»¹⁰⁵. Помимо термина «сингулярность», для обозначения гипотетической новой эры используются и другие термины: «эра нанотехнологии»¹⁰⁶, «эпоха мыслящих машин», «эпоха духовных машин»¹⁰⁷ и т. д. Не трудно заметить, что все они выражают одно и то же распространенное мнение: техника развивается и будет развиваться по своим собственным законам, не зависящим от воли человека и, в конечном счете, создаст свою собственную цивилизацию.

Обозначенные идеи об эпохе Сингулярности («мыслящих», «духовных машин» и т. д.) обостряют вопрос о предполагаемом месте человека в будущем. Трансгуманистические дискурсы охотно отвечают на этот вопрос так: традиционный *homo sapiens*, добровольно или вынужденно, уступит место новому существу, у которого уже есть несколько имен – «постчеловек», «трансчеловек», «*homo immortalis*», «е-существо» и «неочеловек». За каждым из перечисленных имен скрывается дискурсивная конструкция, созданная для реализации вторичных коммуникативных целей

¹⁰⁴ Bostrom N. Are You Living in a Computer Simulation? PP. 243-255.

¹⁰⁵ Назаретян А. П. Нелинейное будущее: Сингулярность XXI в. как элемент мегаистории. С. 32.

¹⁰⁶ Drexler E. Engines of Creation: Coming Era of Nanotechnology.

¹⁰⁷ Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines. 400 p.

– убеждения, воздействия и внушения. По своей структуре дискурсивная конструкция сложна и состоит из значительного числа элементов. Следует оговориться, что семиотический подход в известной мере позволяет выделить эти структурные части (прежде всего, структуры означающего и означаемого). Однако в данном случае само по себе выделение этих элементов не имеет принципиальной значимости. Поскольку дискурсивная конструкция создана для реализации вторичных целей коммуникации, постольку в данном случае важна коннотативная система. Именно она является сердцевиной «мифа» (Р. Барт) и средством «похищения» буквального смысла сообщения. Р. Барт писал, что вторичная семиотическая система имеет как минимум одно фундаментальное свойство – она всегда для чего-либо и для-кого-либо *предназначена*¹⁰⁸.

Дискурсивная конструкция включает в себя, во-первых, результаты номинации. Разрыв с прошлым, с традицией, знаменуется скалыванием старых имен и увековечением новых (достаточно вспомнить хотя бы древнеегипетское междуцарствие). Поскольку трансгуманисты считают, что *homo sapiens* не является последним звеном эволюционной цепи, постольку предполагаемому новому звену эволюции нужно имя. Так, лидеры движения «Россия 2045» и, в частности, Д. И. Ицков, дали существу будущего имя «неочеловек». Во-вторых, конструкция нуждается в основании. Им, как правило, являются исторические события, авторитетные мнения прошлого и т. д. Иначе говоря, дискурс демонстрирует, что сама «логика истории» подталкивает к реализации тех или иных идей. В «Мифологиях» Р. Барт пользовался термином «натурализация» для обозначения одной из главных уловок любого мифа: чтобы дойти до адресата и необходимым образом воздействовать на него, миф должен выглядеть как нечто естественное, «прозрачное» и очевидное.

¹⁰⁸ Барт Р. Мифологии. С. 83

Экспликация образа неочеловека (а также постчеловека, трансчеловека, homo immortalis и е-существа) посвящена третья глава настоящего диссертационного исследования. В данном случае предметом анализа выступает документ «Заповеди жизни неочеловека», в котором размещена обозначенная дискурсивная конструкция. В отличие от обозначенных западных (американских) конструкций, «неочеловек» является отечественным продуктом. Его создатель – основатель движения «Россия 2045» Д. И. Ицков – популяризирует трансгуманизм в масс-медиа (в сети «Интернет», по каналам центрального телевидения), в бизнес-среде, а также среди российской и зарубежной политической элиты. Конструкция неочеловека демонстрируется на фоне характерного для классических утопий «сталкивания» действительного и возможного, мира настоящего и мира будущего (Т. Мора, Т. Кампанеллы, Л. Мерсье и др.). Автор «Заповедей» обозначает непримиримые противоречия между «ужасными» реалиями и «благим» будущим: массовая безработица – всеобщая занятость; низкий доход – высокий доход; дефицит продуктов – изобилие; голод – сытость; патологии, болезни, инвалидность – оздоровление населения Земли; войны – отсутствие глобальных и локальных военных конфликтов и т. д. В любой утопии между двумя мирами – мирами зла и блага – есть переход. Например, в классических утопиях и, в частности, в так называемых «утопиях места»¹⁰⁹, переход из одного мира в другой осуществлялся путешественниками, забредающими в далекие, еще не известные европейцам края. В «утопиях времени» такой переход был возможен благодаря машине времени¹¹⁰ или глубокому сну с последующим пробуждением¹¹¹. Переход к новому миру, согласно «Заповедям», будет возможен благодаря рождению неочеловека – предполагаемому эпохальному событию, образующему демаркацию между прошлым и будущим, «царством необходимости» и

¹⁰⁹ Паниотова Т. С. Социальные сети как новая форма утопии. С. 254

¹¹⁰ Уэллс Г. Машина времени. 624 с.

¹¹¹ Окунев Я. Грядущий мир. С. 215-234.

«царством свободы». Образ нечеловека сконструирован с использованием различных культурных кодов. По определению Р. Барта, код отсылает к той или иной области культуры¹¹². Естественно, любой код имеет конвенциональную природу, то есть создается по договоренности¹¹³. В определенном смысле, код является своеобразным барьером, затрудняющим проникновение в ту или иную культурную среду. С другой стороны, он выражает специфику, особенность различных сфер культуры – науки, религии, искусства и т. д. Эта специфика особенно хорошо видна в процессе «перекодировки»¹¹⁴, то есть перевода с одного языка культуры (например, научного) на другой (например, обыденный, бытовой). Такое понимание кода позволило семиологам и лингвистам говорить о кодах политики, науки (Р. Барт), художественном коде (Ю. М. Лотман), поэтическом коде (Р. Якобсон). Ю. М. Лотман выделял и другие коды – оперный¹¹⁵, театральный¹¹⁶ и т. д.

Образ нечеловека представляет собой сложную конструкцию, созданную с помощью кодов науки, религии, мифологии, истории, философии и права (если следовать идеям Ю. М. Лотмана и Р. Якобсона, можно выделить также художественный и поэтический коды). Многообразие кодов, вероятно, обусловлено идеологической направленностью «Заповедей». Наряду с другими декларативными документами «России 2045», «Заповеди» ориентированы на формирование особого субъекта. Это формирование, по выражению В. А. Жилиной, происходит посредством «подчинения» (вероятно, корректно говорить скорее о предписании) и «определения»¹¹⁷. Иными словами, субъект *должен* следовать той или иной идее и определенным образом *идентифицировать* себя в соответствии с предписанием. Естественно, идеология произвольно ограничивает развитие одних человеческих качеств и поощряет развитие других, ориентируя

¹¹² Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По. С. 428.

¹¹³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

¹¹⁴ Лотман Ю. М. Дурак и сумасшедший. С. 53.

¹¹⁵ Лотман Ю. М. Текст в тексте. С. 72.

¹¹⁶ Лотман Ю. М. Риторика – механизм смыслопорождения. С. 199.

¹¹⁷ Жилина В. А. Идеологическое управление как сущностная черта развития социума. С. 51.

человека на достижение «безусловно» значимой цели. «Безусловно» значимая цель определена в «Заповедях»: она заключается в преодолении ограниченности человеческой природы. Неполитические идеологии не сращены, в отличие от государственной идеологии, с аппаратом принуждения. Они не связаны с применением силы и потому применяют изощренные методы манипуляции.

Идеология, ориентированная на массы, должна говорить на разных языках и в равной мере убеждать как ученых, так и поэтов. Нет ничего удивительного в том, что в декларативных идеологических документах обычно содержатся отсылки к науке и искусству, религии и философии, разуму и сердцу. Любой идеологический документ (как и текст вообще) тем или иным образом, явно или неявно, связан с другими текстами. Этот феномен был назван интертекстуальностью (Ю. Кристева, Р. Барт). По выражению Р. Барта, текст «соткан» из цитат, отсылок, «отзвуков». В тексте «говорят» различные языки культуры, создавая «мощную стереофонию»¹¹⁸. Эта связь осуществляется цитатами в кавычках и без кавычек. В идеологических документах (текст «Заповедей» не является исключением) обычно содержится сравнительно большое число цитат обоих типов. Выше этому уже было дано объяснение: идеология, ориентированная на массы, должна говорить с людьми на разных языках – только в этом случае она может быть услышана миллионами.

В результате анализа текста «Заповедей жизни неочеловека» можно вычленил следующие коды:

1. Код религии. Уже в заглавии, представляющем текст в виде специфического «товара»¹¹⁹, фигурирует категория заповеди, общеизвестная благодаря распространению монотеистических религий. В религиозной культуре заповедь имеет сакральный смысл (древнеиудейские заповеди были даны свыше), а ее нарушение является не проступком, а тяжким грехом,

¹¹⁸ Барт Р. От произведения к тексту. С. 417

¹¹⁹ Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По. С. 430.

пороком свободной воли, забывающей о связи человека с Абсолютом. В светской культуре заповедями называют, как правило, нерушимые, важнейшие жизненные принципы. Ввиду сказанного сама идея документа парадоксальна: предприниматель Д. И. Ицков сформулировал важнейшие принципы жизни им же изобретенного «неочеловека». Эта парадоксальность снимается с помощью уже описанной ранее процедуры натурализации, то есть убеждения в естественности, очевидности, необходимости провозглашаемого. Иными словами, документ должен убедить читателя в том, что неочеловек не является плодом воображения: несмотря на то, что новый Прометей, согласно тексту «Заповедей», появится в *далеком* будущем, он так же реален, как и сам читатель: «... он зовет с собой в будущее сначала только тех, кто готов»¹²⁰. Его «реальность» обеспечивается стараниями трансгуманистов – уникальных проводников в лучший из возможных миров: «Они, трудясь на ниве трансгуманизма, рано или поздно совершат великий переход к неочеловеку, покинут свою земную колыбель, сделают космос своим домом и станут «добрыми богами» для всего человечества, взяв на себя ответственность за развитие земной цивилизации»¹²¹.

2. Код мифологии. Неочеловек назван в «Заповедях» «новым Прометеем». Этот мифологический герой общеизвестен благодаря преступлению против божественного (олимпийского) порядка. Однако преступление против воли богов было «оправдано» потомками мотивом самого проступка. Похитив с Олимпа огонь, Прометей даровал его людям и существенно изменил жизненный уклад человека. Фигура Прометея имеет коннотации беззаветного, бескорыстного служения человеку, героизма и бесстрашия (доказательства тому – преступление и последующие муки). Прометей был родственником олимпийских богов и, невзирая на родство, попытался нарушить сложившееся положение дел. Как и мифический Прометей, неочеловек тоже выступает против бога и нарушает

¹²⁰ Ицков Д. И. Заповеди жизни неочеловека

¹²¹ Ицков Д. И. Заповеди жизни неочеловека.

предустановленный порядок жизни: прежде всего, он «забирает» у бога право на бессмертие. Бессмертие, некогда приписывавшееся богам, утратит свой привилегированный характер и станет нормой жизни.

3. Код науки. «Заповеди жизни неочеловека», конечно, не являются исследованием. Тем не менее, они содержат определенные научные «маркеры». Прежде всего, это статистические данные (социология). Об источниках этих данных ничего не известно. Автор документа обозначил процент инвалидов, указал численность безработных, страдающих от голода, неполных семей и т. д. Код науки содержится во введении к «Заповедям», непосредственно перед формулировками жизненных принципов неочеловека. Такое положение дел, по-видимому, не случайно: научность в современной культуре тождественна основательности. Научный дискурс выступает, во-первых, щитом, сдерживающим удары критики, а во-вторых, эффективнее других работает на процесс натурализации (все естественное тождественно научно обоснованному).

4. Код права. В «Заповедях» отстаиваются либеральные ценности и, в соответствии с ними, полная свобода самоопределения (включая любые трансформации природы человека). Идеологический документ провозглашает свободу от всех «ограничений» тела – главной «преграды» на пути трансгуманистической реформации. Фактически Д. И. Ицков конструирует образ существа будущего, имеющего либеральные права и свободы. Без каких-либо на то оснований лидер общественного движения «Россия 2045» уверен, что неочеловек будет терпим к людям, добровольно отказавшимся от реализации трансгуманистического проекта.

5. Код истории. Российские трансгуманисты сравнительно часто апеллируют к прошлому, пытаясь найти основания логике собственных действий. Например, в манифесте партии «Эволюция 2045» в первых строках содержится популярная коннотация эпохи Средневековья – «темные века», связанные, согласно обывательскому мнению, исключительно с войнами и

эпидемиями, обскурантизмом церкви и инквизиционными трибуналами. В контексте политического манифеста переход в новые «темные века» – это ближайшая перспектива для общества, отказавшегося от реализации трансгуманистических идей. В «Заповедях» ссылка на историю содержит другой стереотип, условно называемый идеализацией прошлого¹²².

6. Код философии. Даже поверхностное знакомство с идеями трансгуманистов дает основание для утверждения о том, что идеологи трансформации природы человека обращались и обращаются к философии. В ней они искали как противников, так и союзников. Широко известен, например, термин «смертническая парадигма» иммортолога И. В. Вишева, означающий совокупность идей и мнений о смерти как о естественном феномене, «неотвратимом финале человеческого существования»¹²³. Иными словами, предшествующие мыслители, по мнению И. В. Вишева, или молчаливо соглашались с тем, что человек смертен, или считали смерть чем-то необходимым. Не удивительно, что термин «смертническая парадигма» обозначал идеи философов различных эпох – от древности до XXв., от Гераклита и Эпикура до М. Хайдеггера и Э. Фромма. В союзники трансгуманисты брали тех мыслителей, кто выступал против смерти и не считал ее непреложным законом. В российских трансгуманистических кругах наиболее прогрессивными мыслителями прошлого считаются виднейшие представители философии русского космизма Н. Ф. Федоров¹²⁴, В. Н. Муравьев¹²⁵, К. Э. Циолковский¹²⁶ и некоторые другие. Также в число союзников включают писателей-биокосмистов (А. Святогор¹²⁷) и ученых (А. А. Богданов¹²⁸). В «Заповедях жизни неочеловека», однако, недвусмысленно сделаны отсылки к философии Ф. Ницше и В. С. Соловьева. Первый известен

¹²² Слуднева Л. В. Утопия: прошлое как аксиологический антипод настоящего. С. 9.

¹²³ Вишев И. В. Современная научная революция: переход от смертнической парадигмы к парадигме бессмертнической. С. 113.

¹²⁴ Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение. С. 32-136.

¹²⁵ Муравьев В. Н. Всеобщая производительная математика. С. 170-198.

¹²⁶ Циолковский К. Э. Будущее Земли и человечества. С. 239-259.

¹²⁷ Святогор А. Биокосмическая поэтика. С. 161-167.

¹²⁸ Богданов А. А. Тектология борьбы со старостью. С. 305-319.

в широких кругах благодаря понятию сверхчеловека, о содержании которого до сих пор идут споры. Второй, в свою очередь, был автором публичных лекций, опубликованных впоследствии под названием «Чтения о богочеловечестве». В действительности конструкция «неочеловек» не имеет ничего общего ни с ницшеанским сверхчеловеком, ни с богочеловеком В. С. Соловьева. Называя трансгуманистическую фигуру «сверхчеловеком», Д. И. Ицков хочет показать превосходство сконструированного бессмертного существа над смертным человеком. Во втором случае утверждается, что неочеловек равен богу – точнее, он и есть бог.

Дискурсивная фигура создается не только посредством операций с различными культурными кодами, но и с помощью коннотации, то есть вторичной семиотической системы, сопутствующей буквальному смыслу. Эта вторичная система содержит в себе и транслирует эмоциональное, оценочное содержание определенного сообщения. Вероятно, не будет преувеличением заявление о том, что ни одна дискурсивная конструкция (и дискурс вообще) не существует без специфических коннотаций. Коннотативная «надстройка» есть не только в художественном творчестве (например, в поэзии), но и в науке. По выражению Р. Барта, коннотация превращает конструируемый образ в предмет потребления. В «Мифологиях», например, ярким примером коннотирования выступает поэтика юной Мину Друэ: «Разумеется, дерево есть дерево. Однако у Мину Друэ дерево уже не совсем дерево, оно приукрашено, приспособлено для определенного вида потребления, может вызвать литературные симпатии и антипатии, какие-то образы, одним словом, оно наделено социальным *узусом*, который накладывается на чистую материю»¹²⁹. Обозначенный пример указывает на одну важную особенность, которую следует учитывать при характеристике человека будущего как дискурсивной конструкции. «Приукрашенное» и готовое к «употреблению» дерево из стихотворения маленькой поэтессы

¹²⁹ Барт Р. Мифологии. С. 72.

имеет референцию, то есть объект действительности или связи и отношения между определенными объектами, «чистую материю», репрезентируемую в образе. Именно об отрыве образа от чего-то действительного, фундаментального, основного, писал Ж. Бодрийяр в книге «Симуляция и симулякры», предложив известную классификацию симулякров. Оторвавшийся от референции образ начинает жить своей собственной жизнью и попадает в пространство «символического» обмена. В отличие от поэтического дерева, образ нечеловека, естественно, не имеет референта и поэтому является симулякром в чистом виде. Поскольку образ человека будущего лишен референции, постольку он не приукрашивает никакую «чистую материю». Отсутствие референта прямо сказывается на специфике функционирования вторичной семиотической системы. Аналогичная специфика коннотации содержится и в утопиях: так как дискурс в принципе не может «украшать» существующие объекты, ему остается *сопоставлять* сконструированные образы с тем, что уже есть или когда-то существовало. Иными словами, коннотация функционирует на линии реального и воображаемого, наличного и возможного. Чтобы показать все достоинства жизни граждан острова Утопия, дискурс Т. Мора нуждался в путешественнике, сопоставляющем два мира и выбирающем лучший из них. Нет ничего удивительного в том, что трансгуманисты обрушиваются с критикой на современные реалии или историческое прошлое. Трансгуманистический дискурс в принципе не может функционировать по-другому. Вторичная семиотическая система с особой силой «работает» как раз там, где, во-первых, рождаются и сопоставляются разные миры (например, мир до и после 2045 г.). В результате такого сопоставления существующий мир приобретает темные, а возможный – светлые тона. Дискредитация существующего мира нужна для выгодной «продажи» и самого дискурса, и самого возможного мира, презентуемого этим дискурсом. Подробнее о коннотациях образа нечеловека будет сказано в третьей главе

настоящего диссертационного исследования. Здесь достаточно лишь обратить внимание на настойчиво повторяющуюся статистику (без указания источников) в предисловии «Заповедей». В сущности, основная функция этой статистики как раз и сводится к дискредитации существующего положения вещей. Дискурс произвольно вычлняет из действительности факты (безработицу, голод, военные конфликты и т. д.) и сводит их в определенный компендиум. Сказанное не значит, что дискурс лжет (хотя обоснованность статистики еще нуждается в доказательствах). Он работает с действительностью подобно монтажнеру, разрезая и произвольно соединяя кадры пленки. В конечном счете, приемы коннотирования служат тому, чтобы превратить образ неочеловека в предмет символического потребления. Этот образ может в определенной мере удовлетворять потребности в преодолении страха смерти и надежде на бессмертие, в преодолении физической ограниченности человека. Возможность победы в борьбе со смертью уже сравнительно активно обсуждается и учеными^{130 131}.¹³² Однако, ученые, в отличие от идеологов трансгуманизма, не конструируют определенного образа бессмертного человека и не ориентируют человека на следование заданному «образцу».

В современную эпоху – эпоху «футуроплюрализма» – существует широкий выбор образов человека будущего, репрезентируемых масс-медиа и книжной индустрией. Первенство в конструировании образов принадлежит трансгуманизму, провозглашающему переход от неуправляемой эволюции к эволюции управляемой. В отличие от утопий, проповедовавших социальные и индивидуальные ценности (согласия, гармонии межличностных отношений, общественной собственности, творчества и т. д.), трансгуманизм акцентирует внимание на несовершенстве человеческого тела. Различие образов человека будущего в трансгуманизме обусловлено разницей

¹³⁰ Парниа С. Стирая смерть. Научный подход к вопросу о границах между жизнью и смертью. 208 с.

¹³¹ Курцвейл Р. Transcend. Девять шагов на пути к вечной жизни. 384 с.

¹³² Агус Д. Краткий гид по долгой жизни. 176 с.

подходов к телу. В самом общем виде, один из подходов предполагает модификацию человеческого тела, а второй – отказ от тела.

Главная задача трансгуманизма (по крайней мере, на современном этапе его развития) заключается в том, чтобы убедить человека в оптимальности стратегий модификации тела и даже отказа от него. Уже существующие новации, такие как киборгизация^{133 134}, чипизация^{135 136}, манипуляции с геномом (синтетическая биология¹³⁷), разработка ген-направленных препаратов¹³⁸ требуют взвешенной оценки и продуманного отношения. Формирование этого отношения, конечно, может быть делом гуманитарных комиссий. Однако все эти технологии (как и трансгуманизм, аккумулирующий hi-tech-разработки ради создания постчеловека) адресованы не только экспертам-гуманитариям, а всем и каждому, направлены на преобразование конкретной, уникальной человеческой жизни. Различного рода общественные движения, организации и ассоциации пытаются, по уже употреблявшемуся выражению В. А. Жилиной, «подчинить» и «определить» человека, направить его жизнь в то или иное русло, «вооружить» способами отношения к миру и самому себе. Эти организации предлагают рецепт «настоящей», «полноценной» жизни и пошаговую инструкцию к «лучшему» будущему. Потенциальных членов «России 2045», например, просят зарегистрироваться на сайте и выбрать опцию «кнопка бессмертия», предлагают ознакомиться с главными документами (проект «Аватар», «Заповеди жизни неочеловека» и др.), участвовать в мероприятиях (публичных акциях, конференциях и т. д.). Все обозначенные шаги необходимы для формирования особого субъекта, считающего «практическое», «технологическое» бессмертие высшей ценностью и смело отбрасывающего все «реакционные» («смертнические»)

¹³³ Баева Л. В. Образ киберчеловека в современной науке и культуре. С. 56-69.

¹³⁴ Емелин В. А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека. С. 62-70

¹³⁵ Картусова С. А. К вопросу чипизации человека. С. 263-270.

¹³⁶ Климкина А. Г. Чипизация населения Земли. С. 328-330.

¹³⁷ Комарова Ж. В. В аптеку – с генетическим кодом. С. 23-26.

¹³⁸ Власов В. В. Биотехнологии – медицине будущего. С. 6-19.

идеи. Ориентация на предписываемый извне стиль жизни, на сформированную кем-то модель поведения и, в конце концов, образ мысли, безусловно, является правом и делом самого человека. Возможно, эта ориентация даже необходима. В «Искусстве быть» Э. Фромм назвал человека «беспомощным» существом, страшась смерти, ограниченности своих знаний, физической слабости и т. д. Не удивительно, что человек решительно привязывает себя к различного рода «помощникам» – политическим и религиозным лидерам, общественным движениям, психологам¹³⁹. Столь же очевидно, что человек привязывает себя к идее. Ориентируясь на кем-то написанный рецепт, кем-то высказанную идею или чей-либо образ жизни как на образцы, человек, тем самым, препоручает себя другому. В безоговорочном следовании образцам таится риск. Вслед за К. Марксом, Э. Фромм назвал этот риск «отчуждением» и уделил ему значительное внимание на страницах своих сочинений^{140 141}. Одним из разрушительных последствий отчуждения является утрата самости. Человек, переживающий отчуждение, в конечном счете, утрачивает главную возможность – быть творцом своей собственной жизни.

Определяющее решение принадлежит всегда человеку как *проектанту* собственного будущего: кто я и какое место я занимаю перед лицом инновационных технологических стратегий? С ориентацией на внеположенные нормы и правила или без таковой, человек всегда проектирует себя. Он проектирует себя даже тогда, когда следует чужому проекту. Самопроектирование конституируется *пробросом* и *путем* в будущее. Человек намечает ту или иную перспективу своей жизни и последовательно идет к «точке схода». Определение «точки схода» всецело зависит от проектанта. Э. Фромм выражал опасение, что культ индивидуализма и эгоизма обуславливает вполне конкретную ориентацию на

¹³⁹ Фромм Э. Искусство быть. С. 168-169.

¹⁴⁰ Фромм Э. Здоровое общество. С. 340.

¹⁴¹ Фромм Э. Марксова концепция человека.

мир и человека. Эту ориентацию философ называл «рыночной»¹⁴². В самом общем виде, рыночная ориентация предполагает отношение к миру и человеку как к средству, способствующему выгоде и достижению личного успеха. Столь же очевидно, что мир может стать «помехой» в процессе достижения желаемого результата. Таким образом ориентированный человек измеряет свой личный успех деньгами. В конечном счете, он смотрит на мир, на другого человека и даже на самого себя как на выражение стоимости. «Точкой схода» перспективы современного человека является достижение коммерческого успеха – артерии личной жизни. Не удивительно, что сегодня едва ли не все, что человек делает, сразу же укладывается в прокрустово ложе капитализации. Интенсивное внедрение новационных продуктов (равно как и широкое употребление этого термина) является характерным симптомом капиталистических отношений. Сегодня кажется естественным, что инновации по своей сути ориентированы на коммерческую реализацию. Человека, создающего инновационные продукты, общественность признает успешным человеком. Между тем, авторов идей, не конвертируемых в прибыль и не созданных для продажи, вряд ли сочтут успешными.

Рыночная ориентация фундирует проект современного человека. В самом общем виде, она предполагает монетизацию вещей, природы и самого человека. По существу, рыночная ориентация обуславливает заикленность на вещно-предметном мире. Человек также вынужден заботиться о том, как продать самого себя с максимальной выгодой. Между тем, у персонального проекта всегда есть и ценностно-смысловая «сторона». Многие философы были единодушны во мнении, что рыночные отношения отодвигают эту «сторону» в тень. Такую позицию имели, например, Э. Фромм, Ж. Липовецки, Ж. Бодрийяр и др. Однако, какими бы ни были социальные тренды, они не могут ликвидировать потребность человека в самоопределении, в четком понимании того, кто он есть. Безусловно,

¹⁴² Фромм Э. Человек для себя. С. 146-150.

сложившиеся экономические, политические, социокультурные условия в известной мере препятствуют самоопределению. Тем не менее, вопрос «кто я» никуда не исчез. В сущности, самопроектирование – это постоянный поиск ответа на обозначенный вопрос.

В конечном счете, сам человек несет ответственность за собственный проект, и никакие гуманитарные экспертизы не смогут это сделать за него. Иными словами, человек сам решает, каким путем пойдет реализация его персонального проекта. Своими поступками, решениями, мыслями и идеями человек воплощает личный проект. Прежде всего, именно его персонального проекта касаются все происходящие изменения (технологический – только один, хотя и очень значимый сегодня вектор перемен). Именно это и пытался показать Э. Тоффлер в книге «Шок будущего», приводя многочисленные примеры деструктивных реакций человека на спонтанно возникающие новации. Одна из главных идей его исследования заключается в том, что перемены в различных сферах жизни не абстрактны, не происходят «где-то», а сбываются здесь и сейчас, шокируют и тем самым иммобилизуют человека.

Ежеминутно реализуя собственный проект, человек всегда определенным образом относится к будущему. В действительности относиться к будущему можно различными способами. Один из возможных способов отношения выражается в постоянной оглядке на прошлое. Еще античные авторы (например, Овидий и Гесиод) писали об утопии «золотого века». Миф о «золотом веке» основывался на вере в гармоничную жизнь легендарных поколений. Потомки древних погрязли в войнах и распущенности нравов, вследствие чего идеал жизни был утрачен и остался лишь достоянием давнего прошлого¹⁴³. С распадом древних цивилизаций мифы о «золотом веке» не исчезли. Они прочно коренятся в сознании людей, живущих воспоминаниями о прошлом. Не имеет значения, соответствуют эти воспоминания исторической действительности или нет – они

¹⁴³ Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. 167 с.

осуществляют терапевтическую функцию, однако могут оказывать и разрушительное воздействие. Переходя от воображаемого к реалиям, человек испытывает боль и стремится снова укрыться в своих воспоминаниях. Идеализация утраченного прошлого – явление широко известное и характерное для каждой исторической эпохи. Его следы можно обнаружить уже в древневавилонских и древнеегипетских письменных источниках. Египетское «Речение Ипусера» изобилует сравнениями прошлого и настоящего: «Смотрите: сокровенное страны, границы которой не знали, стало всем известно. Столица, она разрушена в один час»¹⁴⁴. Крайнюю степень идеализации прошлого и растворение в мечтах о «золотом веке» Э. Фромм связывал с т. н. «некрофильской» ориентацией. Таким образом настроенный человек «принципиально ориентирован на прошлое», ненавидит будущее и боится его¹⁴⁵. Возможно, дело в том, что человек не только ищет определенности, но и стремится контролировать жизнь. Страх перед будущим обусловлен как раз тем, что оно не поддается контролю и рождает «черных лебедей» (метафора Н. Талеба¹⁴⁶), сталкивая человека с непредвиденными событиями. Идеализирующий прошлое человек идет в будущее, однако идет, не видя того, что вызревает вокруг. Избегая встреч с новым, он становится беспомощным и дезориентируется в изменяющихся условиях. Психологические последствия такой дезориентации, в общем, хорошо известны и не нуждаются в воспроизведении.

Другое возможное отношение к будущему конституируется «презентизмом» (термин И. В. Бестужева-Лады)¹⁴⁷. Отечественный социолог трактовал «презентизм» как представление о будущем по аналогии с настоящим. Иными словами, люди, вне зависимости от их профессионального статуса, склонны видеть в будущем «продолженное

¹⁴⁴ Речение Ипувера.

¹⁴⁵ Фромм Э. Душа человека. С. 33

¹⁴⁶ Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 736 с.

¹⁴⁷ Бестужев-Лада И. В. «Эффект футурофобии» в обыденном и бюрократическом сознании. С. 72-81.

настоящее¹⁴⁸. И. В. Бестужев-Лада объяснял это пережитками первобытного мышления, отождествляющего прошлое, настоящее и будущее. Ученый подчеркивал, что результаты социологических исследований показали некоторую зависимость «презентизма» от круга интересов человека: люди, читающие научную фантастику или знакомые с футурологическими исследованиями, менее склонны к «презентизму», нежели люди, не знакомые ни с тем, ни с другим. Обозначенное И. В. Бестужевым-Ладой явление нельзя объяснить только ссылкой на наследие первобытного мышления (к тому же, о нем у современного человека относительно слабое представление). Вероятно, «презентизм» обусловлен и психологическим комфортом, установкой человека на сохранение status quo. В современной психологии широко распространено понятие зоны комфорта, то есть обжитого пространства, обеспечивающего безопасность. Находясь в привычном окружении, человек действует в соответствии с определенными стереотипами. По выражению Б. В. Кайгородова и И. А. Еремицкой, в зоне комфорта сохраняются привычные паттерны поведения и реагирования¹⁴⁹. За пределами этой зоны находится «зона риска» – пространство неопределенности и опасности. «Презентизм» существует не только потому, что человек не *может* вообразить качественно иное, в сопоставлении с настоящим, будущее, но и потому, что он не *хочет* его вообразить. По мнению психологов, в зоне комфорта человек вовсе не занят осмыслением существующих условий и собственного к ним отношения. Авторы вышеобозначенной статьи вынесли следующий вердикт: «В зоне комфорта человеку нет необходимости понимать себя»¹⁵⁰.

И в первом, и во втором случае человек относится к будущему как к «зоне риска», тотальной неопределенности и угрозе его существованию. В определенном смысле, его персональный проект предполагает *оборону* от

¹⁴⁸ Там же. С. 73.

¹⁴⁹ Кайгородов Б. В. Зона комфорта, развитие и понимание себя. С. 329.

¹⁵⁰ Кайгородов Б. В. Зона комфорта, развитие и понимание себя. С. 329.

будущего. По выражению Э. Фромма, человек «задерживается» на той стадии развития, которую ему следовало бы пройти. Существование, оказывающееся в противоречии со своими возможностями, является не только нерациональным, но и патологическим¹⁵¹.

Все вышесказанное об отношении к прошлому и настоящему не означает, однако, что человек должен жить исключительно мыслями о будущем. Подобно тому, как человек может отдаться прошлому, он может раствориться в своих мечтах и грезах о будущем. В этом случае, таком же «патологическом», как и предыдущие, человек пытается поместить действительность в прокрустово ложе возможностей. В конечном счете, мысль человека оказывается «всегда-не-здесь». В поздней философии М. Хайдеггера не случайно возник концепт калькулирующего мышления, схватывающий особую настроенность человека в отношении мира. Вычисляющее мышление «загоняет» возможности одну за другой и не может остановиться¹⁵². Оно рассчитывает, планирует и вычисляет. В конечном счете, калькуляция вполне соответствует технико-технологической гонке и, более того, обслуживает технологический прогресс, вынуждающий природу предоставлять свои блага. Проблема не только в том, что природа, подвластная калькулирующему мышлению, превратилась в «гигантскую бензоколонку»¹⁵³, но и в том, что сам человек оказался встроенным в техническое мироотношение. Следуя логике технизации мира, человек фактически дошел до предела. Сегодня он ищет способ отделения сознания от мозга для того, чтобы разместить сознание в Сети. Кроме того, прогрессивное человечество уже активно реализует возможность слияния биологического и технического. Патология расчета полностью выдает человека его же собственным проектам и планам в качестве ресурса.

¹⁵¹ Фромм Э. Душа человека. С. 323.

¹⁵² Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. С. 104.

¹⁵³ Там же. С. 107.

Сделав оговорку о калькулирующем мышлении и провоцируемой им антропологической катастрофе, можно сказать, что человек будущего – это не человек, поглощенный планами и проектами. Иными словами, это не человек, растворившийся в возможностях и потому бегущий «вперед» всех. Человек будущего – это не человек, производящий одну новацию за другой и интенсивно внедряющий новинки. Между тем, современная массовая культура, политика, экономика и наука сообща создали образ человека экономически успешного, популярного и генерирующего коммерчески реализуемые идеи. Именно этот образ считается эталонным и потому служит образцом для подражания. Начиная с популярных лозунгов современных стартап-акций («Будь первым», «Стань лидером» и т. д.) и заканчивая коммерциализацией научных проектов, инициируемых «наucoгpадами», современная культура любыми средствами поддерживает имидж успешного человека. Перед глазами всегда есть реальные примеры успешных людей, и именно эти примеры так притягательны и заразительны, ведь они – реализованные проекты, реальные примеры возможностей человека.

В реалиях «осужденный» на свободу человек постоянно реализует свой персональный проект, и только он, в конечном счете, решает, как относиться к тем или иным созданным в пространстве публичности конструкциям. Естественно, создатели конструкций убеждают человека в их актуальности и адекватности сложившимся условиям. Человек может относиться к этим интеллектуальным продуктам как к ориентиру, указывающему на некую жизненно важную цель, или как к образцу, созданному для подражания или копирования. Некритически приняв ту или иную конструкцию за действительность, человек сам будет отвечать за свой выбор – вполне возможно, за самый серьезный и ответственный выбор в жизни. Совершив этот важный выбор, человек сможет легко *идентифицировать* себя как «стартап-менеджера», «инноватора», «лидера проекта», «успешного человека» и т. д., то есть навесить на себя тот или иной профессиональный

или идеологический «ярлык». Однако насколько основательна такая самоидентификация? Многие философы XX в. (Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, И. А. Ильин и др.) не случайно акцентировали внимание на аксиологическом кризисе цивилизованного человека. Утрата ценностных ориентиров, позволяющих уверенно двигаться определенным путем, привела к тому, что у современного человека возникла так называемая «плавающая» идентичность. Психологические и социологические исследования констатируют факт, что современный человек (в особенности, молодые поколения) не может уверенно определить себя^{154 155 156}. Во многом, «плавающая» идентичность обуславливается характером общественных отношений. В любом цивилизованном обществе, участвующем в инновационной гонке, человека принуждают к мгновенному принятию решений, ловким манипуляциям с информацией, к тому, чтобы выглядеть, а не быть. В то время, когда человек легко определяет себя через дискурсы публичности, в тени остается нечто по-настоящему важное и подлинно ценное – «само», по выражению Ф. Ницше¹⁵⁷. «Само» можно заглушить, однако нельзя заставить его замолчать. Рано или поздно, оно потребует отчета о жизни и будет настойчиво твердить человеку «ты не *сам*». Путь в будущее возможен не только *из* того или иного дискурса, вооружающего понятиями и идеями, целью и задачами. Дискурсивные конструкции могут быть очень прочными, монументальными и приковывающими внимание, однако они не тотальны. Дискурсы властолюбивы и притязают на то, чтобы определить жизнь человека, указывают человеку его место и предписывают тот или иной образ мысли и действий. Тем не менее, определяющее решение остается все-таки за человеком. Путь в будущее возможен как реализация собственного проекта, последовательность осознанных выборов, каждым из

¹⁵⁴ Зидентоп Л. Демократия в Европе. 312 с.

¹⁵⁵ Зинурова Р. И. Конфигурация идентичности российской молодежи: результаты социологического исследования. С. 67-77.

¹⁵⁶ Петрова О. А. Феномен демонстративности в контексте психоаналитического подхода. С. 70-72.

¹⁵⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. 304 с.

которых человек, хочет он этого или нет, определяет себя самого. Этот путь очень труден, поскольку требует от человека осмысления каждого шага и ответственности за каждый выбор. Однако только так дорога может стать ближе шагам мыслящего, и только так путник сможет дойти до подлинно значимой цели¹⁵⁸.

Важную роль в социокультурном пространстве и человеческой деятельности, наряду с прогнозированием, играет конструирование будущего. В отличие от прогноза, предвидения и иных способов проброса, конструирование не предполагает предсказания возможных событий. Ярким историческим феноменом конструирования будущего были утопии, возникавшие в различные эпохи и существующие до сих пор. В XX в. масштабные социальные утопии уступили место технологически ориентированным проектам, направленным на решительное преобразование природы человека. То, что в утопиях Нового времени и XX в. либо обходилось вниманием, либо было намечено робким штрихом и оценивалось как плод фантазии, сегодня становится возможным. В центре внимания сторонников hi-hume технологий оказались тело и когнитивные способности человека. Социокультурное пространство эпохи «футуроплюрализма» заполнено ориентированными на массы конструкциями человека будущего.

В каждую конструкцию заложены определенные индивидуально или корпоративно значимые ценности. Они не всегда четко и внятно выражены, однако всегда рассчитаны на убеждение. Создатели конструкций человека будущего не только изображают предполагаемый результат и предлагают план его достижения, но и пытаются обосновать принципиальную важность этого результата, используя арсенал разнообразных средств убеждения. Дискурсы человека будущего не просто транслируют информацию адресату, но и распоряжаются предметом изложения. Любая дискурсивная

¹⁵⁸ Хайдеггер М. Проселок // Исток художественного творения. С. 391.

конструкция создается для реализации вторичных целей коммуникации и всегда для кого-то предназначена. Иными словами, она не только передает информацию, но и убеждает в своей правомерности и истинности. Дискурс прибегает к специальным «техникам» убеждения и внушения. Невозможно достоверно узнать, какова в действительности цель конструирования того или иного образа и попыток его воплощения. Например, в программных документах общественного движения «Россия 2045» обозначена глобальная цель – спасение человечества от деградации и перехода к «темным» векам. В таком случае программа партии «Эволюция 2045» провозглашает цивилизаторскую миссию. Лидеры политической организации и общественного движения уверены в том, что человечество деградирует и его необходимо спасать. Они убеждены в своей исключительности: только «Россия 2045» способна на глобальную миссию. Вместе с тем, такое заявление нуждается в серьезном обосновании. Именно его – обоснования – документы общественного движения и не содержат. Вместо серьезной аргументации в отношении к своим планам и проектам (один из них – проект по созданию тела-голограммы), четкого понимания необходимости перехода к некоему «неочеловеческому» состоянию, в документах содержатся призывы и угрозы. Это означает, что дискурсивная конструкция обслуживаются коннотацией – эмоциональной и оценочной «оболочкой» конструкции. Скрывая буквальный смысл сообщаемого, коннотация превращает конструкцию в предмет потребления.

Сегодня, как никогда ранее, человек должен чутко реагировать на разнообразные техники манипуляции. Несмотря на изобилие дискурсивных конструкций и усилия их создателей выдать эти конструкции за нечто подлинно значимое, только сам человек решает, как относиться к тому, что ему предлагают. Человек должен взвешенно ответить на вопросы, кто он и какое место он занимает перед лицом инновационных технологических

стратегий. Прежде всего, именно его персонального проекта касаются все шокирующие и дезориентирующие перемены, сбывающиеся здесь и сейчас.

В современной социокультурной ситуации культивируется образ человека деятельного и успешного, производящего одну новацию за другой и интенсивно внедряющего новинки. Будущее прочно связывается с этим образом: в него «войдут» только те, кто умеет «генерировать» коммерчески ориентированные идеи. Люди, имеющие не востребованные капиталистическим обществом профессии, пополнят ряды маргиналов. Сегодня билет в будущее имеют IT-специалисты, бизнес-тренеры, специалисты в области биотехнологий и т. д. Мифология бизнеса убеждает человека в том, что он должен быть первым и, следовательно, действовать даже в ущерб пониманию, осмыслению собственной деятельности. Современный человек находится перед лицом серьезного вызова: будь быстрее других, иначе другие опередят тебя. Следовательно, трата времени на тщательное обдумывание своих шагов, а тем более на обоснование собственной деятельности, является излишней. Экстраполяция сегодняшнего положения дел на будущее вызывает многие вопросы: что ждет человека, вовлеченного в инновационную гонку? Будет ли скорость перемен постоянно расти и где ее предел?

В погоне за успехом человек утрачивает способности к продумыванию, концентрации внимания, критическому мышлению, принятию взвешенного решения. Некритически приняв ту или иную конструкцию за действительность, взяв ее как готовый продукт, человек сам, в конечном счете, будет отвечать за сделанный им серьезный и ответственный выбор. Путь в будущее может быть путем *из* того или иного дискурса, вооружающего принципами и нормами, ценностями, идеалами и смыслом жизни. Принципиально важен вопрос, *куда* осуществляется этот путь. На этот вопрос авторы трансгуманистических проектов не дают внятного ответа. Однако путь в будущее возможен и как реализация человеком

персонального, собственного проекта, основанного на серьезном и ответственном выборе.

В настоящее время путь в будущее устойчиво связывается с инновациями. Инновации стали едва ли не высшей ценностью современного общества. Некоторые из них приобретают статус стратегий, то есть предполагают пошаговое достижение определенного положения. Не без основания можно утверждать, что современное цивилизованное человечество живет в эпоху инноваций и инновационных стратегий, с невиданными ранее возможностями и проблемами.

Глава 2. Новации и инновации в контексте будущего человека

2.1. Новая и инновация: историко-философский аспект

Современное цивилизованное человечество идет в будущее под знаменем инноваций. Политические стратегии ориентируются на создание инновационной экономики, бизнес – на внедрение инновационных технологий и создание инновационных продуктов. Инновацией, без особого преувеличения, сегодня называют все, начиная с определенных сегментов производственного процесса и заканчивая школьным географическим атласом. Популярность слова «инновация» вряд ли может быть объяснена исключительно модой. Вокруг инновации концентрируются современные цивилизационные тренды. Этими трендами задается вполне определенный смысл инновации. Инновациями называют продукты или технологии, ориентированные на коммерческий успех, неразрывно связанные с материально-производственной деятельностью человека. В сравнении с инновацией, термин «новация» сегодня не столь популярен. Объяснить этот факт удастся только тогда, когда «гены» современной культуры будут четко и ясно видны.

Слова «новация» и «инновация» имеют давнюю историю употребления. Новация – термин римского права, использовавшийся известными юристами (Ульпианом, Гаем, Юстинианом и др.) и активно употреблявшийся в официальных законодательных актах. Термином «новация» в романской юридической системе обозначали согласованное изменение определенного обязательства. В результате введения новшества старое обязательство корректировалось или ликвидировалось^{159 160}. Римскому законодательству был известен и термин «*animus novandi*», означающий необходимое условие принятия новации – намерение сторон,

¹⁵⁹ IMPERATORITHEODOSIANICODEXLIBERPRIMUS.

¹⁶⁰ Дигесты Юстиниана.

во-первых, прекратить текущее обязательство, а во-вторых, установить новые отношения^{161 162}.

В области права новация выполняла две основные функции: она разрывала определенные договорные связи («деструктивная» функция) и изменяла оговоренные условия («конструктивная» функция). Новации не могло быть, если сторонами договора руководила исключительно неудовлетворенность сложившимися отношениями. С формальной стороны новация возникает благодаря таким процедурам, как исключение (удаление) какого-либо элемента обязательства (исполнителя или условия), добавление, переформулирование и др. Решительный разрыв новации с прежней формой, очевидно, с необходимостью еще не влечет за собой решительного разрыва с содержанием старого обязательства. Оценка «новационности» содержания, в отличие от оценки формы, часто вызывает некоторые трудности. Общеизвестно, что плагиат сегодня поддается процентному определению и выявляется с помощью компьютерных и сетевых программ. Для того чтобы вынести наказание, необходимо определить *меру* вины правонарушителя. Между тем, согласно законодательству, идеи, принципы, методы, концепции, теории и т. д. не подлежат юридической защите. Их защита требовала бы основательной работы со смыслом. Формальная сторона юридической новации выражается в изменении буквы обязательства. В свою очередь, содержание новации конституировалось возникновением иного, в сопоставлении с предыдущим, отношения между правовыми субъектами. Замена любого «элемента» обязательства – субъекта, регулирующей нормы, меры ответственности и т. д. – влекло за собой определенные качественные изменения в отношениях сторон договора.

Термин «новация» использовался в соответствии с древнеримскими традициями еще в Новое время (например, в Гражданском кодексе штата

¹⁶¹ Аминов Е. Р. Существенные условия соглашения о новации. С. 332-343.

¹⁶² Подгузова Е. И. История развития договорных оснований прекращения обязательств в римском праве. С. 210-213.

Калифорния, 1872 г.¹⁶³; в «Трактате об обязательственном праве или договорах» 1806 г.¹⁶⁴ и др. источниках). Нельзя точно установить, когда и при каких обстоятельствах термин «новация» впервые был использован вне юридического контекста. Однако, как известно, новацией сегодня называют отнюдь не только изменение обязательства. Эта ситуация исторически уникальна: постепенно термин перекочевал в другие области (искусства, литературы, технологий) и сохранился в первоначальном виде только в источниках римского права и юридических словарях. В XXв. слово широко употреблялось в искусстве, философии, медицине, инженерной деятельности и других сферах. Сегодня такие словосочетания, как «интеллектуальная новация»¹⁶⁵, «литературная новация» и другие не вызывают непонимания. Этим словом обозначаются идеи, художественные стили, научные концепции, термины, неологизмы и т. д., то есть интеллектуальные новшества.

Кроме того, все чаще в научной литературе новацию стали противопоставлять *традиции*. Многие статьи, диссертационные исследования и книги в различных областях знания (философии, социологии, культурологии и т. д.) посвящены традиции и новации. Естественно, далеко не каждый автор ставил задачу прояснить принципиальные различия между ними. Тем не менее, в заглавиях и тексте научных трудов обозначенные противоположности часто используются (например, в трудах М. С. Кагана¹⁶⁶, А. В. Стовбы¹⁶⁷, О. С. Шибико¹⁶⁸, В. Н. Базылева¹⁶⁹ и мн. др.). Все указанные авторы рассматривают традицию и новацию в общекультурном контексте. Так, М. С. Каган отмечал в своем выступлении, что на протяжении многих веков существовала традиционная культура, для которой понятие

¹⁶³ The Civil Code of the State of California.

¹⁶⁴ Pothier R. A Treatise on the Law of Obligations, or Contracts.

¹⁶⁵ Малинин В. А. Мир идей лорда Бертрама Рассела.

¹⁶⁶ Каган М. С. Традиции и новации в современных философских дискурсах (текст выступления). С.39-42.

¹⁶⁷ Стовба А. В. Традиция и новация в развитии современного российского общества. 22 с.

¹⁶⁸ Шибико О. С. Синтез традиций и новаций в японской культуре как причина ее популярности в России. С. 21-25.

¹⁶⁹ Базылев В. Н. Российская лингвистика XXI в.: традиции и новации. 380 с.

новаторства было синонимом ереси. Следует оговориться, что в традиционной средневековой культуре понятия новаторства не было вообще. С конца же XIX в., по оценке М. С. Кагана, наблюдается «полное пренебрежение» к традиционности¹⁷⁰. Традиция основывается на власти авторитета (его роль могут играть политики и законодатели, деятели искусства, религиозные подвижники, нормы и правила). В Средневековье такими авторитетами были церковь, Священное Писание, труды Святых Отцов и т. д. Новация, следовательно, возникает вследствие неудовлетворенности от почитания авторитетов. Абсолютизация следования авторитетам ограничивает свободу мысли и действия. Всегда связанная с новым взглядом на мир, новация определенным образом воздействует на традицию, отодвигая ее в тень. По оценке М. С. Кагана, конец XIX в. и весь XX в. можно назвать временем разрушения традиций, или веком новаторства. Пытаясь перейти от общекультурного контекста к антропологическому, М. С. Каган связывал традиционность и новаторство с этапами жизни человека. Новаторами, как правило, являются молодые люди, стремящиеся разорвать связь времен. Старики, напротив, преимущественно консервативны. Негативное отношение молодежи к духу преемственности М. С. Каган объяснял не только ее нестабильным социальным положением, но и желанием самоутвердиться¹⁷¹. Иными словами, молодое поколение стремится найти себя.

В научных статьях по культурологии и социологии противоположность традиции и новации часто подается как нечто очевидное, данное «априори»¹⁷². В действительности, их противоположность совсем не очевидна. Чтобы понять, на каком основании традиция и новация противопоставляются и есть ли эти основания вообще, необходимо глубже

¹⁷⁰ Каган М. С. Традиции и новации в современных философских дискурсах (текст выступления). С. 39.

¹⁷¹ Там же. С. 41.

¹⁷² Druzhinin A. G. «Maritime» component in the Russian human geography: Traditions and novations. PP. 7-16.

изучить обозначенные «концентры» культуры. Каждый такой «концентр» богат смыслом и несет в себе исторический опыт.

Традиция, как и новация, исторически тоже является термином римской юридической сферы. В качестве термина традиция обозначала законную *передачу* права собственности (объектом собственности могло выступать как движимое, так и недвижимое имущество)¹⁷³.

Слово «традиция» происходит от латинского глагола «tradere». «Tradere» – форма инфинитива настоящего времени активного залога, образованная, в свою очередь, от глагола «trado». Глагол «trado» является многозначным. В частности, он означает «вручать», «отдавать», «передавать», «отдавать в распоряжение», «передавать по наследству», «поверять», «рассказывать», «сообщать», «преподавать» и т. д. Например, в сочинении римского историка Тацита можно встретить фразу «sunt qui tradiderint, sunt qui abnuant» («одни это утверждают, другие отрицают», или «одни с этим согласны, другие отрицают это»)¹⁷⁴. Глагол «dare» переводится как «давать», «вручать» и восходит, вероятно, к праиндоевропейскому «do». Общее прототипическое значение глагола «дать» – совершение действия (вручения), в результате которого некто получает что-либо. В русском языке слово «дать» используется в самых различных значениях и контекстах: дать деньги (вручить), дать номер телефона (сообщить информацию), дать концерт (организовать) и т. д.

«Trado», как уже отмечалось, употреблялось в значениях «сообщить», «рассказать», «вручить», «подарить». Префикс «tra» (сокращение от «trans») означал «за» и «через». В таком случае слово «traditio» можно перевести как «пере-дача», «за-дача». Традиция существует только в органическом единстве передачи и получения. В противном случае, если какой-либо из ее конституирующих элементов отсутствует, традиция уничтожается.

¹⁷³ Зорин А. А. К вопросу об абстрактности передачи права собственности на движимые вещи. С. 73-77.

¹⁷⁴ Tacitus P. C. The Annals of Tacitus with the Rev. Percival Frost.

В «Бытии и времени» М. Хайдеггер писал, что не принимаемая людьми традиция повергается в ничтожность¹⁷⁵. Очевидно, что в рамках традиции «препоручают», «передают» наследуемое. М. Хайдеггер выражал озабоченность тем, что бездумное следование заслоняет подступы к истокам традиции. Немецкий мыслитель писал об этом и в отношении к преемственности в философии, и в отношении к повседневности. Почерпнутые из древности традиционные понятия и категории со временем перестали быть понятными. Человек, употреблявший то или иное понятие, все меньше задумывался об их смысле. Выкорчевывание историчности присутствия и попрание почвы – неизбежные следствия беспамятства и бездумности. Проблемы бездумности и бегства от мышления М. Хайдеггер поднимал в речи памяти К. Крейцера¹⁷⁶. Традиция вечеров памяти превратилась в увеселительную процедуру и светскую беседу. Это происходит потому, что наследуемое формально принимается, но не всегда осмысливается преемниками. Вследствие разрыва с традицией, фактически «размещающей» человека в обществе, происходят сложные, противоречивые поиски социальной идентичности¹⁷⁷. Семья, труд, образование постепенно теряют положение ценностных регуляторов¹⁷⁸. В том и заключается дело, что новация, как уже говорилось, выполняет деструктивную и конструктивную функции. Исторический опыт показывает, что вслед за разрушением традиции (или отказом от традиции) вовсе не обязательно следовало созидание или принятие нового.

Чтобы сохранить силу, традиция должна объединять. Традиция, подобно стержню, должна проходить сквозь человека, открытого традиции и готового передать ее другому. Согласно мнению автора статьи философского словаря, «традиция делает человека звеном в цепи поколений»¹⁷⁹. По-

¹⁷⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 250.

¹⁷⁶ Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. С. 103-104.

¹⁷⁷ Левичева В. Ф. Социальное самоопределение молодежи. С. 323.

¹⁷⁸ Там же. С. 323.

¹⁷⁹ Философия: энциклопедический словарь.

видимому, такой вывод возможен, если смотреть на традицию отстраненно, «сверху». В отличие от звена цепи, человек всегда определенным образом относится к препорученному. Он не передает традицию подобно тому, как звено цепи передает электрическую энергию. Отношение к традиции может конституироваться пониманием ее ценности, интересом к наследию. Интерес обуславливает индивидуальную актуализацию традиции. В «Искусстве быть» Э. Фромм писал, что слово «интерес» произошло от латинского «interesse» – «быть среди», «быть между». Э. Фромм противопоставлял интерес и изоляцию, «оукливание». Интересующийся человек не закрыт «внутри себя»¹⁸⁰. Интерес прочно связан с погружением, углублением. Интересующийся человек – прочное звено любой традиции. Человек, получивший в наследство семейную реликвию, но видящий в ней ничем не примечательную вещь, имущество, является слабым звеном, обращающим традицию в ничтожность. Принимающий и передающий традицию открыт другому. По выражению М. Бубера, человек говорит другому «Ты», и это «Ты» говорится всем существом. Напротив, «Оно» («Он», «Она») никогда не говорится всем существом человека. Двигаясь по поверхности вещи, человек приобретает опыт и узнает мир, «состоящий» из множества Оно, видит вещи среди вещей¹⁸¹. Человек, не слышащий и не говорящий «Ты», попирает традицию. Подлинная традиция конституируется в отношении Ты – Я – Ты, где Я принимает и передает. Если бы человек был только «звеном» каких-либо отношений, то, возможно, его роль сводилась бы к формальному получению и передаче. Традиция живет в бытии-друг-с-другом, она прочно связана с заботой. Подлинная традиция связана не с желанием отдать нечто ради приобретения власти, а с помощью другому, с передачей «умения быть», полученного, в свою очередь, от предков.

Новация исходит из традиции и вместе с тем отрицает ее. В связи с этим возникает вопрос о механизме превращения традиции в собственную

¹⁸⁰ Фромм Э. Искусство быть. 224 с.

¹⁸¹ Бубер М. Я и Ты.

противоположность. Онтологический ракурс такого превращения был представлен в философии эмпиризма (У. Джеймс, А. Бергсон и др.), структурализма и постструктурализма (М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари), фундированных положениями о перманентном изменении состояния мира и бесконечности разнообразия феноменов: «Каждый момент прибавляет нечто новое к тому, что было раньше. Более того, это не только новое, но и непредвиденное» (А. Бергсон¹⁸²); «Реальность бьет через край, превосходит самое себя...» (У. Джеймс¹⁸³); «Нет такого мира, который не демонстрировал бы многообразия своих частей, местностей, рек и населяющих их видов» (Ж. Делез¹⁸⁴). Иными словами, мир бесконечно разнообразен, и ничего тождественного в нем не существует. Препорученная новым поколениям, традиция всегда особым образом изменяется. Попытки хранить ее в консервированном виде могут губительным образом сказаться на самом хранимом.

В философии структурализма, акцентирующей особое внимание на феномене языка, была обозначена идея, позволяющая увидеть проблему соотношения традиции и новации в новом разрезе. Не случайно, в одном из выступлений М. Фуко сказал, что мечтает создать энциклопедию техник интерпретации. По выражению философа, «язык не говорит именно то, что он говорит». Схватываемый в суждении смысл, вероятно, всегда передает некий иной, «глубинный» смысл¹⁸⁵. Этот смысл интерпретатор и пытается «открыть». Фактически, незавершенность интерпретаций обуславливает перманентное движение к глубине, к тайне, погребенной под поверхностью.

Советский и российский философ М. К. Петров ввел в оборот термин «трансмутация», обозначавший способ передачи опыта (как на межиндивидуальном, так и на межпоколенческом уровнях), при котором

¹⁸² Бергсон А. Творческая эволюция. С. 17.

¹⁸³ Джеймс У. Введение в философию. С. 67

¹⁸⁴ Делез Ж. Лукреций и симулякр. С. 346 с.

¹⁸⁵ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс.

возникают новые элементы знания или модифицируются уже имеющиеся.¹⁸⁶

По мнению М. К. Петрова, основным «режимом» трансмутации является объяснение. Философ был убежден, что любое объяснение всегда несет в себе нечто новое и уникальное. Следовательно, любой человек может выступать в качестве «объясняющего новатора»¹⁸⁷. Основываясь на концептуальных идеях обозначенных мыслителей, следует отметить, что новация является необходимым элементом социокультурного пространства жизни каждого конкретного человека. В статье «Техника и философия» В. В. Бибахин сравнил интерпретацию с «грабежом», всегда переносящим мысль в другое, не родное ей место¹⁸⁸. Однако, как бы философ ни относился к интерпретации и как бы ни призывал к бережному обращению с творческим наследием, он все же не ответил на вопрос, может ли культура вообще существовать без интерпретации. Дело в том, что осмысленное, самобытное отношение к традиции не предполагает ее консервации. В противном случае, культура никогда бы не знала толкований библейских текстов. Именно в том и состояла коллизия, во многом определившая содержание средневековой европейской культуры: с одной стороны, надо было через комментарии осваивать содержание библейских текстов, с другой – не потерять за этими интерпретациями и толкованиями аутентичность библейской мысли и слова.

Неизбежное изменение передаваемой традиции обостряет вопрос о сохранении наследуемого. Если традиция как бы «обречена» на то, чтобы меняться, то возможно ли и нужно ли ее хранить? Актуальность проблемы бережного отношения к традиции не поддается сомнению: не случайно вопрос о традиции поднимается на государственном уровне.

Множество публикаций посвящено проблемам сохранения национальной идентичности в условиях глобализации^{189 190}, сбережения

¹⁸⁶ Петров М. К. Язык, знак, культура. С. 44.

¹⁸⁷ Там же. С. 44.

¹⁸⁸ Бибахин В. В. Техника и философия.

¹⁸⁹ Герасимова И. А. С. 66-76.

¹⁹⁰ Прокаева О. Н. Влияние процессов глобализации на проблему национальной идентичности. С. 65-67.

культурного наследия^{191 192} и т. д. Очевидно, что эта проблема возникла не сегодня: исторически едва ли не каждое поколение пыталось и пытается удержать нечто подлинно значимое и жизненно важное. Однако, если традиции неизбежно уступают место новациям, то не бесплодны ли все эти попытки? Пессимистическая позиция Ж. Бодрийяра, обозначенная в книге «Симулякры и симуляция», все же имеет определенные основания: «Достаточно было эксгумировать Рамсеса, чтобы уничтожить его через музеефикацию. Ведь мумии уничтожают не черви: они погибают из-за изъятия из неспешного символического порядка...»¹⁹³. Этим решительным заявлением Ж. Бодрийяр подчеркивает, что в современных реалиях господствует так называемый «символический обмен», то есть обмен знака на знак. Более того, знаки вообще становятся самодостаточной реальностью.

Одна из принципиально важных черт современной культуры как раз и заключается в перманентной циркуляции знаков, скрывающей отсутствие какой бы то ни было референции. Как никогда ранее, сегодня велика власть *имиджа*, образа, перформанса, демонстрации и презентаций. Вряд ли будет преувеличением тезис о том, что сегодня традиции часто хранятся ради имиджа, антуража или экзотики. Как и традиции, новации тоже вписаны в ситуацию символического обмена. Только те новации будут жить в пространстве публичности, что смогли стать предметом «нуре», то есть агрессивной рекламы. Не принципиально, действительно ли несет в себе нечто новое та или иная «новация». Главное, чтобы она нашла массового потребителя, удивила или даже шокировала публику.

Другая важнейшая черта современности – высокая скорость социальных перемен. Интенсивные перемены во всех сферах жизни общества, с одной стороны, губительным образом сказываются на традициях, а с другой стороны, побуждают человека соответствовать «духу времени» и

¹⁹¹ Нагорная О. С. Проблема сохранения объектов культурного наследия: от национального к глобальному измерению. С. 91-96.

¹⁹² Хлыщева Е. В. проблема сохранения культурного наследия в поликультурном регионе. С. 64-67.

¹⁹³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 18.

создавать новые поводы для привлечения внимания публики. Именно эта черта способствует, во-первых, стремительному превращению новаций в инновации, а во-вторых, «миниатюризации» инноваций. Подробнее эти тенденции будут рассмотрены в следующих параграфах.

Современная культура развивается не под знаменем традиций или новаций, а *инноваций*. В масс-медиа, на конференциях и форумах, в выступлениях политиков, в научных исследованиях говорят, прежде всего, об инновациях. Тому можно найти массу доказательств, хотя бы сформулировав определенные запросы в сети «Интернет». Лидерами запросов являются «инновационная деятельность», «инновационная экономика», «инновационная инфраструктура» и «инновационные технологии». Не менее популярно и понятие «инновационная культура», имеющее уже несколько принципиально различных определений. В западных и российских масс-медиа (прежде всего, в аналитических программах) обозначенные понятия активно используются, хотя и далеко не всегда с четким пониманием смысла.

Несмотря на это, с понятием инновации – ключевым элементом всех перечисленных выражений – современные масс-медиа, политики, а также экономические и технические науки, в целом, определились. Однако и здесь возникли некоторые трудности. Одна из них заключается в отсутствии наиболее точного, общепринятого коррелята. Для определения инновации, как правило, используются такие корреляты, как «новшество» и «нововведение»^{194 195}. Например, статья об инновации в «Толковом экономическом и финансовом словаре» И. Бернара и Ж. Колли начиналась со следующих слов: «Инновация есть *новшество* [курсив мой – А. Д.], применяемое в области технологии производства или управления какой-либо хозяйственной единицы»¹⁹⁶. Непримиримых дискуссий по поводу

¹⁹⁴ Бернар И., Колли Ж. К. Толковый экономический и финансовый словарь. Терминология. 784 с.

¹⁹⁵ Андрианов, Р. О. Инновация: изобретение или новшество – неоднозначность терминологии. С. 45-62.

¹⁹⁶ Бернар И., Колли Ж. К. Толковый экономический и финансовый словарь. С. 81

обозначенных коррелятов на страницах научных трудов не возникало. Это дает основание считать, что вопрос об эквиваленте «инновации» не является значимым для науки. Фактически в технических и экономических науках сегодня воспроизводится, за редкими исключениями (о них будет сказано далее), трактовка инновации австрийским экономистом Й. Шумпетером. Та же трактовка фигурирует в выступлениях политиков, в государственных документах, материалах различных ведомств и т. д. Инновацию определяют как новшество или нововведение, как продукт производства или производственную технологию и как то, что ориентировано на прибыль. В зарубежных экономических и технических науках распространена та же точка зрения^{197 198 199}.

Общепринятое понимание инновации выкристаллизовалось в условиях капиталистических отношений. Инновацией называют особый вид блага – товар или услугу, имеющие признак новизны и принятые, усвоенные обществом в качестве блага и, следовательно, регулярно расходуемые в потреблении. Среди ученых находятся и те, кто не разделяет распространенную трактовку инновации. Так, экономист Ю. М. Осипов написал краткое эссе под названием «Инновационный мир растерянной России». В нем автор обозначил несколько проблем, актуальных для российских реалий: наличие у представителей всех социальных слоев ничем не контролируемой потребности в новизне (наиболее распространенный пример – приобретение очередной модели мобильного телефона); отождествление инноваций с техническими новинками, технологиями и даже продуктами питания²⁰⁰. Ю. М. Осипов принципиально не согласился и с тем, что коммерциализация является неотъемлемым (или хотя бы важным)

¹⁹⁷ Teece D. J. Profiting from technological innovation: Implications for integration, collaboration, licensing and public policy. PP. 285-305.

¹⁹⁸ Porter M.E. Strategy & society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility. PP. 78-92.

¹⁹⁹ Greenhalgh T. Diffusion of innovations in service organizations: Systematic review and recommendations. 581-629.

²⁰⁰ Осипов Ю. М. Инновационный мир растерянной России. С. 49.

признаком инновации. Перечисление проблем автор резюмировал следующими вопросами: «Но почему не может быть других инноваций? Или же почему что-то другое не может называться инновациями?»²⁰¹.

Результаты исследования философских трудов прошлого (начиная с раннего Нового времени) на оригинальных языках (английском, немецком, французском) дают основание утверждать, что исторически инновациями называлось действительно нечто принципиально иное. Подробно данные историко-философского исследования изложены в статьях «Инфляция инноваций: значимость историко-философского и лингвистического исследований» (Тамбов, 2016²⁰²) и «Дискурсы философии XX в. об инновации и инновациях» (М. Обл., 2015²⁰³). В философском дискурсе инновация никогда не использовалась в качестве термина. В трудах Ф. Бэкона, Д. Юма, И. Бентама, А. Фергюсона, Д. Дидро, И. Канта и других мыслителей, а позднее, и в трудах мыслителей XX в. (И. Пригожина, Ж. Бодрийяра, Т. Парсонса, Т. Куна и др.) инновацию никогда не отождествляли с товаром или услугой.

В «Опытах, или наставлениях нравственных и политических» (как известно, написанных на латыни) Ф. Бэкон провел аналогию между принятием новых лекарств и общественными преобразованиями. Философ начал с утверждения: «*Certe omnis medicina innovation est: et qui nova remedia accipere nolit nova mala exspectet*» («Конечно, всякая медицина является инновационной, а те, кто не готов принять новые средства, должны ожидать нового зла»). Рассуждения Ф. Бэкона об инновациях встроены в политический контекст. Философ уподоблял реформатора врачу, пытающемуся оздоровить общество и вдохнуть в него новую жизнь. На реформаторе лежит ответственность за правильное применение «лекарства». Как врач не должен применять лекарственный препарат только потому, что

²⁰¹ Осипов Ю. М. Инновационный мир растерянной России. С. 49.

²⁰² Дыдров А. А. Инфляция инноваций: значимость историко-философского и лингвистического исследований. С. 55-58.

²⁰³ Дыдров А. А. Дискурсы философии XX в. об инновации и инновациях. С. 8-14.

этот препарат новый, так и реформатор не должен поддаваться жажде перемен. Ф. А. Коган-Бернштейн писал, что Ф. Бэкон «решительно высказывался за нововведения», но был против «крутых и резких общественных перемен. Исследователь писал, что причина недоверия к резким переменам сводилась к боязни революционного взрыва и связанной с ним социальной нестабильности²⁰⁴.

Мысль о необходимости принятия новых лекарственных средств предваряла идею, завершающую эссе: целесообразно, чтобы политические органы («corporibus politicis») не вводили ничего нового, если это не обусловлено необходимостью или пользой. Нужно быть уверенным, что преобразования повлекут за собой перемены, но не желание перемен повлечет за собой преобразования («non autem studium mutationis reformationem praetexat»²⁰⁵. Ф. Бэкон употреблял слово «инновация» в социально-политическом контексте. Инновация – это общественное преобразование, переустройство социального целого, влияющее на жизнь каждого из членов общества. Философ называл инновацией реформу, влияющую на общественное устройство и обусловленную необходимостью изменения существующих порядков.

В «Истории Англии» Д. Юм употреблял слово «инновация» в контексте религиозных реформ. Описывая события эпохи Реформации, Д. Юм писал, что дух религиозной инновации, захвативший Европу, проник и в Шотландию, вызвав те же, что и в континентальной Европе, страхи, зависть и гонения²⁰⁶. В переводе на русский слово было заменено «новизной» (заглавие эссе Ф. Бэкона тоже было изменено – «О новшествах»). В том же политико-религиозном контексте «инновация» употреблялась Д. Дидро²⁰⁷. Следует оговориться, что в философии Нового времени не было какого-то

²⁰⁴ Коган-Бернштейн, Ф. А. «Новая Атлантида» и «Опыты» Фрэнсиса Бэкона. С. 195.

²⁰⁵ The Works of Francis Bacon, baron of Verulam, Viscount st. Albans and Lord high chancellor of England. In ten volumes, vol. X.

²⁰⁶ Hume, D. The history of England. Vol. 4.

²⁰⁷ Diderot, D. Principes de politique.

«унифицированного» понимания инновации. У того же Д. Юма «инновация» употреблялась и в политико-экономическом контексте. Однако это не означает, что мыслитель называл инновациями товары, услуги или технологии. В правление короля Якова французский монарх ввел некоторые ограничения на торговлю с Англией. Эта *инновация* вызывала недовольство англичан. В отместку власти Англии тоже наложили ограничения на торговлю с французской короной²⁰⁸. Воля французского короля обращена ко всем подданным, а в данном случае и к подданным своего главного стратегического противника. Следовательно, слово «инновация» было заключено в контекст внешней политики и международного права, иными словами, – публичных отношений. Источником инноваций является инициатива публичных органов и властных лиц.

Схожее понимание инновации встречается у Вольтера²⁰⁹, Т. Пейна²¹⁰, И. Бентама²¹¹, Д. Гленвилла²¹², С. Кларка и других мыслителей. В начале XIXв. А. Фергюсон употребил «инновацию» в контексте словотворчества. В «Размышлениях об истории гражданского общества» автор критиковал современных философов, изобретавших новые термины и тем самым намеренно и необоснованно усложнявших свои идеи. Это «изобретательство» новых сущностей А. Фергюсон назвал «языковыми инновациями»²¹³. В отличие от Д. Юма, Ф. Бэкона и др. мыслителей, А. Фергюсон говорил и об инновациях в культуре. В частности, философ писал о конфликте между европейским духовенством и молодежью. Служители церкви порицали молодежную моду и противились любому нововведению в одежде («innovation in dress»)²¹⁴.

²⁰⁸ Hume, D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688..

²⁰⁹ Voltaire. Cicle de Louis XV. Tome Premier.

²¹⁰ Paine T. Common Sense.

²¹¹ Bentham J. A Fragment on Government.

²¹² Glanvill, J. Scepis Scientifica: Or, Confest Ignorance, the way to Science; In an Essay of the Vanity of Dogmatizing, and Confident Opinion.

²¹³ Ferguson, A. An essay on the history of civil society.

²¹⁴ Там же.

В XX в. произошли значительные изменения в употреблении слова «инновация». Об одном из них говорилось ранее: слово было вписано в экономический и инженерно-технический контексты. Другое выражается в том, что инновации стали связываться с деятельностью личности, а не корпорации или социальной группы (служителей церкви, государства, молодежи и т. д.). Это не было общим правилом, однако, представляло собой заметную тенденцию. Субъектом инновации может быть не только государство, парламент или клерикальная верхушка, но и конкретный человек. В «Структуре научных революций» американский мыслитель писал о «коперниканской инновации» (Copernicus' innovation), не сводимой к доказательствам движения Земли вокруг Солнца²¹⁵. Благодаря работе Н. Коперника, по оценке Т. Куна, принципиально изменился смысл понятий «Земля» и «движение». В контексте концепции Т. Куна «инновацией» была названа научная революция. Любая инновация должна иметь определенный массовый эффект. Возможно ли применить этот принцип к научной деятельности Н. Коперника? На основании биографических данных этого утверждать нельзя. В 1543 г. ученый впервые обнародовал результаты своего исследования, но они не вызвали никакого общественного резонанса. Только через несколько десятилетий открытие «было осознано во всем его революционном значении»²¹⁶. Тот факт, что концепция польского астронома не произвела внезапного массового эффекта, противоречит современному толкованию инновации. В то же время нельзя отрицать и то, что идеи Н. Коперника произвели революцию, в перспективе повлиявшую на мировоззрение многих поколений европейцев, а позднее и на народы других регионов. Концептуальные положения ученого сформировали не только новую парадигму астрономии, но и повлияли на религиозные устои, кардинально изменив картину мира человека Нового времени. Таким образом, научная деятельность Н. Коперника стала примером

²¹⁵ Kuhn, T. The Structure of Scientific Revolutions: 50th Anniversary Edition. P. 128.

²¹⁶ Идельсон Н. И. Николай Коперник. С. 5.

«концептуальной инновации» (И. Р. Пригожин). Нельзя забывать о том, что идеи польского ученого далеко не сразу произвели революцию. Несмотря на это, Т. Кун был убежден в том, что взгляды Н. Коперника были поистине революционными. Очевидно, эти научные идеи можно оценить и соответствующим образом маркировать только с «высоты» прожитых столетий. Инновации этого особого рода – инновации в сфере идей – должны пройти длительный процесс усвоения поколениями. Усвоенные, они формируют принципиально новую картину мира и влияют (не всегда явно) на мысли и поступки людей.

В XX столетии появились упоминания о персональных, «именных» инновациях, причем использовались эти выражения и применительно к далекому прошлому («коперниканская инновация», «методологическая инновация Ф. Бэкона» и т. д.). Выражение Т. Куна в этом отношении нельзя считать исключением. Наряду с «персонализацией» наблюдаются и другие тенденции (в том числе прямо противоположная), фундированные господствующими материально-производственными отношениями. На одну из них косвенно указывал Э. Фромм в книге «Здоровое общество»: в эпоху капитализма вещи и даже люди воспринимаются как выражение количественной меновой стоимости. Из этого факта следует, что конкретная, уникальная жизнь человека сводится к той или иной функции. По выражению самого Э. Фромма, «конкретность человеческой жизни предстает в виде абстрактного определения экономической функции»²¹⁷. Поскольку ни капиталисту, ни потребителю неинтересно, *кто* произвел тот или иной продукт, постольку возникают либо «безликие» инновации, либо инновации, связанные с именем владельцев компаний: «Если выразаться точно, то г-н Форд не производил автомобилей, он руководил их производством, в котором принимали участие тысячи рабочих»²¹⁸. Сегодня тенденция на увеличение числа «безликих» инноваций стала еще более явной:

²¹⁷ Фромм Э. Здоровое общество. С. 56-57.

²¹⁸ Там же.

каждодневно появляются десятки изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, сотни образовательных ресурсов (пособий, атласов и пр.), бесчисленное множество пищевых продуктов, маркированных как «инновации». Естественно, в каждой из них опредмечена авторская идея, растиражированная с помощью производственного конвейера. Не удивительно, что в этих условиях имя автора заменяется лейблом компании. Чтобы вписать свое имя (а не только название корпорации) в историю, требуются немалые усилия. В значительной степени эти усилия сводятся к разработке «грамотной презентации» продукта или услуги.

Наконец, еще одной значимой современной тенденцией является увеличение скорости появления инноваций. Не случайно в политике и бизнес-среде появилось выражение «производство инноваций»²¹⁹. Если инновации «производятся», то это значит, что в политике и бизнесе они, вероятно, уже отождествляются с материальным благом, продуктом, серийный выпуск которого требует определенных мощностей и ресурсов. Однако *что* в отношении к инновациям является производственным ресурсом? В качестве основного ресурса любой инновации выступает *идея*. Политика корпораций (в том числе транснациональных) в XX – нач. XXI вв. продемонстрировала, что идеи, подобно полезным ископаемым, можно «добывать». Были найдены соответствующие способы «добычи» идей – прежде всего, «мозговой штурм» и метод синектики.

Исторически эти методы возникли на Западе и с 90-х гг. распространялись в России^{220 221 222}. Не вдаваясь в специфику обозначенных методов, можно сказать, что оба они служили быстрому принятию эффективных решений в условиях рынка. Как правило, специально созданная группа работников того или иного предприятия высказывала любые идеи (даже самые смелые или абсурдные) о способах улучшения положения

²¹⁹ Щукина Т. Производство инноваций.

²²⁰ Diehl M. Productivity Loss In Brainstorming Groups: Toward the Solution of a Riddle. PP. 497-509.

²²¹ Sutton, R.I. Brainstorming groups in context: Effectiveness in a product design firm. PP. 685-718.

²²² Mullen, B. Productivity Loss in Brainstorming Groups: A Meta-Analytic Integration. PP. 3-23.

компании. Современные стартапы являются прямыми наследниками «мозгового штурма». Экспертная комиссия, оценивающая оригинальность любого проекта, предоставляет презентанту не более 10 минут. За это время презентант должен «удивить» экспертную комиссию, состоящую из предпринимателей, бизнес-тренеров и т. д. Экспертная комиссия проводит жесткую отбраковку «несостоятельных» идей. Критериями «состоятельности» проекта является, во-первых, его ориентация на прибыль, а во-вторых, наличие четкой программы реализации. В условия капитализма эти критерии вполне рациональны, однако из-за ориентации исключительно на них часто реализуются только краткосрочные проекты. Поспешные решения принимаются в тех случаях, когда бизнесмены ориентированы на сиюминутные выгоды и не имеют ни малейшего представления о перспективах своего дела. В условиях многообразия сиюминутных инноваций, долгосрочные, *стратегические* проекты сравнительно редки. В их числе есть не только те, что меняют экономические условия жизни, но и те, что направлены на изменение природы человека. Они тем более требуют основательного продумывания и не должны воплощаться поспешно. Крупный риск выражается вовсе не в том, что организаторы проектов потерпят поражение в результате необдуманных действий, а в том, что вследствие поспешности могут возникнуть непоправимые ошибки: на кон поставлена не судьба того или иного товара, а будущее человечества.

Традиция и новация, таким образом, исторически имели юридических статус терминов. Первый был связан с сохранением и воспроизведением обязательства, нормы, а также отношений, регулируемых правовым документом. Второй, напротив, фиксировал определенные изменения существующих правовых обязательств, а также факт замены старого обязательства новым. В Новое время «традиция» и «новация» использовались отнюдь не только в правовом контексте, но и в контексте

иных общественных отношений (культурных, политических, религиозных и т. д.). На сегодняшний день в философских науках традиция преимущественно рассматривается в качестве закреплённой в обществе системы норм, предписывающей субъектам определенное поведение, обеспечивающей повторяемость и устойчивость общественных отношений. Новация, как и традиция, так же четко определена в социально-философском ракурсе и в самом общем виде понимается как качественно новое состояние общественных отношений, новое системное образование в той или иной сфере общественной жизни. В научной литературе распространено мнение, что новация возникает в ответ на какой-либо общественный запрос и удовлетворяет нуждам социальных групп²²³ ²²⁴. Философско-антропологический ракурс позволяет акцентировать внимание на традиции и новации как особых способах существования человека. Традиция на уровне индивидуально-личного бытия человека конституируется хранением и передачей определенных ценностей (знаний, умений, навыков, материальных благ и т. д.). Сохранение и передача определенного блага как ценности требует сознательного усилия человека, пребывающего в тройственном положении: в качестве открытого для препоручения, заботливо хранящего порученное и передающего хранимое. Традиция диалектически содержит в себе возможность новации. Новация возникает из традиции как по причине самобытного развития, самостоятельного изменения препорученного и хранимого, так и в связи со спецификой способа хранения традиции. Приняв традицию в том или ином виде, человек может изменить ее как в процессе хранения, так и в процессе передачи. Существует позиция (М. К. Петров), согласно которой человек в принципе является новатором. Объясняя, интерпретируя полученное знание, человек тем самым порождает новое, запускает процесс «трансмутации» опыта.

²²³ Чавкин Н. А. Нравственные традиции и инновации как предмет этического анализа. С. 195-200.

²²⁴ Гусев П. Г. Геопропространственная динамика: традиции и новации. С. 66-70.

Настоящее время и соответствующие ему реалии нередко определяют как «инновационную эпоху», «инновационную культуру», «время инноваций» – цивилизованное человечество уже не одно десятилетие идет в будущее под знаменем инноваций. В определенном смысле, все эти «маркеры» вполне соответствуют сложившимся капиталистическим материально-производственным отношениям с присущими им конкурентной борьбой, ориентацией на прибыль, эксплуатацией природных ресурсов и рабочей силы. В авангарде научного знания сегодня находятся технические науки, сконцентрированные на создании коммерциализируемых изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. В авангарде бизнеса, в свою очередь, идут те, кто смог удивить публику оригинальностью своих производственных решений. Современная эпоха, таким образом, является принципиально *инновационной*, а не ориентированной на традиции и даже не *новационной*. Ценностью сегодня обладает не идея как таковая, какой бы новой и оригинальной она не была, а фактическая конвертируемость идеи в прибыль. Оценкой прибыльности занимаются экспертные комиссии, принимающие или отбраковывающие плоды чьих-либо размышлений. Собственно, сами идеи сегодня «производятся» с помощью метода «мозгового штурма» и потому, стремительно появившись, так же быстро исчезают. В тезаурусе капитализма инновации сведены до товаров и услуг, а новации не фигурируют вообще.

Цивилизационный крен в сторону инноваций виден уже на уровне слова как «концентра» культуры. Слово «инновация» – одно из наиболее распространенных и во всех отношениях знаковых слов современности. На уровне понятия инновация определяется как новшество или нововведение, продукт производства и производственная технология, приносящие прибыль. Неопределенность в эквиваленте инновации (новшество / нововведение) ранее обсуждалась немногочисленными исследователями. На сегодняшний день поиск решения этой проблемы уже не ведется, а неопределенность так и

не преодолена. Гуманитарные науки (за редким исключением) не предлагают никакой концептуальной основы для «вывода» инноваций из экономического и инженерно-технического дискурсов.

Анализ философских трудов на оригинальных языках (большинство работ относится к Новому времени) показал, что исторически инновация «концентрировала» в себе принципиально иные, в сравнении с сегодняшним положением дел, смыслы. Инновациями были масштабные события, влияющие на устои общества, принципиально меняющие жизненный уклад человека. В трудах Ф. Бэкона, Д. Юма, И. Бентама, С. Кларка и др. мыслителей инновации отождествляли исключительно с крупными политическими и религиозными реформами. В философском дискурсе XXв. возникают упоминания о «персональных» инновациях, в каждую из которых вложены уникальные способности человека: научных («коперниканская инновация»), образовательных («инновация Сандерсона») и др. Одновременно с персонализацией инноваций в философии и гуманитарных науках в условиях капиталистического производства наблюдается противоположная тенденция. За инновациями стоят не люди как авторы идей, а лейблы компаний, распоряжающихся производственными активами и присваивающих себе права личности на распоряжение результатом деятельности. Постепенно инновация была отождествлена с продуктом производства, обладающим новизной и быстро привлекающим внимание публики. Кроме того, инновацией называют обслуживающую производство технологию.

В сложившихся условиях гуманитарные науки формируют стратегии сдерживания возможных негативных последствий инновационной гонки. На практике эта стратегия преимущественно воплощается в этических экспертизах. В недавнем прошлом российские ученые сформулировали идею гуманитарной экспертизы. Обозначенные мероприятия и идеи чрезвычайно важны в эпоху «производства» инноваций, так как призваны всесторонне

оценивать риски экономических, технических и иных нововведений. Помимо экспертизы, осуществляемой в форме периодических мероприятий, важна и иная стратегия, которая заложила бы основы новационной и инновационной культуры. Эта стратегия должна быть ориентирована на ценностно-смысловой уровень существования человека (в этом она едина с гуманитарной и этической экспертизами) и при этом эффективно и прочно интегрироваться в мир человека, не ограничиваясь «точечными» мероприятиями. Разработка этой стратегии должна быть, прежде всего, делом гуманитарных областей знания.

2.2. Новации и инновации в предметно-вещественном и ценностно-смысловом измерениях человеческого существования

Анализируя положение человека в индустриальном обществе, Г. Маркузе пришел к выводу, что человек создал ужасающую реальность, заложником которой он сам в известной мере и стал. Эта реальность с «призраками» концентрационных лагерей, гонкой вооружений, угрозой ядерного конфликта, заводами и фабриками, атмосферой секретности, маниакальным недоверием к миру. Воображение человека, его интеллектуальные и творческие усилия служат научно-техническому прогрессу. В этой реальности, как отмечал Г. Маркузе, противоположности слились воедино, образовав своеобразные «гибриды» – синтез техногенного и эстетического, «роскошные убежища от радиоактивных осадков» (пример самого автора).

Уничжительная критика в адрес цивилизованного человечества в известной мере обоснована тем, что человек вогнал себя в прокрустово ложе цивилизации с ее конкретными запросами и направлениями развития (выражаясь на современный манер, «трендами»). Культура, в этой связи, частично превратилась в служанку цивилизации и обеспечивает идеологический «фундамент» цивилизационной политике.

Подобные «алармистские» настроения характерны отнюдь не только для Г. Маркузе – философия XX в. вообще чутко отреагировала на кризисы существования человека. С 40-х гг. XX в., то есть после Второй Мировой войны в философии возникли следующие симптоматичные описания человека: «человек с непродуктивной ориентацией» (Э. Фромм), «дифракция человека» (Р. Барт), «бездумность» (М. Хайдеггер) и многие другие. Эти «маркеры» различны, однако их сходство в том, что ими выражается трагедия человека, связанная с тяжелой и трудно восполнимой утратой чего-то принципиально важного. Вопрос о том, чего же человек лишился, тоже не

нашел единого, универсального ответа: например, Г. Маркузе считал, что человек утратил «романтическое пространство воображения», лишился «поэтического воображения»; Э. Фромм полагал, что человеку не знакомо «искусство быть» в противовес «искусству иметь»; М. Хайдеггер утверждал, что человек поставил себя на службу технике и меряется отныне специфической технической «меркой». Как бы ни звучали ответы на обозначенный вопрос, все они говорят о кризисе духовности. Этот кризис, в свою очередь, имеет множество «лиц». Он выражается и в забвении традиции, и в механическом повторении социальных шаблонов, и в потребительской ориентации, в потребностях человека и т. д.

Кризисная ситуация была осознана в философии именно как кризисная во многом потому, что человек в принципе не есть одномерное существо. Он многомерен и существует в различных измерениях. Его реальность состоит не только из вещей, но и из смыслов. Существование человека как человека невозможно вне предметно-вещественного и ценностно-смыслового измерений. Однако, сами эти измерения нередко вступают в конфликт. Одно из них может «подавить» другое.

Многие события XX в. (мировые войны, экономические кризисы, акции насилия над природой и человеком и т. д.) показали, что в духовном измерении человека могут быть глубокие «трещины». Вследствие этого духовность человека стремительно деградирует, и человек фактически уподобляется озлобленному хищнику, действующему в соответствии с инстинктами – наследием эволюции. Более того, войны и иные акции насилия являются, конечно, крайними проявлениями кризиса духовности. Кризис духовности проявляется отнюдь не только в животной агрессии. Индикатором кризиса выступает и ориентация человека на «иметь», а не на «быть». Издержки потребительства, так или иначе, выражаются в том, что человек начинает идентифицировать себя *через* вещь, а вещь, в свою очередь, становится «лицом» ее обладателя. В связи с этим вопрос о том, живет ли

фактически современный человек в различных измерениях, существенно обостряется. Кроме того, положительный ответ на поставленный вопрос еще не дает повода для спокойствия: важно понимать также, что представляет собой ценностно-смысловое измерение существования человека, какие значимые изменения произошли в ценностях и смыслах, и куда эти изменения могут человека привести.

На значимую «деформацию» ценностно-смыслового измерения человека обратил внимание еще М. Хайдеггер. Обвиняя человека в «бездумности», философ акцентировал внимание на специфической особенности мышления: современный человек не перестал мыслить (в пользу этого утверждения можно привести множество примеров изобретательности ума) – он мыслит совершенно особым образом, рассчитывает и планирует, включая окружающие условия в собственные расчеты. Иной вид мышления, *осмысляющее раздумье*, напротив, едва ли не предан забвению или, во всяком случае, находится под угрозой. Вследствие обозначенного сдвига в мышлении возникла специфическая ситуация: появилось бесчисленное множество разнообразных технических новшеств на все случаи жизни. Более того, число этих новшеств стремительно растет. Если, по выражению, Ф. Фукуямы, технологическим символом современности можно назвать биологическую лабораторию²²⁵, то экономическим и трудовым символом сложившегося порядка является «стартап». Его результатом должен быть продаваемый, коммерчески выгодный потребительский *продукт*.

Резюмируя, можно сказать, что предметно-вещественное измерение существования человека *стянуто* на продукт, понимаемый экономически (точнее, в контексте бизнес-деятельности), то есть как товар или услуга, предлагаемые на рынке. Через эту экономическую призму сегодня смотрят на человека и через эту призму его оценивают. От человека требуют, чтобы его знания, умения и навыки *«работали»* на коммерческий успех.

²²⁵ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. С. 9.

Коммуникабельность и креативность объявлены «транспрофессиональными» качествами, так как они позволяют человеку выступать в качестве агента влияния в самых различных сферах деятельности. В известной степени эти «транспрофессиональные» качества соответствуют запросам капитализма. Формируется специфический образ человека будущего. В формировании этого образа принимают участие реклама и маркетинг, бизнес и предпринимательство, политика, массовая и культура. Человек будущего – это транспрофессионал, обладающий так называемыми «метакомпетенциями»: способностями синтезировать знания из различных областей, коммуницировать с представителями различных профессий, работать в команде, реализовать креативные качества, непрерывно обучаться²²⁶. Сам по себе этот перечень качеств не хорош и не плох – все зависит от того, ради чего эти качества нужно развивать и чему они будут служить. В связи с популярностью медийных и книжных образов успешного человека, можно предположить, что «транспрофессиональные» качества в известной мере служат и будут служить капитализму, то есть вполне определенному спектру рыночных отношений. Человек будущего должен быть генератором коммерчески выгодных идей, активным участником «мозговых штурмов», автором многочисленных стартапов и создателем продуктов на рынок. Очевидно, что все это требуется от человека уже сегодня, причем отнюдь не только в бизнесе, но и в образовании и других сферах.

Подобно тому, как предметно-вещественное измерение существования человека оказалось стянутым на продукт, ценностно-смысловое измерение стянуто на конкретную результативность. В приоритете не вопросы о сущности (*что я делаю?*) и ценности (*ради чего я делаю?*), а вопрос о результативности – *зачем я это делаю*. Это «зачем» определяется целью, вписанной в контекст капиталистических отношений: необходимо все то, что

²²⁶ Трапезникова А. В. Транспрофессионализм как компетенция: содержание понятия. С. 147.

будет продаваться и потребляться (или, как минимум, принесет т. н. символический капитал – известность или выгодные знакомства); не нужно все то, что не приведет к коммерческому успеху.

Деформация ценностно-смыслового измерения существования человека предопределяет особое отношение к будущему – как к пространству реализации планов и проектов. Иными словами, будущее планируют и рассчитывают. Современный человек не только рассчитывает на изменение экономических, социальных, политических условий или культурной ситуации (на это рассчитывали еще социалисты-утописты), но и на изменение своей природы. Он хочет контролировать эволюцию и управлять каждой клеткой своего организма, каждым нейроном головного мозга. Деформация ценностно-смыслового измерения существования человека существенно повлияла на средства и способы преобразования природы человека. Дискурсы трансгуманизма преимущественно акцентируют внимание на теле; тело находится в фокусе революционных идей трансгуманизма. Человек фактически редуцирован до физического и физиологического, а сознание сведено к некоторому объему информации. В этом отношении трансгуманизм вполне соответствует современным научным тенденциям (прежде всего, ориентацией на прикладные исследования и конкретные результаты). Сегодня наука занимается сканированием мозга, секвенированием ДНК, внедряется в клетки, создает человекомашинные системы.

Трансгуманизм и иммортология пытаются обосновать идеи преобразования тела и даже отказа от тела. Тело стареет и разрушается, подвергается болезням, страдает от патологий. Отказ от него будто бы равнозначен началу «подлинной» жизни. Стоит признать, что эта позиция имеет свои основания и является весьма привлекательной для многих людей. На первый взгляд, трансгуманисты и иммортологи выводят ценностно-смысловое измерение на первый план. Если упростить ответ на вопрос, *ради*

чего необходимы все эти решительные преобразования человека, то в сухом остатке окажется «ради долгой (в перспективе – вечной) жизни». Долголетие, «практическое», «реальное» бессмертие, находилось в фокусе внимания родоначальников трансгуманизма (Н. Бостром, Д. Пирс, М. Мор, Н. Вита-Мор) и находится в этом фокусе у современных последователей.

Человек создал своеобразный автопортрет – он изобразил себя разложенным на мельчайшие элементы, представил самого себя скорее в качестве механизма, нежели организма. Он не является *целостным*, но уже изначально, как бы *arīogī* состоит из элементов. Часть этих элементов – наследие эволюции, слепой природной силы, препятствующей вечной жизни как главной ценности. Перспективная и амбициозная задача человека состоит в демонтаже старой конструкции (отделении одних элементов тела от других) и новой сборке (синтезе «сознания» и небиологического носителя или виртуальной реальности).

В свете популяризации идей трансгуманизма и иммортологии вопрос о ценностях носит отнюдь не отвлеченный, а конкретно-практический характер. Трансгуманисты дают определенный рецепт (степень его детализации прямо пропорциональна мере научных достижений) перехода человека к иной форме жизни. Этот рецепт они объявляют единственно верным, оберегающим человечество от новых «темных веков», тотальной деградации и стремительного угасания.

Инновационная эпоха вплотную подступила к человеку и бросила ему вызов: либо полное слияние с техникой, либо гибель. Технические инновации создаются уже не только для того, чтобы изменить качество жизни человека (например, помочь ему в выполнении трудовых операций), но и для того, чтобы радикально изменить самого человека. В связи с этим вопрос об «одномерности» человека стоит все также остро, как и ранее, в индустриальную эпоху. Разница в том, что его одномерность задана сегодня не только и даже не столько индустриальными корпорациями, сколько

научной рациональностью, взявшей курс на полное разложение тела. Сознание уже не предстает в качестве особого загадочного феномена, – прогрессивное человечество легко «справилось» с этой загадкой. В книге «Апгрейд в сверхлюди» российский трансгуманист А. В. Мищенко пишет: «Можем ли мы разгадать природу сознания, можем ли самостоятельно моделировать и создавать его? Многие психологи и философы считают, что да. Я тоже пытаюсь создавать ... саморазвивающуюся, осознающую себя программу...»²²⁷. В этой фразе сказано и слишком малое, и слишком многое одновременно. Выраженная идея (как и последующие рассуждения автора) не раскрывает, что же понимается под «самоосознанием» программы. Вместе с тем человек и программа помещены автором в один ряд. На сегодняшний день эта мысль отнюдь не одиозна – напротив, она становится обычной для научных дискурсов. Но, по-видимому, эта «обычность» как раз и является симптомом глубокого кризиса, возникающего в пространстве отношения человека и новых технологий. По выражению С. А. Храпова, возникла «технологизация индивидуального сознания». Скорость обновления информации, вычислительные «способности» машины оказываются оправданием для пассивности человека, делегировавшего компьютеру свои полномочия²²⁸.

Сдвиг в сторону научной рациональности, произошедший в Европе Нового времени, существенно повлиял на мировоззрение последующих поколений. Постепенно укреплялась мысль, что человек – это машина, механизм, состоящий из определенного числа функциональных элементов. Окружающий, объективный мир тоже состоит из «частей». Наука озаботилась исследованием каждого элемента, который только, по мере ускорения научно-технического прогресса, удавалось выделить. Трансгуманизм и иммортология являются прямыми наследниками научной

²²⁷ Мищенко А. В. Апгрейд в сверхлюди. Технологическая гиперэволюция человека в XXI веке. С. 147.

²²⁸ Храпов С. А. Проблемы идентификации человека в социокультурном контексте современной цивилизации. С. 136.

рациональности. Они основываются на данных анатомии, физиологии, медицины и других областей научного знания и совершают решительный шаг, провозглашая необходимость преодоления телесной ограниченности, разрыва «сознания» (специфически понимаемого) и тела. В сущности, идеологи трансформации человека хотят для сознания (= информации) некоторой «автономии».

Сдвиг в сторону предметно-вещественного измерения существования человека существенно изменил мировоззрение человека, его взгляд на самого себя и на мир. Выражаясь словами Б. Г. Юдина, в приоритете оказались «ценности изменения»²²⁹. Главное – планетарное – изменение заключается в создании искусственного мира, «второй природы», и расширении ее границ. Исторически такое изменение началось еще с изобретения первобытными людьми орудий труда, однако, со временем приобрело не контролируемый человеком размах. По выражению М. Хайдеггера, современная техника представляет собой нечто совершенно иное, в сравнении с техникой прошлого²³⁰. Она иная, потому что уже не надстраивается *над* природой и не существует *в* природе – природа фактически «*вставлена*» в технику. Под искусственным можно понимать не только артефакты, инструментально-аппаратные средства, но, в самом широком смысле, все освоенное, упорядоченное, «окультуренное» в противовес дикому, хаотичному, неосвоенному, а также, вторичное, существующее не по своим собственным законам бытия, материал для деятельности человека²³¹. Искусственное – это не только нечто, сделанное человеком, но и прошедшее обработку рациональностью, замышленное, спроектированное. Ценности изменения – это ценности *искусственного, деятельностного, упорядоченного, спроектированного, подчиненного воле* человека и являющегося *продуктом рациональности*. Искусственное не является некоей гомогенной «массой»,

²²⁹ Юдин Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям. С. 130.

²³⁰ Хайдеггер М. Вопрос о технике.

²³¹ Юдин Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям. С. 130.

оно включает в себя не только техническое. Философская теория и концепция, научный термин, неологизм, художественный прием тоже относятся к миру искусственного. Они кристаллизуют определенные смыслы. Однако, с развитием капиталистических отношений с присущей им конвертацией экономических благ в прибыль в авангарде искусственного оказались не смыслы, а вещи и детали. Логика капитализма дошла до того, что вещи стали формировать потребности. Вещи наполняют мир с поистине гигантской скоростью. Человек даже не осознает того, что имеет, оказывается, тысячи «желаний», каждое из которых можно удовлетворить той или иной вещью. По выражению Ж. Бодрийера, в современном мире происходит «мутация реального в гиперреальное», репрезентативная сфера смысла теряет свое влияние и уступает место «запрограммированному» знаку²³². Вся реклама товаров и услуг ориентирована, в сущности, на то, чтобы заставить человека *пользоваться* продуктом немедленно. Любые размышления о пользе и вреде этого продукта, о том, необходим ли он вообще, в известной мере препятствуют потребительским практикам и потому нежелательны.

В соответствии с доминированием предметно-вещественного измерения человек переосмыслил и свою способность к созидательной деятельности. В приоритете сегодня находится креативность, полностью подчиненная капиталистическим отношениям. Для креативности даже изобретен научный термин – она представляет собой не что иное, как «метакомпетенцию», то есть способность, применимую в самых различных областях деятельности. Креативность ориентирована на привлечение внимания публики, потенциальных потребителей, целевую аудиторию. Результатом креативной деятельности являются инновационные *продукты*. Это потребительские товары и услуги, обладающие какой-либо новой деталью, новым элементом состава.

²³² Бодрийер Ж. Симулякры и симуляция. С. 56.

Благодаря доминированию предметно-вещественного измерения в авангарде оказались *измеримые* инновации. Именно поэтому о них и возможно говорить, используя мерки «макро» или «микро» (что и делают многие экономисты, социологи, бизнесмены и др.). Сегодня вопрос о том, можно ли говорить об инновациях в других терминах и даже в другом измерении, выглядит отвлеченным и даже абсурдным. Несмотря на это, следует понимать, что результатом деятельности человека являются не только вещи. Человек создает не только нечто измеримое. Его мир не состоит исключительно из вещей, но наполняется ценностями и смыслами. Эти смыслы и ценности определенным образом «размечают», упорядочивают мир и делают человека его органичной частью. Метафорически их можно представить в древнем образе света, проникающего в темное пространство «пещеры»²³³. Никакая подлинная традиция не хранится только посредством передачи вещей из поколения в поколение. Традиция конституируется передачей смыслов и ценностей. Если эти ценности и смыслы перестают разделяться людьми, перестают быть понятными и приемлемыми, традиция выхолащивается и уничтожается. То же касается и новации. Придуманное художником слова неологизм имеет не только форму, морфему и фонему, но и семему (П. А. Флоренский²³⁴), «душу», содержащую новый смысл, по-новому организующий мир, заново его размечающий. Если этот смысл «абсорбируется» культурой, становится частью внутреннего мира человека, и человек смотрит на мир уже *другими глазами*, то новация тем самым превращается в инновацию. Об инновациях ценностях и смыслах сложно говорить, поскольку они принципиально не измеримы, для них не годятся привычные для нашей повседневности мерки «макро» или «микро». Эти инновации не укладываются в производственные схемы – концепцию или неологизм не *производят*, но *создают, творят*. Подобно вещи, привносящей новизну в организацию пространства,

²³³ Платон. Государство. С. 349.

²³⁴ Флоренский П. А. У водоразделов мысли. С. 236-237.

«интерьера» (М. К. Петров²³⁵), концепция, теория, художественный прием, новое слово и т. д. привносят в мир новые смыслы, по-новому организуя мировоззрение человека, побуждая его по-новому смотреть на мир и заново искать свое место в нем. То обстоятельство, что человечество не называет новые ценности и смыслы инновациями, является своего рода «симптомом» современной цивилизации, служащей материально-техническому прогрессу. Последний, в свою очередь, может окончательно выйти из-под контроля человека и привести к Сингулярности – эпохе полной автономии машин. Цивилизация «обставляет» жизненное пространство человека вещами, стремительно сменяющими друг друга. Скорость их возникновения такова, что человек не успевает задуматься об их назначении, осмыслить свои подлинные (а не сконструированные) потребности.

Человек не может существовать в мире без ценностей и смыслов по своей природе, будучи *открытым* и *трансцендирующим* существом. Одним из первых на это обстоятельство обратил внимание М. Шелер, сопоставляя положение человека и животного: животное «постигает» только то, что заключено в «надежных границах» окружающего мира. Человек же в «безграничной мере» открыт миру²³⁶. Животное всегда «вживается» в мир. Человек, в свою очередь, постигает мир предметно и, в определенном смысле, дистанцируется от мира²³⁷. Он заполняет «пустые формы» пространства и времени собственными смыслами. И пространство, и время становятся открытыми для «органической возможности движения и действия»²³⁸. В отличие от животного, человек не «вживается» полностью в конкретную действительность. То же подчеркивал (правда, в техническом аспекте) Х. Ортега-и-Гассет, когда в «Размышлениях о технике» написал, что «техника противоположна приспособлению субъекта к среде, представляя

²³⁵ Петров М.К. Язык, знак, культура. С. 100.

²³⁶ Шелер М. Положение человека в космосе.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же.

²³⁸ Там же.

собой, наоборот, приспособление среды к субъекту»²³⁹. Открытость миру позволяет человеку не только нечто претерпевать, но и вторгаться в мир, меняя его в соответствии со своими желаниями и замыслами. По выражению Х. Плеснера, жизнь человека, в отличие от животного, принципиально не «центрична». Это означает, что человек находится, прежде всего, не в моменте («здесь и теперь»), но «за» моментом, то есть фактически вне определенного места. Он, следовательно, всегда пребывает в поиске этого места. Не имея равновесия, человек пытается достичь его в актах веры, творчества и т. д. Он стремится выйти к чему-то за пределами действительности, повседневности. Эксцентричность человека, в частности, выражается в его стремлении к *возможному*. Реализуя свой персональный проект, человек, по выражению Ж.-П. Сартра, «убегает» к возможностям²⁴⁰. В самом общем виде это «бегство» может быть обусловлено нехваткой какой-то «определенной», «конкретной» реальности, способствующей преобразованию и завершению (у В. А. Кутырева – «исцелению», обретению целостности²⁴¹) человека. Завершенность человека, по-видимому, и является идеалом, стягивающим на себя персональный проект как последовательность выборов. Проектируя себя, человек всегда «преследуем» ценностями. Во-вторых, отношение к возможному принципиально неоднородно. К возможности нередко подходят с позиций аналитиков. В этом случае возможное определяется *из* реалий. Зачастую при таком отношении прибегают к экстраполяции и пытаются «встроить» еще не существующую «деталь» в работающий механизм. Такое «аналитическое» отношение к возможному характерно для прогнозирования. Прогнозируемое возможное оценивается на основании существующего, фактического положения вещей.

На основании реалий возможное нередко оценивается и как неуместное, излишнее. Научный подход исключает такого рода оценку, так

²³⁹ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике.

²⁴⁰ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. С. 117.

²⁴¹ Кутырев В. А. Бытие или ничто. С. 474.

как руководствуется принципом объективности. Для обыденного сознания, напротив, обозначенная оценка совершенно нормальна. Руководствуясь *status quo*, человек не допускает и мысли о качественных изменениях существующих условий. Как уже говорилось, это обстоятельство было замечено исследовательской группой И. В. Бестужева-Лады и описано в статье «Эффект футурофобии в обыденном и бюрократическом сознании»²⁴².

Существует и принципиально иное отношение к возможному. Это отношение не предполагает ни анализа реалий с экстраполяцией наличных условий в будущее, ни оценки возможного как неуместного и лишнего. Возможное может быть предварено, фундировано ценностью. Для «аналитического» подхода характерна оценка *возможного из реалий*. В свою очередь, это, еще не определенное, отношение конституируется оценкой *реалий из возможного*. В «Бытии и ничто» Ж.-П. Сартр оперирует категорией идеала²⁴³. Философ пользуется этой категорией для обозначения законченного, завершеного состояния субъекта («совпадения с самим собой»). Относительно идеала человек констатирует нехватку и ищет средства собственного «исцеления». Столь же очевидно, что сквозь призму идеала человек смотрит на действительность как на нечто незавершенное и неполноценное, требующее вмешательства и исправления. Действительность оценивается как противоречивая и расколота (у К. Маркса – «саморазорванная» и «самопротиворечивая»²⁴⁴), не имеющая неких принципиально важных «частей». Хотя такое отношение к возможному и не лишено аналитической компоненты, оно, в конечном счете, конституируется вовсе не анализом. Ориентируясь на идеал, человек определенным образом «меряет» действительность.

В гуманитарных науках распространяется убеждение, что смыслы не «успевают» за вещами. В 1988 г. П. Вирильо писал, что в современной

²⁴² Бестужев-Лада И. В. Эффект футурофобии в обыденном и бюрократическом сознании. С. 72-81.

²⁴³ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. С. 197.

²⁴⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. С. 386.

культуре окончательно вытеснена «ценность места». Вещи заполняют мир с высокой скоростью, не находя себе места. Индустрия, следовательно, производит «неуместные» вещи²⁴⁵. В книге «Шок будущего» Э. Тоффлер выразился менее категорично: «Отношения человека с вещами приобретают все более временный характер»²⁴⁶. Однако из этого он сделал вывод, что современная индустрия культивирует «одноразовые» вещи²⁴⁷. Среди этих «одноразовых» и «безместных» вещей многие некогда получили статус «инновационных продуктов». Наука, сохраняя за собой право на определение смысла происходящих социокультурных метаморфоз (прежде всего, речь идет об увеличении скорости выпуска товаров с ярлыками «инновационный продукт»), отреагировала введением в оборот нескольких еще до конца не проясненных терминов – «микроинновация», «псевдоинновация», и даже «антиинновация». Некоторые исследователи определяют микроинновацию как новшество в пределах конкретного предприятия^{248 249}. Такие инновации являются улучшением определенных параметров применяемой технологии и «не приносят значительного эффекта»²⁵⁰. Псевдоинновацию интерпретируют как нововведение, продлевающее «агонию» устаревших социальных институтов и технологий. Иными словами, они поддерживают жизнь в том, что должно уйти с исторической сцены²⁵¹. Антиинновация, в свою очередь, трактуется как «реакционное» нововведение, направленное на реставрацию старых порядков²⁵². Отсутствие четкого понимания всех обозначенных терминологических новинок не отменяет того факта, что все эти термины в известной мере симптоматичны. Столь же симптоматичны и термины

²⁴⁵ Вирильо П. Машина зрения. С. 61.

²⁴⁶ Тоффлер Э. Шок будущего. С. 60.

²⁴⁷ Там же. С. 60

²⁴⁸ Гундырина Т. О. Институциональные факторы экономического роста. С. 77.

²⁴⁹ Скульмовская Л. Г. Концептуально-методологические подходы к изучению инноваций в гостиничном сервисе // Современные исследования социальных проблем.

²⁵⁰ Дробышевская Л. Н. Система взаимосвязи инноваций и инвестиций в процессе экономического роста. С. 105

²⁵¹ Изюмова О. Н. Экономическая сущность и природа инновационного потенциала и инвестиционной привлекательности региона.

²⁵² Там же.

«мегаинновация»²⁵³ и «эпохальная инновация»²⁵⁴, популярные, как и предыдущие, в среде экономистов. В современной философии эти термины не подвергаются критике и не рассматриваются вообще. Все они уводят от вопроса, *что есть инновация*. Инновация выглядит как нечто самопонятное, очевидное. Разговор о ней как будто является излишним делом и потому лучше сразу классифицировать инновации, смешивая при этом критерии классификации и изобретая новые «сущности» без особой необходимости. Фактически любая классификация инноваций не имеет четко определенного критерия. В научных трудах по экономике отражено множество классификаций²⁵⁵ ²⁵⁶. Приведенные классификации являются лишь немногочисленными примерами представленного в научных изысканиях. Возникает убеждение, что ученые, стремительно изобретающие новые термины и классификации, сами участвуют в инновационной «гонке». Все обозначенные терминологические новинки (от «антиинновации» до «эпохальной инновации») вписаны в экономический контекст. Иными словами, под «эпохальной» инновацией, например, понимают технологическую революцию, качественно меняющую *способ производства* в международных масштабах. К таким «эпохальным инновациям» без сомнений относят паровую машину, станки, конвейер и т. д. С этими изобретениями человечество (его «цивилизованная» часть) вошло в индустриальную эпоху. Технические инновации обладают большим эффектом, чем просто эффект, связанный с нуждами промышленного производства, они неизменно влекут за собой социальные новации.

В свете многообразия терминологических нововведений и классификаций основной вопрос – вопрос «что есть инновация?» – приобретает особую остроту. Без четкого ответа на этот вопрос у того, что

²⁵³ Мамедов О. Ю. Что обнаружил научный анализ «Экономики знания»? С. 97-105.

²⁵⁴ Бойко И. В. Технологическая адаптация к экологическим вызовам и смена исторических эпох. С. 44-49.

²⁵⁵ Скульмовская Л. Г. Концептуально-методологические подходы к изучению инноваций в гостиничном сервисе.

²⁵⁶ Там же.

называют «*инновационной культурой*», нет основы. На это могут возразить, что основа де-факто есть. Она цементируется экономической парадигмой (в особенности, парадигмой Й. Шумпетера). Следовательно, инновации – это продукты производства и производственные технологии. К этим продуктам и технологиям люди подходят со своими мерами и маркируют одни как «микро», другие как «макро», третьи – как «мега», четвертые – как «псевдо» и т. д. Но вместе с тем, ясность в определении инновации только кажущаяся. Что же в таком случае имеют в виду под «*инновационной культурой*», о которой написаны сотни научных работ, которую пытаются сформировать руководители государств, о которой говорят в СМИ? Неужели речь идет только о культурном «слое», состоящем из продуктов производства? Если это так, то инновационную культуру и не нужно формировать. Первый шаг, который необходимо сделать ради формирования инновационной культуры, заключается в *переосмыслении* инновации. Этот процесс – процесс переосмысления – уже происходит преимущественно стараниями философов и ученых-гуманитариев²⁵⁷. В частности, А. О. Левкина акцентировала внимание на том, что для устойчивого развития общества необходимо, чтобы инновации обладали как минимум тремя качествами – рациональностью, гуманистичностью и значимостью. Первое предполагает, что инновации должны быть рассчитаны на длительную перспективу и решать проблемы системно (а не только бороться с отдельными «симптомами»). Второе, в свою очередь, предполагает, что инновация должна соответствовать гуманистическим ценностям – ценностям жизни, свободы, творческого развития человека и т. д. Наконец, третье качество заключается в том, что инновация должна быть эффективным средством решения наиболее трудных и важнейших проблем как конкретного человека, так и общества в целом²⁵⁸. Применительно к инновациям, понимаемым как потребительские товары и

²⁵⁷ Левкина А. О. Онто-гносеологические аспекты формирования концепции устойчивого инновационного развития общества. С. 24-25.

²⁵⁸ Там же. С. 24-25.

услуги, можно поставить вопросы – обладают ли они этими качествами? Решают ли они какие-либо перспективные задачи? Решают ли эти задачи системно, комплексно? Соответствуют ли гуманистическим ценностям? Значимы ли они?

В философии постепенно формируется определенное представление о содержании инновационной культуры. Инновационная культура конституируется восприимчивостью личности, группы и обществом различных новшеств. «Диапазон» (по выражению Б. К. Лисина) восприимчивости включает в себя как толерантное отношение к новшествам, так и готовность создавать новшества²⁵⁹. Инновационная культура выражается в готовности к обновлению материального и духовного мира человека²⁶⁰. Она должна определяться, исходя из того, как понимается культура вообще. Кроме того, важно осознавать, какие ценности сегодня преобладают в культуре. Есть некоторые основания для утверждения, что для современной культуры в известной степени характерны вещно-предметная ориентация, продуктоориентированность и прагматизм. Не случайно, например, В. С. Степин говорил о смене господствующего типа научной рациональности и становлении постнеклассической науки. Описанные В. С. Степиным сдвиги (в частности, ориентация на прикладные исследования, на практический результат) во многом симптоматичны: «Наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности (объект в исходном состоянии) в соответствующие продукты (объект в конечном состоянии)»²⁶¹. В главном все сказанное применимо к культуре вообще, так как она пропитана прагматизмом и устанавливает примат деятельности (проектирования, планирования и т. д.) над осмыслением. В виду доминирующих

²⁵⁹ Лисин Б. К. Инновационная культура. С. 49-53.

²⁶⁰ Там же. С. 49.

²⁶¹ Степин В. С. Теоретическое знание. С. 39.

прагматических ценностей современной культуры инновации тоже понимаются в духе прагматизма.

Инновационная культура, если только она не ограничивается миром вещей (как уже говорилось, так понимаемую инновационную культуру не нужно формировать – она существует), должна базироваться на ином понимании инновации, не сводимом к продукту, создаваемому для коммерческой реализации. Это понимание не должно *исходить из* какой-то конкретной парадигмы, но должно быть *«метaparадигмальным»*. Инновационная культура – это целостное, интегральное образование, включающее в себя не только вещественный «слой», но также ценности и идеи – «лицо» культуры²⁶². Они (идеи и ценности) скрепляют общество, задают вектор развития и обеспечивают смысл существования человека. Инновационная культура должна формироваться в органичном единстве предметно-вещественного и ценностно-смыслового уровней. Причем этот ценностно-смысловой уровень – это отнюдь не только уровень критики инноваций, но и пространство для инноваций в сфере духа. Инновационная культура невозможна без ориентации человека на нововведение. Эта ориентация во многом определяется знаниями, умениями и навыками, образцами и нормами поведения²⁶³. Без персональной ориентации на нововведения (как готовности оценивать новшества, так и готовности их создавать) инновационная культура превратилась бы в систему норм и правил, сформулированных государством и беспелляционно обязательных для исполнения. В сущности, инновационная культура базируется на двух «китах» – способности личности *критически осмыслить* и рационально отнестись к новшеству, а также способности *создавать* новое. Если какая-то из несущих конструкций отсутствует, инновационная культура никогда не сформируется как живой, полноценный культурный организм.

²⁶² Сагатовский В. Н. Базовые ценности русской культуры. С. 36

²⁶³ Лисин Б. К. Инновационная культура. С. 49.

Между тем, некоторые факты явно или скрыто препятствуют формированию инновационной культуры. На один из них в середине прошлого столетия косвенно указывал еще М. Хайдеггер. В «Отрешенности» философ сформулировал один лаконичный «диагноз»: «... сегодня познание всего и вся доступно так быстро и дешево, что в следующее мгновение полученное так же поспешно и забывается»²⁶⁴. Доступность и «дешевизна» информации (прежде всего, информации) приводит к ее интенсивному потреблению. «Дешевая» информация представляет собой «контент», имеющий определенные объемы. Информация уподобляется продукту, который можно использовать и с легкостью отбросить. В педагогике проблема «дешевизны» и доступности информации обсуждается уже не одно десятилетие. Вживаясь в роль потребителя, ребенок (а позднее и студент) разучивается (или не научается изначально), во-первых, грамотно оперировать информацией, извлекая для себя что-то действительно ценное, а во-вторых, не может и не хочет ничего создавать самостоятельно. Не случайно в книге разработчика виртуальной реальности Д. Ланира «Вы не гаджет» представлен перечень рекомендаций, способствующих, по мнению исследователя, личностному росту человека. Фактически в каждой рекомендации Д. Ланир призывает человека к самостоятельности и приложению значительных усилий к созданию того или иного интеллектуального продукта. Он советует потратить недели на размышления, прежде чем садиться за компьютер и писать сообщение в «блоге», приложить значительные усилия для создания любого, даже самого короткого видеоролика, описывать свое внутреннее состояние в социальных сетях, а не пересказывать какие-то события²⁶⁵. Эти рекомендации появились не случайно. Специалист в сфере Интернет-коммуникации прекрасно знает о существующей тенденции – пользоваться, но не производить.

²⁶⁴ Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. С. 103.

²⁶⁵ Ланир Д. Вы не гаджет. Манифест. С. 40.

Педагогика, в отличие от других наук, обладает значительным ресурсом для решения обозначенной проблемы. По-видимому, закладка фундамента инновационной культуры невозможна без привлечения педагогического ресурса, без поиска способов и средств формирования творческой активности человека (прежде всего, ребенка). Некоторые факты говорят о том, что потребительский образ жизни даже поощряется. Так, например, в сознание современного человека уже «въелась» расхожая формула: «знать информацию не так важно, как уметь ее вовремя найти». Часто (в особенности это четко выявлено педагогами) информация репродуцируется, буквально воспроизводится для другого, не сопровождаемая даже комментариями. Фактически эта распространенная практика репродуцирования «контента» как ничто иное свидетельствует об отсутствии любых, даже самых незначительных усилий человека. Инновационная культура, таким образом, невозможна без творческих усилий человека. Ее фундамент не может быть заложен в то время, пока господствует потребительская «парадигма». Кроме того, сами практики потребления могут принципиально различаться. Приведенными выше словами М. Хайдеггера можно охарактеризовать бездумное потребление, индифферентное к продукту. Другой способ потребления, напротив, предполагает осмысленное отношение к потребляемому, четкое представление, ради чего нечто потребляется. Инновационная культура (впрочем, как и любая другая) не вызреет, если человек не будет осмыслять получаемую информацию: «Насущной потребностью в современном обществе становится формирование информационной культуры личности, т. е. развитие навыков определения собственных информационных потребностей, критического анализа источников информации, формирование умений интерпретации и синтеза поступающих сведений ...»²⁶⁶.

²⁶⁶Лысак И. В. Личность в информационном обществе: проблемы и перспективы исследования.

В современном цивилизованном мире инновации преимущественно связаны с миром вещей и производственными процессами. Это обстоятельство тоже препятствует формированию инновационной культуры. Мир смыслов и ценностей в лучшем случае имеет статус некоего необязательного «приложения» к вещам, без которого фактически можно легко обойтись. Ситуация, в которой смыслы и ценности не «успевают» за стремительно появляющимися вещами, вызывает беспокойство не только у гуманитариев, но и у некоторых экономистов. Сказанное не означает, что сегодня вещи парадоксальным образом создаются «спонтанно», подобно образам в ночных сюрреалистических «экспериментах» С. Дали. Высокая скорость появления новинок препятствует их абсорбции, усвоению и освоению человеком. Вокруг человека стремительно разрастается мир совершенно чужих и непонятных ему вещей. Кроме того, за инновации выдаются знакомые и привычные вещи. Реклама убеждает потенциальных потребителей в том, что ту или иную новинку необходимо приобрести. Зачастую дистрибьютор не объясняет, в чем, собственно, заключается новизна продукта, а апеллирует к извечным страстям: очередная модель телефона создана для *настоящих мужчин*; шампунь создан для *богинь красоты* и т. д. Вещь «обрастает» различными коннотативными наслоениями, затрудняющими доступ к ее буквальному смыслу. Мобильный телефон – это не устройство для беспроводной связи, а лицо интеллектуала («смартфон») или индикатор успешного человека. Иными словами, вещь становится лицом человека.

Проблема ответственности человека за создание и производство новинок беспокоит, прежде всего, ученых-гуманитариев. В западных странах (в странах Евросоюза и США) она решается на политическом уровне, с помощью специально создаваемых комитетов. Однако, по мнению В. Г. Горохова, «экспертотократия» не должна выносить окончательную (и тем

более, единственную) оценку технико-технологическим новшествам²⁶⁷. Последствия применения новых технологий (например, в области биологии) принципиально не ясны, а потому риски их развития и применения должны обсуждаться не только сравнительно небольшой группой специалистов-гуманитариев, но и теми, кто непосредственно связан с высокотехнологическими процессами.

Гуманитарная экспертиза и инженерная этика связаны преимущественно с этической оценкой новых технологий и изобретений. Однако следует оговориться, что этической оценки, а также сдерживания бурного развития технологий и предупреждения возможных рисков бесконтрольного прогресса недостаточно для формирования инновационной культуры. Ее фундамент образуют не изобретения, полезные модели и промышленные образцы, а смыслы и концепты. От того, какие понятия будут положены в основу инновационной культуры, во многом зависит не только место вещей, размещаемых в системе смысловых «координат», но и место человека как источника инноваций. В эпоху капиталистических отношений человек фактически свел свои многогранные творческие способности к «креативности», деятельность «стянул» к результату, результаты деятельности – к «успеху». Каково место человека в существующих социокультурных реалиях? Современный человек – «генератор» идей, «штурмующий» собственное воображение и буквально заставляющий его производить образы. Доволен ли он своим местом? Многочисленные факты (суицид, популярность религиозных сект, массовое наблюдение молодежи у психиатров, неврозы, стресс и т. д. и т. п.) принуждают к отрицательному ответу. Только сохранение «ареала духовности» в «экономически

²⁶⁷ Горохов В. Г. Оценка техники как прикладная философия техники и новая научно-техническая дисциплина. С. 248.

ориентированной культуре»²⁶⁸ поможет человеку заново определить свое место.

Философия может сыграть особую роль в формировании инновационной культуры. Дело философии могло бы заключаться в поиске адекватных концептов – фундамента декларируемой культуры. Историко-философский ракурс исследования дает основания для «вывода» инновации из контекстов экономики и инженерной деятельности. Однако это не значит, что для формирования инновационной культуры нужно лишь вспомнить и повторить все то, что было сказано об инновации мыслителями прошлого. Требуется самобытный ответ, сообразующийся с ситуацией современности, удовлетворяющий не только материальным, но и духовным запросам личности. Сохранение духовности в условиях господства прагматической ориентации общества является насущной проблемой современности. Утрата духовности, в свою очередь, приведет к антропологической катастрофе: человек перестанет быть универсальным существом, производящим на вещественно-предметном и ценностно-смысловом уровнях бытия. Инновационная культура должна органично сочетать предметно-практическое и ценностно-смысловое измерения бытия человека. Первое заключается в модернизации материального производства и обеспечивает явные перемены в вещественно-предметном мире. «Индексами» материально-производственной деятельности являются измеримые выгода, эффект и польза. Ценностно-смысловое измерение существования человека принципиально иное. Оно конституируется смыслотворчеством, производством идей, *смысловыми инновациями*. Новации и инновации на обозначенном уровне существования человека воздействуют на мировоззрение человека, общественные нормы и идеалы. Новации и инновации обоих обозначенных измерений принципиально важны, поскольку они связаны с движением человека в будущее, с перспективой его

²⁶⁸ Апухтина Н. Г. Слова-концепты и концепции деятельности (к философскому осмыслению библиотечной теории и практики. С. 47.

жизни. Однако ценностно-смысловые новации являются ценностными регулятивами, мировоззренческими парадигмами, смысловыми горизонтами и с ними связан принципиальный осмысленный выбор перспективы существования человека. Вещественно-предметное измерение существует в свете этого выбора. Яркие примеры мировоззренческих новаций были в философии, науке и других областях духовной жизни на протяжении всей истории. Масштабные новации без труда можно увидеть, например, в трудах Ф. Бэкона, Р. Декарта и многих других мыслителей. В «Великом восстановлении наук» Ф. Бэкон не только подверг критике схоластическую направленность средневековой философии и логицизм науки, но и детально описал индуктивный метод. Философ призывал идти «путем пчелы», то есть органично совмещать сбор и систематизацию эмпирического материала. В науке Ф. Бэкон видел потенциал к переустройству мира, решительному преобразованию природы в соответствии с запросами человека. Новации Р. Декарта, в свою очередь, состояли в создании концепции субъекта, концептуализации рационализма и разработке научной методологии. По мнению А. В. Дьякова, Р. Декарт прочно связал онтологический статус субъекта с разумностью. Субъект есть «мыслящая вещь». Гарантией его существования является сама способность к мышлению. «Этот новый субъект – пишет А. В. Дьяков – чрезвычайно важен для всей западноевропейской философии Нового времени. Можно даже сказать, что сам модернистский проект стал возможен благодаря конструированию картезианского типа субъективности»²⁶⁹. Ранее М. Хайдеггер писал, что «человек стал субъектом». Это значило, что «он может, смотря по тому, как сам себя понимает и волит, определять и осуществлять свою субъективность»²⁷⁰. В картезианской философии произошло невиданное ранее возвышение человека. По замечанию А. В. Дьякова, это произошло не

²⁶⁹ Дьяков А. В. Об уединении Декарта.

²⁷⁰ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. С. 84-85

благодаря какой-то метафизической спекуляции, а благодаря методу²⁷¹. В том же духе выразился Ж.-М. Шеффер: «... Декарт начал подпирать дуалистическую онтологию доказательством основополагающего характера cogito, то есть мысли, дабы утвердить радикальную особость человека»²⁷². Идеи Декарта были подвергнуты нещадной критике в католических странах, но были приняты и стали популярными, прежде всего, в протестантской Голландии. Философы Нового времени не раз переосмыслили идею cogito. Так, например, Г. Гегель утверждал, что идея cogito означала, что «в основе права и нравственности лежит человеческая воля, между тем как прежде они устанавливались лишь внешним образом, как заповедь Бога, записанная в Ветхом и Новом завете, или существовали в форме особого права в старинных пергаментах как привилегии...»²⁷³. Идеи Ф. Бэкона и Р. Декарта существенно повлияли, прежде всего, на европейскую культуру. Тем не менее, их влияние в исторической ретроспективе гораздо значительнее и заключается, главным образом, в постепенном изменении мировоззрения (наиболее заметными эти изменения опять же были в Европе) человека – субъекта, мыслящего Я, способного преобразовывать мир в соответствии со своими собственными амбициями. В XVII-XVIII вв. существенно возрастает влияние науки и соответствующего типа рациональности. Эта тенденция на несколько столетий вперед определила (и определяет до сих пор) судьбу цивилизованного человечества, изменила отношение человека к миру и самому себе.

Корректно ли говорить об идеях мыслителей (например, Ф. Бэкона и Р. Декарта) как об инновациях? С позиции современного взгляда на инновации как на коммерциализируемые продукты производства или технологические решения (то есть с позиции экономической парадигмы) философские, научные, религиозные и прочие идеи, очевидно, не могут быть инновациями.

²⁷¹ Дьяков А. В. Об уединении Декарта.

²⁷² Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. С. 38-39.

²⁷³ Гегель Г. Лекции по философии истории.

Однако, в том и заключается факт, что современное цивилизованное человечество замкнуло себя в границах капиталистических отношений, поместив все остальное (собственно, область духа) на второй план. По-видимому, во взгляде на мир *сквозь* призму экономической парадигмы и заключается духовная ограниченность современного человека. Идеи нередко вызывают качественные изменения условий существования человека, влияют на мировоззрение многих поколений. Идея осуществляет новую разметку жизненного мира, определяет новые смысловые горизонты, побуждает посмотреть на мир *другими глазами*. Влияние идеи чрезвычайно трудно отследить и зафиксировать. Однако из этого не следует, что интеллектуальные, духовные новации не могут стать инновациями. Освоение духовных новаций происходит, как правило, в длительной перспективе, на протяжении жизни нескольких поколений и не является каким-то особым, «громким» событием.

Пренебрежение ценностно-смысловым измерением существования человека может привести к непоправимым последствиям. Однако предметно-практической деятельности, в отличие от духовной, маловероятно что-либо угрожает. В условиях современности деятельность человека оценивается преимущественно мерками материально-производственной продуктивности. В определенной степени доминированию обозначенной меры способствуют ориентация различных социальных институтов на коммерческие проекты и продукты. Образование после распада советского государства тоже коммерциализировалось. Оно само во многом ориентируется на прибыль и ориентирует учащихся на карьерный рост и материальных успех. Тем не менее, именно образование расширяет представление о продуктивности человеческого существования. Благодаря образованию человек не только социализируется, то есть усваивает общественные правила и нормы, но и расширяет горизонты своей жизни, открывая самого себя во всей полноте своих задатков и способностей.

Одним из приоритетов российской государственной политики является формирование инновационной культуры. На этом пути возникает множество препятствий. Одним из них является отсутствие концептуального фундамента – прочного основания культурного строительства. Политические лидеры, как правило, опираются на экономический и управленческий тезаурусы, отождествляющие инновацию с коммерческим продуктом или производственной технологией. При внимательном рассмотрении результатов научных изысканий экономистов становится ясно, что дискурс экономики пестрит многообразием терминологических нововведений и классификаций. Вопрос «что есть инновация?» не только остается открытым, но и приобретает особую остроту. Без четкого ответа на этот вопрос у того, что называют «*инновационной культурой*», нет прочного фундамента.

Немаловажно и то, что в современном цивилизованном мире инновации преимущественно связаны с миром вещей и производственными процессами. Это обстоятельство в значительной степени препятствует формированию инновационной культуры. Формирование инновационной культуры, во-первых, должно происходить на прочном понятийно-категориальном фундаменте, а во-вторых, объединять в органичное целое материальную и духовную деятельность человека. Инновационная культура может вызревать только в сочетании предметно-практической и духовной деятельности человека. Первая заключается в модернизации материального производства и обеспечивает явные перемены в вещественно-предметном мире. Духовная деятельность, в свою очередь, направлена на «производство» идей, смыслов и ценностей. В единстве обозначенных типов деятельности человек является универсально-продуктивным существом.

Инновационная культура должна соответствовать человеку именно как универсально-продуктивному существу, а не «потребителю» или «изобретателю», не «проектировщику» или «стартап-менеджеру». Дискурсы

экономики и инженерной деятельности де-факто не способны заложить фундамент инновационной культуры. Более того, экономические и технические науки не имеют такой задачи.

У философии есть потенциал для закладки основ инновационной культуры. Первые шаги уже сделаны: инновация постепенно входит в поле зрения философов. Пока эти шаги ограничиваются несколькими десятками научных статей и незначительным числом диссертационных исследований. Тем не менее, уже эти факты говорят о том, что философия не игнорирует политические и социокультурные тренды, а анализирует их.

2.3. Новация и инновация как способы отношения человека к будущему

Ряд исследователей сходится во мнении, что конец XX столетия и XXI в. можно назвать «эпохой инноваций». Это связано, прежде всего, с интенсивностью производства экономических благ – товаров и услуг, а также обеспечивающими эти блага производственными технологиями. Перманентные изменения характерны не только для фирм. Меняются даже те сферы жизни и социальные структуры, которые традиционно считались невосприимчивыми к переменам – например, законодательство и образование²⁷⁴. Как и бизнес, образование сегодня ориентировано на производство коммерчески выгодных идей и продуктов (не случайно в ряде вузов постепенно внедряется т. н. «проектное обучение», ориентирующее студентов на поэтапную реализацию определенного проекта). От учащихся и преподавателей нередко требуется участие в коммерческих проектах и поиск потенциально выгодных партнеров, готовность сотрудничать со специалистами в других областях знания, предлагать идеи для будущих проектов, делать «стартапы» и т. д. Показателем нужности той или иной специальности становится не только востребованность специалистов на рынке труда, но и число коммерчески успешных идей. Один из главных запросов новой эпохи, обращенных к человеку, можно сформулировать следующим образом: «выполнение твоих непосредственных трудовых обязанностей не является достаточным – ты должен делать больше». То же касается и сферы мышления: «ты не можешь мыслить только в границах своей специализации – ты должен мыслить шире».

В 90-х гг. прошлого века слово «инновация» вошло в лексикон политиков, экономистов, юристов и инженеров. Ориентируясь на опыт стран Европы и Америки, многие представители российской интеллигенции (прежде всего, работники вузов) различными способами отреагировали на

²⁷⁴ Тоффлер Э. Революционное богатство. С. 34-35.

запросы новой эпохи. В частности, в некоторых высших учебных заведениях появились кафедры управления инновациями, разрабатывалась теория и практика инновационного менеджмента, возникла специальность «инноватика». Высшие учебные заведения осваивали свою нишу на рынке услуг и в 90-х гг. начали устанавливать контакты с коммерческими физическими и юридическими лицами – потенциальными работодателями выпускников. Специалист по управлению инновациями и инноватике ориентировался на трудоустройство в крупную компанию, способную содержать специальный «инновационный» отдел²⁷⁵. Многие из того, что современный студент узнает об инновациях, не выходит за границы экономики, инженерной и управленческой деятельности.

В сравнении с инновацией, новация – сопряженное, этимологически близкое слово, – находится в тени. Не существует ни в России, ни в мире кафедр управления новациями и специальности «Новатика». Естественно, не декларируется и «новационная культура». В экономике и инженерно-технической сфере о новациях практически ничего не говорят и не пишут. Только в социально-гуманитарных науках и философии эти слова выступают в связке. В то время, когда вузы преподают основы управления инновациями и транслируют содержание экономической теории, в гуманитарных науках и философии происходят своеобразные «акции протеста», направленные на пересмотр общепринятой трактовки инновации и на восстановление новации в своих «правах». Стоит оговориться, что на сегодняшний день эти «акции протеста» еще сравнительно редки, однако тот факт, что они вообще происходят, возможно, обещает появление в будущем серьезной, основательной альтернативы экономическому доминированию.

Об инновации (но не о новации) в последние годы говорят в терминах социологии, социальной философии, а также общей теории систем (ее, конечно, нельзя назвать гуманитарной). В диссертационной работе Л. В.

²⁷⁵ Кашапова Р. Ф. Управление инновациями на предприятиях. С. 17.

Илюхиной (социология) впервые была поставлена задача исследования генезиса понятия «инновация»²⁷⁶. Однако фактически диссертант представил результаты изучения генезиса «инноватики» (что объясняет частотность отсылок к трудам Г. Тарда, Й. Шумпетера и Н. Г. Кондратьева), а не понятия «инновация»²⁷⁷. Сам диссертант дал обобщенное определение инновации, содержащее терминологию социальных наук. Инновация была определена как сложноорганизованный и целостный *процесс*. Также она была определена в качестве *деятельности по достижению изменения* социальной системы. Наконец, по мнению диссертанта, инновация всегда направлена на изменение *качественных* состояний системы. Автор убежден, что инновацию нельзя свести к «разовым акциям», так как она процессуальна, то есть непрерывно изменяется во времени. В работе уже в конце 90-х гг. были сделаны принципиально важные шаги для социально-гуманитарной сферы: во-первых, сделана попытка по «освобождению» инновации от экономического и инженерно-технического дискурсов, а во-вторых, на образование посмотрели как на инновационную сферу.

В социологии инновацию определяли как «механизм общественного развития» (наряду с традицией) и «необходимый элемент социодинамики»²⁷⁸. В диссертационном исследовании Э. М. Лисс сущность инновации раскрывается во взаимосвязи социального и культурного. Диссертант определил инновацию как процесс перехода социума из одного качественного состояния в другое. При этом переходе разрушаются или деформируются некогда устойчивые социальные связи. Изменение социальных отношений рано или поздно приводит к конфронтации со сложившимися нормами, идеалами и ценностями. Взгляд на инновацию как на «социоразмерное» новшество восходит еще к английской философии Нового времени (Ф. Бэкон, Д. Юм и др.). Социологический и социально-

²⁷⁶ Илюхина Л. В. Инновации в образовании: процесс организационных преобразований. Социологический аспект. 24 с.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Лисс Э. М. Инновация как социокультурный феномен. С. 146-147.

философский ракурсы позволяют оценить инновацию в масштабах социального целого. Для чего, собственно, необходима эта оценка, и что дают обозначенные ракурсы исследования? Исследователи в области социальных наук, как правило, соглашались с тезисом Э. Тоффлера, высказанным еще в 70-е гг. прошлого столетия: «Ускорение перемен в наше время само по себе стихийная сила»²⁷⁹. Например, обоснование актуальности диссертационного исследования по социальной философии Т. А. Столяровой (2009 г.) начиналось с утверждения об «ускоренном развитии» современного мира. Ускоренное развитие социальных процессов существенно опережает возможности гуманитарных и иных наук. Кроме того, исследование инноваций решает не только познавательные задачи: «Социально-философское осмысление инновации как сложного феномена обозначает необходимость решения целого комплекса теоретических задач познания сущности явления для достижения *главной цели* [курсив мой – А. Д.] – «знать, чтобы предупреждать, управлять, оптимизировать». Таким образом, изучение инноваций имеет не отвлеченно-теоретическое, а вполне конкретное, практическое значение. Предупреждать инновации, управлять ими или оптимизировать их – это, в конечном счете, значит предупреждать человека, управлять человеком и оптимизировать деятельность человека.

К феноменам новации и инновации возможен не только социологический или социально-философский, но и философско-антропологический подход. Более того, этот подход представляется необходимым, так как инновации (прежде всего, инновации) стали, по выражению В. Д. Цветковой, «частью повседневности»²⁸⁰. Философско-антропологический подход к новации и инновации был осуществлен в диссертационном исследовании В. Д. Цветковой. Автор отметил, что, согласно распространенной оценке, инновации затрудняют адаптацию

²⁷⁹ Тоффлер Э. Шок будущего. С. 15.

²⁸⁰ Цветкова В. Д. Новация и инновация в культуре самореализации личности. 162 с.

человека к социокультурной среде²⁸¹. В связи с этим возникает проблема выживаемости человека в условиях интенсивных социальных, технологических, политических и иных перемен. По выражению М. Н. Эпштейна, человек перешел из «наступательной» позиции в «оборонительную». Некогда хозяин природы, обладающий знанием (= силой), человек может стать «архаическим придатком саморазвивающейся киберцивилизации»²⁸². Распространенная оценка инноваций (отнюдь не только разработок в области «искусственного интеллекта»), в общем, такова: инновации дезориентируют человека и даже вызывают своеобразный «шок». Философско-антропологический подход позволяет существенно обогатить содержание понятий «новация» и «инновация», обратить особое внимание на феномен новации (ни в социологии, ни в социальной философии новации не уделялось должного внимания), говорить об инновации не только как об «элементе социодинамики», но и как о феномене жизненного мира личности.

В диссертационном исследовании В. Д. Цветковой новация и инновация впервые определяются в антропологическом ключе. Новацией диссертант называет «любое открытие», осуществленное на индивидуально-личностном уровне. Новация определяется как результат решения некоего внутреннего противоречия, «экзистенциальной задачи». Она связана с возможностью дальнейшего практического применения. В свою очередь, инновация – это новация, которая достигла «некоторого уровня» принятия, распространения и использования в социуме. По утверждению В. Д. Цветковой, инновация создает предпосылки для социокультурных изменений на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях²⁸³. Стремление личности к самоактуализации и самоопределению, к обновлению, является «глубинным основанием» новации²⁸⁴. Представляется возможным говорить об открытии в смысле, близком по значению «произведению» в

²⁸¹ Цветкова В. Д. Новация и инновация в культуре самореализации личности. С. 12.

²⁸² Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. Человекомерие.

²⁸³ Цветкова В. Д. Новация и инновация в культуре самореализации личности. С. 12.

²⁸⁴ Там же. С. 13-14.

фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Произведение, по выражению М. Хайдеггера, это не только приведение к поэтической, художественно-образной выразительности (явленности), но и «самобытное произрастание»²⁸⁵. В таком случае нечто открывается так, что ему обеспечивается почва для роста, пространство для развития. Таким образом, открытое обретает возможность для самоизменения и саморазвития. Поскольку нечто было открыто, оно не наличествовало «среди прочего» в социокультурном пространстве, не содержалось в «копилке» культуры. Однако это нечто не могло родиться самостоятельно и нуждалось в человеческом усилии – усилии созидающем, готовящем почву для роста того, что сможет самобытно расти. Сам язык – «ближайшее окружение человеческого существа»²⁸⁶ – является «пространством» новаций. Многочисленные примеры новаций появляются в словотворчестве. В 1922 г. В. В. Маяковский написал «Письмо о футуризме», в котором обозначил шесть задач футуристического направления в поэзии. Все они недвусмысленно предполагали те или иные языковые новации: «а) произвести работу над словарем (словоновшества, звуковая инструментовка и т. д.), б) заменить условную метрику ямбов и хореев полиритмией самого языка, в) революционизировать синтаксис (упрощение форм словосочетания, ударность необычных словоупотреблений и т. п.), г) обновить семантику слов и словосочетаний, д) создать образцы интригующих сюжетных построений, е) выявить плакатность слова и т. д.»²⁸⁷. Из истории литературы известно, что обозначенные задачи не были лишь фиксированы на бумаге – группа футуристов и, в частности, сам В. В. Маяковский, методично выполняли их в каждом своем произведении. Словотворчество футуристов предварялось изучением поэтической традиции, которая в итоге подверглась критике и была признана несоответствующей духу времени. В противном случае, если бы футуристы

²⁸⁵ Хайдеггер М. Вопрос о технике.

²⁸⁶ Хайдеггер М. Язык.

²⁸⁷ Маяковский В. В. Письмо о футуризме, 1 сентября 1922 г.

не были знакомы с поэтической традицией, то они вряд ли смогли бы объединиться под знаменем нового, революционного искусства и осмыслить это искусство как ответ на вызовы времени.

Новация выводит к явленности то, что было скрыто, и способствует рождению того, что было в возможности. Все неологизмы футуристов, равно как и другие примеры словотворчества, состоят из тех же «атомов», что и все остальные слова группы славянских языков. Однако, благодаря усилию новаторов, эти буквы вошли в новые соединения, образуя нечто уникальное и неповторимое. Необходимо оговориться, что деятельность новатора, конечно, не сводится к рекомбинации «атомов» алфавита. Комбинирование букв является внешней, формальной стороной дела. За этой формальной стороной скрывается смысловое творчество.

На фоне изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, многочисленных продуктов производства, словотворчество не *выглядит* как новаторство. Однако в языке тоже совершаются открытия. Многие слова незаметно проникают в повседневную речь и столь же незаметно влияют на мировоззрение человека. Изобразительное искусство, гуманитарные науки, литература, музыка, по мнению М. Н. Эпштейна, тоже реализуют «конструктивную» задачу, то есть создают новые знаки, понятия, образы человека.²⁸⁸ Философ считает, что в процессе реализации этой задачи человек не только открывает нечто в мире объектов, но и воспроизводит собственную субъектность. Свою субъектность человек воспроизводит не только в конструировании знаков, но и в создании вещей. Это обстоятельство, в частности, было отображено К. Марксом в категории опредмечивания, то есть «перехода» человеческих способностей в предмет, продукт труда. Человек «удваивает» и «созерцает» самого себя в предмете²⁸⁹. Однако, К. Маркс и другие мыслители (Э. Фромм, Г. Маркузе, Т. Адорно) вполне осознавали, что в условиях капитализма опредмечивание неразрывно связано

²⁸⁸ Эпштейн М. Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук.

²⁸⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения. С. 94.

с отчуждением. Вместо того чтобы быть полновластным творцом вещи, человек оказывается в «кабале» (по выражению К. Маркса, происходит «закабаление предметом»²⁹⁰). То, что было сказано об отчуждении в XIX в., во многом справедливо и для сегодняшнего положения дел. Многочисленные технические новинки выпускаются под лейблами корпораций. О создателях этих вещей ничего не известно. Кроме того, разделение труда и механизация производства по-прежнему обуславливают тот факт, что работник практически всегда имеет дело с какой-либо деталью вещи. Технические новинки идут в авангарде продуктов производства. Однако воплощается ли в них человеческая субъектность? Современная ситуация – ситуация массового производства технических новинок – побуждает к постановке вопроса о новационности и инновационности многочисленных продуктов производства. В пространстве публичности новые концепции и идеи проигрывают в тактике. Во-первых, они не тиражируются на конвейере, а во-вторых, не имеют высокой скорости распространения (достаточно вспомнить то, что Т. Кун писал о коперниканской научной революции). Продукты словотворчества и иные гуманитарные новации не попадают на полки магазинов и не имеют очевидной полезности для потребителя. Они рассчитаны на неопределенную, отдаленную перспективу. Эта перспектива может уходить далеко за границу жизни новатора. Гуманитарные новации чрезвычайно сложно оценить, поскольку они не имеют явного воздействия на человека и не обладают мгновенным эффектом. В связи с этим возникает проблема, сформулированная еще М. Н. Эпштейном: как возможно обретение гуманитарными новациями достойного места? Этот вопрос необходимо предварить другим: как возможно обретение гуманитарными новациями статуса новаций?

Новация – это актуализированное новое; новое, переведенное из возможного в действительное, из замысла в предмет, выраженное

²⁹⁰ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. С. 88.

определенными средствами. Словотворчество начинается с родившегося в сознании нового слова. Новатор должен «оплотнить» свою идею (выражение П. А. Флоренского²⁹¹). И тогда «оплотнившееся» новое «ознаменует» усилия творца, будет нести в себе авторскую идею и транслировать смыслы. «Плоть» этого нового может быть объектом желания другого, «приклеиться» (Ж.-П. Сартр²⁹²) к его сознанию. Другой может присвоить себе это нечто и совершать с ним определенные процедуры на правах обладателя – касаться плоти, рассекать ее на части или склеивать с чем-либо иным. Оно – это новое – может стать «присвоенным-другим».

Новация как открытие не может раскрыться самостоятельно, автономно от человека. В дело всегда вступает некая «инстанция», определенным образом маркирующая открывшееся и дающая ему право называться «новым». Эта же «инстанция» может и отказать сотворенному в новизне. На манер М. Хайдеггера эту «инстанцию» можно назвать «люди»²⁹³. Насколько «люди» действительно правы, определяя нечто как «новое», – другой вопрос. Важно то, что «люди» всегда оценивают. В зависимости от имеющегося опыта, «люди» выносят различные вердикты: «такого еще не было» или «это уже было». Нередко новатору приходится брать на себя задачу убедить «людей» в новизне своего открытия.

Ситуация современности вооружила «людей» невиданными ранее коммуникационными технологиями, обеспечивающими высокую скорость обмена информацией и доступ к копилке мировой культуры. Революционное значение новых технологий (в первую очередь, сети «Интернет») заключается в том, что они аккумулируют мировой коллективный опыт и обеспечивают самый простой и легкий путь к требуемой информации. Вооруженные новыми технологиями, «люди» всегда с легкостью могут найти «похожие» фильмы, картины, слова, стихи и прочее. Сама поисковая

²⁹¹ Флоренский П. А. Философия культа. С. 122.

²⁹² Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. С. 354.

²⁹³ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 62.

система, соответствуя запросам публики, предлагает пользователям список «похожих» произведений. Однако из всего этого не следует, что обладая новыми технологиями, человек в то же время глубоко анализирует и сопоставляет. Нередко отношение «людей» к произведениям определяется *на основании* сведений, предоставляемых поисковой системой. Чтобы удивить публику, новатору сегодня приходится приложить немалые усилия. Дело в том, что, по выражению французского философа М. Серра, современный человек живет в «переполненном» мире²⁹⁴. «Люди» с легкостью выносят суждения об оригинальности и новизне любого произведения. В том случае, если «люди» принимают новацию, осваивают ее, «приклеиваются» к ней, последняя становится *инновацией*. Однако, согласиться с тем, что новое существует, имеет место в мире, еще не значит освоить его. Освоение происходит тогда, когда люди учитывают в своей деятельности и осваивают новое содержательно, когда вещь становится частью их собственного интерьера, а смысл – их собственным смыслом.

По определению В. Д. Цветковой, инновация – это «новация, которая достигает *некоторого уровня принятия* [курсив мой – А. Д.], распространения и использования в культуре и социуме, создающая предпосылки для социокультурных изменений на индивидуальном и надьиндивидуальном уровнях»²⁹⁵. Данное определение вызывает некоторые вопросы: о каком «уровне принятия» ведется речь? Как нужно принять новацию, чтобы она стала инновацией? Следует отличать два основных способа принятия – получение с интересом и без интереса. В первом случае принявший оказывается как бы «внутри» предмета, «интерессе». Эта процедура – процедура проникновения – требует известных усилий. Во втором он не пытается проникнуть в предмет, а довольствуется поверхностью. Очень точно эту разницу передают известные обороты русского языка – «вглядываться» и «бросить взгляд». «Вглядываться» значит

²⁹⁴ Серр М. Девочка с пальчик. С. 7.

²⁹⁵ Цветкова В. Д. Новация и инновация в культуре самореализации личности. С. 16.

не только проникать в предмет, но и открыться предмету, позволить ему занять место, или «разместить». «Бросить взгляд» значит заметить, но при этом сохранить непроницаемость, границу, оберегающую от вторжения извне.

В эпоху массового появления новинок в мире вещей и технологий невозможно пристально вглядываться в каждую новацию. Технико-технологические новации (прежде всего, они) не осмысляются, а находятся «под рукой». Они получены человеком и состоят в наличии. Кроме того, рынок убеждает человека в том, что он желает приобрести ту или иную новинку. Рынок провоцирует, таким образом, возникновение искусственных потребностей. Приходится констатировать, что «некоторый уровень принятия» новации сегодня начинается с приобретения вещи и нередко им же заканчивается. Такое положение дел побуждает вновь поставить вопрос об инновационной культуре: возможно ли формирование инновационной культуры в том случае, если обозначенный способ принятия новаций является весомым (или даже определяющим)? Инновационная культура предполагает осознанное отношение к новациям. Невозможно сформировать инновационную культуру, не вглядываясь пристально в то, что производится человеком для человека. По нашему мнению, этот пристальный взгляд всегда будет критическим. Без критического взгляда на вещи человек, вероятно, не сможет вполне осознать те социальные и культурные процессы, в которые он вовлечен, те вызовы, что бросает ему эпоха инноваций, не найдет своего места в мире.

Инновационная культура, как уже говорилось ранее, не может основываться на экономической или инженерно-технической парадигмах. Обозначенные парадигмы «замыкают» инновацию на мир вещей, а новацию не берут в расчет вообще. Философско-антропологический подход позволяет посмотреть на феномены новации и инновации в ином свете – как на необходимые феномены мира человека. Человек как трансцендирующее и

эксцентрическое существо переходит свои границы, взаимодействует с миром. Новацию и инновацию можно представить не как экономические или инженерные категории, а как *универсальные способы отношения к миру*.

Новация и инновация – это феномены мира человека. Человек, согласно известному древнегреческому изречению, есть «мера вещей». Собственно, это порождает вопрос о том, с какой мерой человек подходит к обозначенным феноменам. Может ли случиться так, что мы используем такую меру, которая не дает нам точных и понятных результатов? Существующее положение дел в инноватике, технических науках, инновационном менеджменте, социологии и социальной философии дает основания для некоторых сомнений в эффективности выбранной меры. Определяя инновацию как «результат инновационной деятельности, получившей воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта», «нового или усовершенствованного технологического процесса», «изменение ресурсов и источников развития», «общественный технический и экономический процесс» и т. д., инноватика акцентирует внимание на продукте производства, экономическом благе и производственных технологиях. Этот экономический продукт, или «благо», обладает конкретными потребительскими свойствами, имеет определенный состав. Любые изменения компонентов экономического блага, потребительских характеристик, маркируются как «инновация». Так понимаемая инновация является условием и одновременно следствием специфического взгляда человека на самого себя – как на агента экономических отношений, потребителя и пользователя.

Новация и инновация, как уже говорилось, связаны с будущим – причем не с будущим вообще, не с «модусом времени», но, прежде всего, с будущим каждого конкретного человека и человечества. Можно сказать, что новации и инновации не «касаются» человека каким-то неопределенным образом – они и есть феномены человеческие.

В первой главе диссертационной работы говорилось, что существуют различные способы отношения к будущему. Один из них часто подвергался и подвергается критике. Его можно назвать *прогностическим*. Важно то обстоятельство, что прогнозирование ориентируется на получение знания о том, что *будет*. Для этого по преимуществу используются методы экстраполяции и моделирования. Смежные с прогнозированием способы отношения к будущему – предвидение, предугадывание и некоторые другие. Различия между этими способами активно обсуждались в научной литературе. Однако при всех известных различиях обозначенных способов отношения к будущему, между ними есть и очевидное сходство. Так же, как и прогнозирование, предвидение и предугадывание направлены на получение знания о будущем – фактически знания о том, чего еще нет. Субъект прогнозирования, предвидения и предугадывания, прежде всего, является человеком *знающим*. В действительности понятно, что нередко это знание оказывается заблуждением, ошибкой, дающей основания для критики как в адрес гадалок и пророков, так и в адрес футурологов. Фактически, по утверждению Г. В. Моргунова и Н. Е. Зелинского, прогностика занимается изучением *моделей* будущего, сконструированных самими же прогнозистами²⁹⁶. Прогноз претендует на опережение события. Не случайно И. В. Бестужев-Лада акцентировал внимание на предупреждающей функции прогноза²⁹⁷. Владение знанием о событии до события, о процессе до процесса, о тенденции до тенденции и т. д. дает возможность предупредить тех, кто не владеет этим знанием. Возможно, в прогнозе, предвидении и предугадывании выражается желание человека «опередить» время, «возвыситься» над ним, или, по выражению русского философа-космиста В. Н. Муравьева, «овладеть» временем. Прогнозируя, предвидя или предугадывая, человек стремится перейти некую непроницаемую границу, как будто установленную самим временем, и увидеть все, что находится

²⁹⁶ Моргунов Г. В. Социальная прогностика: начало пути. С. 122.

²⁹⁷ Там же. С. 127.

«там», по «ту сторону» настоящего. Являясь по существу научной процедурой, прогнозирование исходит из принципа объективности. В действительности же прогноз всегда имеет «долю» субъективизма. По оценке В. А. Гневашевой, «прогнозируя будущее, можно уменьшить неточности в его определении, но полностью избавиться от них практически невозможно, поскольку *отдельно взятый человек* [курсив мой – А. Д.] не в состоянии охватить всю информацию по рассматриваемому вопросу, велика роль субъективизма...»²⁹⁸. Вследствие «проникающего» в прогноз субъективизма создаются ценностно окрашенные картины будущего. Безусловно, «отдельно взятый» человек не в состоянии учесть всю информацию, необходимую для детализированного прогноза. Человек имеет в своем «арсенале» иные способы отношения к будущему. Эти способы не лучше и не хуже прогнозирования – они другие. Два из них – *надежду* и *мечту* – Э. Фромм сделал особым предметом анализа в книге «Революция надежды». Способностями надеяться и мечтать человек, по мнению Э. Фромма, отличается и от животного, и от компьютера (что особенно актуально в век тотальной компьютеризации и разработки искусственного интеллекта)²⁹⁹. Человек надеется и мечтает, потому что не удовлетворен сегодняшним днем, собственным образом жизни, окружающей обстановкой, отсутствием смысла жизни и т. д. В надежде Э. Фромм видел конструктивное, деятельное начало, лишенное «пассивности ожидания»³⁰⁰.

Между тем, «пассивное ожидание» тоже является способом отношения к будущему. Ожидая чего-то, но не двигаясь навстречу, человек, по мнению Э. Фромма, надеется на само время. Будущее как будто *должно* чем-то одарить. Нередко «потраченное» в ожидании время является моральным оправданием требования от будущего некоего «дара». Э. Фромм утверждал,

²⁹⁸ Гневашева В. А. Прогнозирование экономики: понятие и история. С. 141.

²⁹⁹ Фромм Э. Революция надежды. С. 26.

³⁰⁰ Там же. С. 28.

что пассивное ожидание, так или иначе, сопровождается преклонением перед будущим как перед всемогущим божеством³⁰¹.

Разительно отличается от пассивного ожидания будущего другая форма, которую Э. Фромм назвал «фальшивым фразерством» и «авантюризмом»³⁰². В действительности есть основания утверждать, что это различные способы отношения к будущему. Авантюризм можно назвать попыткой любыми средствами «вырвать» у будущего то, что оно не дает. Авантюрист не берет в расчет условия – напротив, он действует вопреки условиям. «Фразерство» нельзя отождествлять с авантюризмом, так как оно осуществляется только на уровне знака. И тот, и другой способы отношения к будущему в известной мере опасны. Авантюризм опасен тем, что не считается с настоящим, игнорирует status quo. «Фразерство», в свою очередь, вуалирует бездействие. Внешне оно отличается от пассивного ожидания, однако фактически тождественно ему.

Конец XX– начало XXI вв. можно назвать временем тотального проектирования. Проекты и стартапы становятся, если не стали, пульсом современного социума. В действительности многие проекты (образовательные, политические, экономические и другие) так и остаются на бумаге. Они исполняют роли отчетов перед вышестоящими инстанциями, являются «маркерами» активной деятельности, однако не предполагают никакой деятельности. Так оформляются многочисленные заявки соискателей научных грантов, резолюции экологических форумов и другие документы.

Однако между этими крайностями – авантюризмом, «форсированием» будущего, с одной стороны, и «фразерством», с другой – располагается деятельное, *конструктивное* отношение к будущему. Конструктивное отношение исключает, во-первых, пассивное ожидание от будущего определенных благ, а во-вторых, «наступление» на будущее с целью вырвать

³⁰¹ Там же. С. 29.

³⁰² Там же. С. 30.

у него желаемое. Э. Фромм иллюстрировал такого рода «наступление» примерами организации революций, переворотов, путчей и т. д. Форсирование будущего постоянно происходит в сфере инноваций. Чем масштабнее инновация, тем, как правило, больше рисков она несет. Достижение золотой середины, то есть точки оптимума между форсированием будущего и пассивным ожиданием, представляет собой острую проблему современности. Если в случае с «инновационными продуктами» такое качание от одной крайности к другой вряд ли вызовет социальную катастрофу, то в случае с масштабными инновациями колебания могут деструктивно повлиять на социальные отношения, культуру, мировоззрение человека.

В самом общем виде, новацию и инновацию можно определить как деятельные, созидательные способы отношения к будущему. Следует, однако, помнить о том, что созидание диалектически связано со своей противоположностью – разрушением. В первой главе диссертационного исследования говорилось о том, что человек совершает *пробросы* в будущее, то есть выдвигает цели и определяет ориентиры движения, а также осуществляет *путь* в будущее, то есть определенные практические шаги. Новаторство, в отличие от прогнозирования, предвидения, предсказания или предугадывания, конституируется не исключительно знанием, но и деланием. Оно является *возможностью пути* в будущее. Почему только «возможностью»? Потому что прокладывающая себе путь новация всегда сталкивается с различными инстанциями. Из истории известны многочисленные примеры, когда новации долгое время оставались в тени или отбрасывались общественными инстанциями, однако позже (часто после жизни автора) выходили из тени и постепенно преобразовали социокультурную действительность. Ранее говорилось о гелиоцентрической теории Н. Коперника, оцененной Т. Куном в качестве научной парадигмы. Однако пример с новой парадигмой астрономии далеко не единственный.

Многочисленные научные открытия, словотворчество, изобретательство, новые направления в искусстве, религиозные обряды, творчество концептов в философии – все это возможность различных путей в будущее. Новатор определенным образом *размечает* бытие, делает, по выражению А. Б. Невелева, «предметную разметку»³⁰³. Он изменяет «ткань» предметности, делает особые «меты», которые в будущем явно или неявно повлияют на природу, общество и человека. Посредством меты, по выражению А. Б. Невелева, «нечто начинает существовать для человека, а человек может рассматривать себя существующим для этого нечто»³⁰⁴. Меты различны и обладают разными характеристиками – это и орудия, технические артефакты, знаки и символы, а также универсалии («предельные» знаки³⁰⁵). Важно понимать, что от типа наносимых мет зависит то, каким воспринимает себя человек, как понимает самого себя. В «технизированном» мире персональная идентичность человека «выполнена предметно “в красках” вещей»³⁰⁶. Расписанный «красками» вещей человек не поднимается над эмпирическим многообразием и в некотором смысле сам становится частью, элементом такого многообразия. По мнению А. Б. Невелева, человек может «прислониться» к предмету³⁰⁷. Предмет в таком случае становится ядром идентичности (или подменяет собой это ядро). Персональная идентичность, «прислонившаяся» к предмету, переживает и будет переживать процесс «турбулентности», происходящий в мире вещей. Новатор делает меты не только в мире вещественной предметности, но и в мире знаков и символов. С одной стороны, это позволяет ему не оставаться в сфере эмпирического многообразия, шагнуть за границы мира вещей и выйти в сферу смыслов, а с другой стороны, показать другому возможный иной мир, качественно (а не количественно) отличный от реалий.

³⁰³ Невелев А. Б. Бытие человека: диалектика предметности и энергийности. С. 30.

³⁰⁴ Там же. С. 30.

³⁰⁵ Там же. С. 31.

³⁰⁶ Там же. С. 31.

³⁰⁷ Там же. С. 32.

Рождение нового смысла влияет на мировоззрение, мироотношение человека, на восприятие действительности, и само, в свою очередь, обусловлено изменением мировоззрения. Новация появляется в ощущении нехватки «мет»: мир уже нельзя объяснить с помощью старых категорий и описать с помощью существующих картин. Истории известны многочисленные примеры революций (не только социально-политических, но и научных), перевернувших мировоззрение поколений. В событие революции вовлекаются не только непосредственные участники, но и последующие поколения. Осуществляя путь в будущее, новация становится инновацией. Научная теория, родившаяся из смелого предположения, делает мир «очевидным», по-своему открывает его. Она меняет и человека, побуждает отказываться от собственных взглядов и идей (пусть даже вызревавших десятилетиями) или, напротив, бескомпромиссно отстаивать собственную позицию, ощущая угрозу собственным представлениям о мире.

Новатор никогда не может знать наверняка, кто, при каких обстоятельствах и как будет пользоваться его новацией. Однако, неопределенность судьбы новации – ее бытие в качестве инновации – не освобождает новатора от ответственности. С другой стороны, определенная ответственность лежит и на тех, кто пользуется новацией. Формирование ответственного отношения к новаторству и применению новаций – острая проблема на пути инновационной культуры. Эти проблемы обостряются в связи со спецификой новации и инновации. Последние как способы отношения к будущему не ориентированы на знание о возможных событиях. Они по-новому размечают бытие и нарушают установленный порядок.

Таким образом, новацию можно определить как открытие, выведение к явленности, оплотнившуюся идею, возникающую благодаря созидающему усилию человека и по-новому размечающую мир вещей и смыслов. Новация

уточняет, корректирует уже бывшую разметку или представляет собой совершенно иную разметку. Кроме того, новация может быть и иным способом разметки мира. Примеры коррекции уже существующей разметки можно найти в деятельности учеников или последователей, дополняющих, конкретизирующих ту или иную идею, прикладывая ее к другим вещам. Совершенно иная разметка возникает, например, в деятельности мыслителей, создающих принципиально новое учение, революционеров науки, благодаря которым возникает иная картина мира. Наконец, эпохальным событием можно считать новые способы разметки. Такими были, например, рождение различных видов письма, появление буквенного алфавита, формирование языка и речи. Инновация, в свою очередь, конституируется принятием новации, присвоением новой разметки мира вещей и смыслов. Это присвоение в полной мере может состояться только благодаря интересу, буквально проникновению в новое, «бытию между» и не может состояться простым получением в собственность, состоянием в наличии. Инновация отвечает определенным запросам и нуждам человека, принятым и усвоенным обществом. С принятием новации мировоззрение человека становится другим, он использует кем-то созданную или уточненную разметку как свою собственную, смотрит на мир другими глазами. Создание новой разметки или нового способа разметки возможно потому, что человек есть трансцендирующее, эксцентрическое и открытое миру существо. Будучи таковым, человек может преодолеть «силу притяжения» предметного бытия-в-мире³⁰⁸, несмотря на то, что эта сила очень велика и вовлекает человека в круговорот вещей. С созданием новых разметок – в том числе знаковых, символических, – человеку открываются новые горизонты существования, к которым он стремится и относительно которых себя определяет. Довольствуясь производством и воспроизводством вещей, человек лишает себя дальних горизонтов и «приклеивается» к вещам, начинает

³⁰⁸ Невелева В. С. Антропологический принцип в философии истории: современность и истоки. 309 с.

идентифицировать себя «горизонтально». В таком случае он только сущее среди сущего. Существование человека только в одном измерении сделало бы человека поистине одномерным. В том и дело, что в действительности человек живет как в предметно-вещественном, так и в ценностно-смысловом измерениях. Второе измерение как бы остается «в тени», перекрывается другим измерением, но непременно дает о себе знать в ситуациях ценностно-смысловых кризисов. Сегодняшний человек постоянно проектирует и планирует, а также нацеливается на кардинальное изменение своего тела (вплоть до отказа от него) и когнитивных способностей, на атомарное саморазложение с целью полного исследования. Кажется, что человек очень критично относится к себе – он с неудовлетворенностью признает себя наследником эволюции, носителем инстинктивной программы, обладателем ограниченных способностей и т. д. Вместе с тем, его деятельность как ученого и, изобретателя нано, био, крио, когнитивных, информационных и иных технологий говорит об обратном: человек, как никогда, уверен в собственных силах. Великая опасность кроется в уверенности, что человек уже есть то, чем мог бы быть. Не имея возможности познать себя до конца, исчерпывающе, человек набрасывает «схемы» самого себя. Эти схемы, очевидно, зависят от представлений человека о самом себе на том или ином конкретном историческом этапе, в ту или иную эпоху. Великое усилие нужно для того, чтобы создав схему, преодолеть соблазн и не поверить в схему как в истину в последней инстанции. Сегодня, однако, есть некоторый риск, что человек поверил научной «схеме» и считает ее своим самым совершенным достижением.

Наряду с прогнозированием, предвидением, предсказанием и предугадыванием, новацию и инновацию можно назвать способами отношения человека к будущему. Однако между новацией и инновацией, с одной стороны, и прогнозированием, с другой, есть разительное отличие. Оно заключается в том, что прогнозирование, предвидение и иные

обозначенные способы отношения человека к будущему направлены на получение знания о событиях, которые еще не произошли. В свою очередь, новацию и инновацию можно назвать *деланием* будущего, нанесением новых «мет» на окружающий мир. Новация в этом смысле есть первичная, индивидуальная, авторская разметка. Новация превращается в инновацию в процессе принятия и усвоения другими людьми и социальными институтами этой авторской разметки. Важно, что другие, усваивая новацию, получают существенные, принципиально значимые «дивиденды». Эти «дивиденды» можно представить, например, как облегчение деятельности, сокращение числа трудовых операций и высвобождение сил на иные виды деятельности. На уровне производства «дивиденды» выражаются, например, в увеличении прибыли, снижении стоимости выпуска продукции, повышении качества товаров и услуг. «Дивиденды» не исчерпываются этими очевидными эффектами – люди окончательно принимают только то, что производит пролонгированный эффект. Этот эффект вовсе не обязательно может быть осязаемым или видимым. Новация может принести и в действительности приносит мировоззренческие «дивиденды», удовлетворяя запросам человеческого духа. Революционные философские или научные идеи делают совершенно иную разметку мира. Она принимается людьми в качестве своей собственной потому, что позволяет им посмотреть на мир и на самих себя другими глазами, заполняет духовные лакуны и, в сущности, *исцеляет* человека, доводит его до состояния целого. Она отвечает на возникающие вопросы, на которые человек не мог найти ответы. Вследствие безуспешных поисков человек пребывал в неопределенности (в том числе не мог определить и самого себя). Эта определенность (пусть и временная) дает уверенность в будущем. Будущее становится не продолжением «бессмысленного» настоящего и не ухудшением наличного положения вещей, но «местом» качественно иной, лучшей жизни. Оно открывается как

горизонт безграничных возможностей, дает уверенность в том, что человек может быть чем-то большим, чем он есть.

В первой половине и середине XXв. бурно обсуждалась проблема ответственности ученых за совершаемые открытия. В условиях военного времени обострились дискуссии по поводу изобретений в области химии и физики. Открытия в химии прямо или косвенно способствовали созданию химического оружия массового поражения. В свою очередь, открытия в сфере физики – например, нестабильных атомных ядер и радиоактивного распада, – также способствовало созданию мощнейшего оружия, напряженности в международных отношениях, массовой истерии в СМИ и другим деструктивным процессам. Одним из бурно обсуждавшихся вопросов в связи со сделанными открытиями был вопрос об ответственности ученых, изобретателей, инженеров, совершивших научное открытие или приложивших руки к созданию той или иной технологии. Один из аргументов защитников свободы научной деятельности сводился к тому, что ученый в принципе не может знать наверняка, какие последствия может иметь его открытие. Он не отвечает за то, каким образом другой это открытие использует. Однако нередко случается и так, что ученый не становится лишь «жертвой» обстоятельств (прежде всего, политики), но и сам участвует в поиске путей и способов применения результатов собственного открытия.

В конце XX– первой четверти XXI в., когда атомная бомба и химическое оружие уже давно стали реалиями, проблема ответственности ученого отнюдь не была снята. Ведутся интенсивные разработки в иных научных областях. Вероятно, футуролог Ф. Фукуяма оказался прав, когда писал, что в авангарде научных трендов сегодня находятся открытия в биологии. Биологическую лабораторию вполне можно назвать «символом» современности³⁰⁹. Пытаясь сдерживать эксперименты в области биологии,

³⁰⁹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. С. 9.

правительства разных стран вводят законодательные запреты на манипуляции с геномом и клонирование. Другим перспективным направлением исследований является синтез органических и неорганических элементов. В западных странах (прежде всего, США) технологии киборгизации уже достигли определенного уровня и существуют отнюдь не только в романах писателей-фантастов. Медицинские лаборатории работают над препаратами, корректирующими эмоциональное состояние человека и даже продлевающими жизнь. Человек активно изучает самого себя. Естественно, он делал это и раньше. Однако сегодня он изучает себя детально, пристально наблюдая за каждым «атомом» своего тела. Он тщательно фиксирует последовательность составляющих ДНК нуклеотидов^{310 311} и создает модели собственного мозга³¹². Как и открытия нестабильных ядер в физике, современные открытия в биологии и медицине могут иметь последствия, о которых сегодня можно только догадываться. Подобно тому, как данные физики были использованы для создания новой техники (в том числе, оружия), так и данные современных трендовых областей знания используются для экспериментов над человеком. Еще во второй половине XXв. на Западе возник трансгуманизм. Сторонники новой идеи были убеждены в том, что *homo sapiens* не является вершиной эволюции. Посредством методичного применения новых технологий (впоследствии их стали называть НБИК-технологиями³¹³) человек может преодолеть ограниченность своей природы и достичь некоего нового качественного, «трансчеловеческого» и «постчеловеческого» состояния.

В течение двух десятилетий трансгуманисты сконструировали несколько образов существ будущего – своеобразных ориентиров для человека. Сторонники преобразования человеческой природы призывают к следованию путем модификации тела и когнитивных способностей. В России

³¹⁰ Craig Venter J. The sequence of the human genome. PP. 1304-1351.

³¹¹ Dunham I. An integrated encyclopedia of DNA elements in the human genome. PP. 57-74.

³¹² Markram H. The Blue Brain Project. PP. 153-160.

³¹³ Bedau M.A. Living technology: Exploiting life's principles in technology. PP. 89-97.

набирает популярность общественное движение «Россия 2045», проводящее в жизнь трансгуманистические идеи. В перспективе руководители движения планируют реализовать проект «Аватар» и сконструировать «телоголограмму». За этими новыми образами, о которых речь пойдет в следующей главе, стоят серьезные мировоззренческие и социокультурные трансформации современности. Человек ищет средства и способы самоизменения. Однако, готов ли он к таким переменам?

Глава 3. Человек будущего в дискурсах о преобразовании природы человека

3.1. Образ человека будущего в трансгуманизме и иммертологии: экспликация первого уровня

Во второй половине XX в. были сделаны научные открытия, благодаря которым в авангарде научного знания оказались биология, медицина, химия, робототехника, информатика, физика малых величин и некоторые другие области. Главным объектом научных изысканий стал человек. Исторически известно, человек всегда изучал себя, однако в XX в. в исследовании человека произошли поистине революционные перемены.

В целом, можно заметить на этих открытиях «печать» механицистической парадигмы Нового времени, изменившей не только представления человека о мире, но и о самом себе. Человек стал интерпретировать себя как одно из тел природы в физическом и биологическом аспектах и пришел к мысли о том, что тело есть не что иное, как сложный механизм. Французский философ эпохи Просвещения Ж. Ламетри написал небольшую работу «Человек-машина», в которой отбросил картезианское положение о душе. По мнению Ж. Ламетри, лучшими философами человека являются патологоанатомы, вскрывающие тело и тщательно изучающие все «детали». Философ был уверен в том, что загадка «души» кроется в воображении. Оно, в свою очередь, является свойством мозга. Мозг, следовательно, должен находиться под пристальным наблюдением ученых, если те действительно хотят разгадать тайну человека. В XX в. человек смог разгадать значительное число загадок своего собственного устройства. В эпицентре внимания оказалось тело – «ключ» к познанию самого загадочного существа Вселенной. Наука Нового времени создала в биологии сразу две масштабные новации – исследовательскую и коллекторскую программы. Суть первой заключалась в появлении нового метода, суть второй – в открытии нового мира. Открытие микромира дало

мощный импульс развитию цитологии, микробиологии и других областей знания. Человек мог рассмотреть свое тело в мельчайших (в буквальном смысле этого слова) подробностях. Во второй половине XX в. тщательному анализу подверглась макромолекула ДНК. Было установлено, что ДНК кодирует и хранит биологическую информацию. Впервые структура т. н. «двойной спирали» была открыта Д. Уотсоном и Ф. Криком. Ученые не только открыли макромолекулу (собственно, сама ДНК была открыта еще в XIX в.), но и разложили ее на составляющие вещества – нуклеотиды. Исследование ДНК привело к тому, что был открыт «ген» – единица передачи наследственной информации. Представление о том, что человек на биологическом уровне наследует от предков определенные признаки и свойства, не ново. Например, еще в «Великом восстановлении наук» Ф. Бэкон писал о т. н. «прирожденных» свойствах организма. Однако в XX в. в руках ученых оказались данные, которые могут быть средствами манипуляций. Следовательно, «прогрессивное» человечество оказалось как никогда близко к тому, чтобы влиять на наследственные процессы.

Новые открытия требовали законодательного регулирования. Оно выразилось в виде запретов на проведение генетических экспериментов над людьми. Еще до 2007 г. в России действовал мораторий на гипотетическую технологию – технологию клонирования человека. В 2007 г. срок действия моратория истек. Однако мораторий был продлен на неопределенный срок, фактически до отмены каким-либо особым законодательным актом³¹⁴. В Гражданском кодексе (ст. 1349) указано, что любой из когда-либо найденных способов клонирования не может быть объектом патентного права. Не могут быть объектами патентного права и «способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека»³¹⁵. Строго говоря, силы законодательства, прежде всего, были брошены на запрет *биологических*

³¹⁴ Акопян А. С. Бессрочный мораторий «О временном запрете на клонирование человека» как признак «нового Средневековья». С. 29-31.

³¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч.4. ст. 1349.

экспериментов с *человеком*. Оно фактически ничего не говорит об опытах иного рода, например, о киборгизации, создании *человекомашинных* систем. У сторонников киборгизации есть весомый аргумент: интеграция неорганических элементов в человеческое тело необходима в медицинских целях – главным образом, для решения проблем инвалидности человека^{316 317}. Выражаясь на манер В. А. Кутырева, можно сказать, что технологии *исцеляют*³¹⁸ человека, то есть восстанавливают некогда утраченную целостность его тела. Однако, по замыслу многих сторонников киборгизации и биоинженерии, применение новых технологий не должно служить исключительно целям восстановления нарушенных функций организма или замены утраченных частей тела. Например, независимая группа ученых «Наука для масс» («Science for Masses») долгое время работала над созданием особого раствора – хлорина Е-6, позволяющего видеть вещи в темноте.

Сторонники новых технологий, как правило, не акцентируют внимание на возможных психологических, физиологических и социальных рисках применения hi-tech. В интервью лидер общественного движения «Россия 2045» Д. И. Ицков высказался вполне определенно: «На мой взгляд, порога искусственности не существует. Более того, задачей, необходимой для человечества, является создание полностью искусственного бессмертного тела для человеческого «я». Оно не будет болеть, стареть, сможет выдерживать радиацию, высокое и низкое давление, покорять глубины океана и Большой Космос»³¹⁹. Еще более радикальной позиции в вопросе применения новых технологий придерживаются теоретик искусственного интеллекта Г. Моравек и художник С. Аркадиу. Первый считает, что технологии неумолимо приведут к возникновению «постбиологического» мира. Те люди, что откажутся от «перестройки» своего тела, будут

³¹⁶ Lupton D. M-health and health promotion: The digital cyborg and surveillance society. PP. 229-244.

³¹⁷ Franklin S. The Cyborg Embryo: Our Path to Transbiolog. PP. 167-187.

³¹⁸ Кутырев В. А. Бытие или ничто. С. 474.

³¹⁹ Ицков Д. И. Человек человеку – киборг?

выброшены на обочину эволюции. Рассуждения Г. Моравека, опубликованные журналистом М. Дери в книге «Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков», сопровождаются «риторическим» вопросом: разве сегодня человек сожалеет о некогда вымерших тварях³²⁰? С. Аркадиу, в свою очередь, считает, что человека нужно выпотрошить и наполнить модульными компонентами, заменить кости на экзоскелет и имплантировать искусственный мозг. Именно такой должна быть, по мнению художника, «панпланетарная физиология»³²¹.

Идеалы, отстаиваемые сторонниками применения киборгизации, генной инженерии и других технологий, далеки от «исцеления» человеческого тела. Для оценки притязаний современного человека вполне подошли бы слова из «Размышлений о технике» Х. Ортеги-и-Гассета: «Человек – это такое животное, которому нужно только лишнее»³²². Получив возможность «исцеляться», восстанавливать нормальное функционирование организма, лечиться современными медицинскими средствами, человек уже думает о том, чтобы кардинально изменить свою физиологию или вообще избавиться от тела.

В конце XXв. на Западе зародилась идея (через пару десятилетий она проникла в Россию) перехода человека на качественно иной уровень существования. Сторонники этой идеи называли себя «трансгуманистами» и в 1998 г. создали «Всемирную ассоциацию трансгуманистов». Они основывались на убеждении, что человек не является вершиной эволюции. Его же силами – силами человека – можно создать существо, превосходящее человека во всех физических и интеллектуальных возможностях. Трансгуманизм (без учета его различных направлений) аккумулирует результаты трендовых научных разработок (прежде всего, в областях биологии, информатики, робототехники и др.). Собственно, он является

³²⁰ Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. С. 415-416.

³²¹ Там же. С. 214.

³²² Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике.

идейной надстройкой на научном базисе, определяющей вектор внедрения новых технологий. Цель трансгуманистов заключается в том, чтобы специфическим образом внедрить научные *новации*. В самом общем виде, этот вектор уже был обозначен: высокие технологии необходимы для кардинального изменения природы человека. При всем разнообразии направлений трансгуманизма в этой системе идей есть несколько фундаментальных постулатов: физические и когнитивные способности человека ограничены; современная наука и техника могут быть использованы для преодоления ограниченности человека; модифицированный человек не будет принадлежать к роду «*homo*». Следует оговориться, что трансгуманисты идут дальше: современная наука и техника не только *могут*, но и *должны* быть использованы во «благо» человеку. В этом «должны» содержится коннотативный «заряд» дискурсов трансгуманизма: фактически все известные трансгуманисты, как зарубежные, так и российские, *убеждают* людей в необходимости добровольного, сознательного изменения физических и когнитивных способностей.

В одном из ранних, программных документов трансгуманистов – «Часто задаваемых вопросах» Н. Бострома, прямо говорилось: «Не является ли трансгуманизм вмешательством в природу? Этот вопрос затрагивает самую суть трансгуманизма. Трансгуманисты считают, что это правильно – вмешиваться в природу. Здесь нечего стыдиться. Нет абсолютно никаких моральных или этических причин, по которым мы не должны вмешиваться в природу и улучшать ее...»³²³. Того же мнения придерживаются и российские сторонники трансгуманизма³²⁴.

В остальных положениях, кроме обозначенных фундаментальных, подобного единства не наблюдается. Особенно сильны различия в главном вопросе – в вопросе о перспективах человека. Убеждая человека в безусловной значимости применения новых технологий, трансгуманисты

³²³ Бостром Н. FAQ по трансгуманизму.

³²⁴ Ариянов А. «А воз и ныне там, или Хочешь стать бессмертным – думай быстрее!»

должны были продемонстрировать предполагаемый результат кардинальных изменений человеческой природы. Без преувеличения можно сказать, что создаваемые ими образы существ будущего играют роль презентаций. Эти образы являются своего рода «лицами» трансгуманистических дискурсов. Без них трансгуманизм был бы ограничен компиляцией данных о научных открытиях. Между тем, в российской и зарубежной науке есть точка зрения, оправдывающая научно-рациональный «базис» трансгуманизма и критикующая идеологическую «надстройку»³²⁵. Схожую точку зрения отстаивают М. MacNamee, S. Edwards³²⁶, J. Hughes³²⁷ и др. Проблема, однако, заключается в том, что трансгуманизм нельзя свести к научным открытиям в различных областях. Несмотря на то, что трансгуманизм опирается на обозначенные и многие другие научные разработки, сам он не является «корпусом» научных данных. Трансгуманизма не существовало бы без коннотативной, вторичной семиотической системы, характерной для «мифологий» (Р. Барт). «Лицо» трансгуманизма – это вовсе не научные открытия, а те «метафизические» (по выражению Д. К. Казеннова) положения, которые и вызывают бурный протест в среде интеллектуалов. Трансгуманизм не просто пересказывает в упрощенном виде все то, что ученым удалось открыть в областях генетики, биологии, медицины, фармакологии и т. д., но говорит, как применить эти открытия, или *как их определенным образом нужно и должно использовать*.

О соотношении гуманизма и трансгуманизма написано множество статей. К этой теме подталкивает сам термин: буквально «трансгуманизм» можно перевести как «за гуманизмом», или «через гуманизм». В научных публикациях распространена точка зрения, что трансгуманизм противоречит гуманистическим ценностям, так как человек, во-первых, не признается

³²⁵ Казеннов Д. К. Телеологическая нагруженность философии трансгуманизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. С. 91

³²⁶ MacNamee M. Transhumanism, medical technology and slippery slopes. PP. 513-518.

³²⁷ Hughes J. Contradiction from the enlightenment roots of transhumanism. PP. 622-640.

вершиной эволюции, а во-вторых, перестает быть целью собственной деятельности. Трансгуманизм, по мнению В. А. Кутырева, отрицает телесно-духовную идентичность человека и именно поэтому не является гуманизмом³²⁸. Превратившись в «трансчеловека» или «постчеловека», человек утратит свою идентичность. Н. Д. Субботина утверждает, что трансгуманизм не знает меры в стремлении удовлетворить определенные человеческие потребности. Главная из этих потребностей – потребность в долгой жизни. Трансгуманисты хотят любой ценой ликвидировать смерть и физические страдания. Критическую оценку в адрес трансгуманистических идей можно резюмировать следующими словами: «Однако эти феномены [смерть, боль и др. – А. Д.] – атрибуты человеческой жизни. Без страданий человек никогда не знал бы счастья, а без смерти не познал смысла жизни, да и жизни как таковой без смерти не было бы»³²⁹. В философии существует, однако, и противоположная точка зрения на соотношение гуманизма и трансгуманизма. По мнению М. Н. Эпштейна, между гуманизмом и трансгуманизмом нет никакого противоречия. Только человек может быть «больше» или «меньше» себя и переступить собственные пределы. Человеку свойственно быть и субъектом, и объектом: «"Трансгуманное" существо, или, привычнее выражаясь, сверхчеловек, – это субъект того отношения, объектом которого выступает человек»³³⁰. Философ убежден в том, что бытие человеком означает не что иное, как «становление-сверхчеловеком». Если человек отказывается от стратегий самопреодоления, самовозвышения, самотрансформации и т. д., то человек ли он? Резюмируя собственную позицию, М. Н. Эпштейн ввел в оборот термин «гуманология». Им философ обозначил новую область научно-философского знания, изучающую возможности, способы и средства выхода человека за свои видовые границы. Гуманология, по оценке М. Н. Эпштейна, должна рассматривать человека не

³²⁸ Кутырев В. А. Куда сдвигать гуманитарный вектор? С. 9.

³²⁹ Субботина Н. Д. Гуманизм и трансгуманизм. С. 7-8.

³³⁰ Эпштейн М. Н. Будущее гуманитарных наук.

как уникальное, особое существо, не в качестве последнего звена эволюционной цепи, но как члена двух «рядов» – внеразумной формы жизни (среди растений и животных) и внебиологической формы разума (киборгов, роботов, гуманоидов).

Стратегия гуманологии исходит из нескольких дискуссионных допущений: во-первых, из утверждения о том, что существуют внебиологические формы разума, а во-вторых, из положения о человечности как о выходе за границы биологического. По поводу первого тезиса уже не одно десятилетие ведутся дискуссии. Сторонники концепции искусственного интеллекта (Р. Курцвейл, Г. Моравек и др.) считают, что машина уже в ближайшем будущем сможет превзойти интеллектуальные способности человека (по некоторым показателям уже превосходит). Однако упомянутые ученые говорят об интеллекте, а не о разуме. Это принципиально важное замечание, так как существует риск скоропалительного и безосновательного отождествления интеллекта и разума, подмены одного другим. В противовес теоретикам и практикам искусственного интеллекта выдвигается критическое положение, развитое в философии Д. Серля³³¹. Смысл этого положения сводится к тому, что компьютер или иное инструментально-аппаратное средство манипулирует знаками, но не может проникнуть в область семантики, или значения (об этом говорит, например, мысленный эксперимент «Китайская комната»). Как бы то ни было, в гуманологии ведется разговор о внебиологических формах разума. Во втором положении утверждается, что быть человеком – значит становиться сверхчеловеком. В свою очередь, сверхчеловек трактуется именно как внебиологическая форма разума. Вероятно, позиция М. Н. Эпштейна оказалась под влиянием философии Ж. Делеза (автор «Будущего гуманитарных наук» неоднократно ссылаясь на французского философа). В статье «О смерти человека и о сверхчеловеке» Ж. Делез писал, что смерть человека будет ознаменована

³³¹ Серль Д. Сознание, мозг и программы.

появлением промежуточной формы между «формой-человеком» и «формой-богом», то есть уже не человека, но еще не бога. Эта промежуточная форма представлялась Ж. Делезу продуктом синтеза органического и неорганического начал (причем с доминированием второго): «Силы в человеке соотносятся с силами извне, с силами кремния, которые берут реванш над углеродом, с силами генетических составляющих, берущими реванш над организмом...»³³². Дискуссионность обозначенного положения гуманологии заключается в том, что генетически модифицированный человек и кибернетический организм определяются как «внебиологические формы разума».

Даже если принять положение о самотрансформации, самостроительстве человека как о «залоге» человечности, то из этого с необходимостью не следует, что самотрансформация должна быть именно такой, какой ее изображают в трансгуманизме. Иными словами, трансгуманистический дискурс, во-первых, «схлопывает» возможности саморазвития человека до вполне определенной рецептуры, а во-вторых, не допускает альтернатив в процессе самотрансформации. В этом и заключается «репрессивность» коннотации (Р. Барт): она скрадывает альтернативы, не показывает иные возможности – скорее, напротив, демонстрирует обреченность положения и спасительную миссию дискурса. Российская трансгуманистическая партия «Эволюция 2045» в своем программном документе предложила незавидную альтернативу: либо человечество идет под флагом трансгуманизма и новых технологий, либо скатывается в новые «темные» века. Трансгуманизм предписывает, что и как необходимо сделать человеку для того, чтобы оптимально существовать. Оптимальное существование человека, согласно фундаментальным положениям трансгуманизма, – это существование без органического тела. В этом

³³² Делез Ж. О смерти человека и о сверхчеловеке.

отношении трансгуманизм «телоцентричен» (термин Г. Л. Тульчинского³³³): трансгуманистический дискурс приковывает внимание своего «потребителя» исключительно к телу, пытается силами науки разложить тело на исчерпывающее число элементов, установить связи между этими элементами, картирует и моделирует самый «загадочный» орган человеческого тела – мозг. Ради чего совершаются все эти научные процедуры? Лучше всего на этот вопрос, конечно, отвечают сами трансгуманисты. При всех различиях, в их ответах есть и одно общее место: пристальное изучение тела совершается ради замены биологического (= несовершенного) начала на небιологическое (= совершенное), ради загрузки информации, содержащейся в структурах мозга (= сознания), на небιологический носитель. Руководитель «BlueBrainProject» Г. Маркрам ответил на вопрос «ради чего» следующим образом: «Самый главный вопрос звучит так: “Сможем ли мы опередить эволюцию, догнав и перегнав человеческий разум?”»³³⁴. В «Часто задаваемых вопросах по трансгуманизму» Н. Бостром писал, что трансгуманизм ориентирован на преодоление «фундаментальных пределов человеческих возможностей».³³⁵ Трансгуманистическая стратегия должна привести к ликвидации старения и смерти, а также «значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека»³³⁶. На первый взгляд, воспроизведенные ответы принципиально разнятся: по мнению руководителя «Blue Brain Project», задача современных «авангардных» наук в том, чтобы *создать* разум, превосходящий разум человека. Н. Бостром, напротив, говорит о ликвидации старения и смерти, о расширении возможностей человека. В конце концов, «Часто задаваемые вопросы по трансгуманизму» начинаются с утверждения, что трансгуманизм является «продолжением

³³³ Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы. С.40-41.

³³⁴ Когда будет создан искусственный мозг?

³³⁵ Бостром Н. FAQ по трансгуманизму.

³³⁶ Там же.

гуманизма»³³⁷. Это утверждение, однако, не сопровождалось пояснением. Первая позиция концентрируется на научной революции, на создании чего-то нечеловеческого, а вторая, на первый взгляд, движима заботой о человеке. При более внимательном рассмотрении обозначенных точек зрения оказывается, что это противоречие является мнимым: так же, как и Г. Маркхам, Н. Бостром видит в создании «сверхразума»³³⁸ приоритетную цель трансгуманистических изысканий. Естественно, что в картине мира, где все стягивается в перспективе создания «сверхразума», человеку нет места. То косвенно, то прямо, Н. Бостром и сам указывает на это: «Сильный сверхразум – это разум, который не только быстрее, чем человеческий мозг, но и качественно превосходит его»; «Постчеловеческий мир, который в результате появится, возможно, будет столь чуждым для нас, что сейчас мы не можем знать о нем абсолютно ничего»³³⁹. Н. Бостром известен не только в качестве популяризатора трансгуманистических идей, но и в качестве автора идеи о «Матрице». Эта идея была развернута в частично переведенной на русский статье «Are you living in a Computer Simulation?» («Живем ли мы в компьютерной симуляции?») [пер. мой – А. Д.]. В аннотации к статье Н. Бостром утверждает, что как минимум одно из трех суждений является истинным: 1. Человечество может исчезнуть до достижения постчеловеческой стадии (например, в связи с антропогенными катаклизмами); 2. Постчеловеческая цивилизация маловероятно запустит *большое* [курсив мой – А. Д.] количество симуляций своей истории; 3. Человечество почти наверняка живет в компьютерной симуляции³⁴⁰. По существу, все три утверждения, прямо или косвенно, свидетельствуют о смерти человека: в первом случае человечество исчезнет с лица Земли в связи с некими внешними факторами (экологический кризис, ядерная война, пандемия и т. д.). Во втором и третьем случаях человек является продуктом

³³⁷ Бостром Н. FAQ по трансгуманизму.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Bostrom N. Are You Living in a Computer Simulation?

компьютерного моделирования. В сокращенной и переработанной версии статьи (она переведена на русский) Н. Бостром как бы между делом заметил: «... может быть, нас создала какая-нибудь девочка-подросток из постчеловеческой цивилизации, выполняя домашнее задание»³⁴¹. Подробнее сценарий «Матрицы» будет проанализирован в следующем параграфе данной главы. Не трудно заметить, что в предположении Н. Бострома с особой силой выражены идеи провиденциализма: человеческая история и история жизни каждого человека уже предопределена, написана цифровыми кодами. На вершине мира находится некий «постчеловек», с легкостью создающий миры и управляющий своими творениями. Излишне спрашивать о том, какое место занимает в мире симуляции человек, и что он вообще есть такое.

Несущими конструкциями трансгуманизма являются образы существ будущего – далеких потомков человека, обеспечившего с помощью научных достижений и новых технологий почву для превращения эволюции в революцию, то есть для управления теми процессами, которые ранее были в «компетенции» природы. Принципиально важной процедурой, связанной с конструированием образов «человека» будущего, является номинация, или именование (об этой процедуре упоминалось в параграфе 1.2 данной работы). Уже при первом подходе к трансгуманизму оказывается, что никакого общепринятого обозначения существа будущего в этом дискурсе нет. Вместо этого существует множество имен. Наиболее известные из них – «Transhuman» («трансчеловек»), «Posthuman» («постчеловек»), «Homo Immortalis» («Человек Бессмертный»), «E-Creature» («е-существо»), «Neohuman» («неочеловек»). Некоторые имена не были включены в этот перечень, так как крайне редко возникают в статьях и программных документах. К таким относятся, например, «Homo Aquaticus» («Человек Водный») и «Homo Astronauticus». Эти имена выражают определенные

³⁴¹ Бостром Н. А не живем ли мы в «Матрице»?

качества существ будущего, а именно полную адаптацию к водной и космической средам. Они упоминаются в статьях украинских трансгуманистов Г. Д. Бердышева, А. В. Букалова и А. Н. Радченко³⁴². Первые четыре обозначенных имени употребляются как зарубежными, так и отечественными трансгуманистами^{343 344 345}. Последнее, в свою очередь, является творением основателя общественного движения «Россия 2045» Д. И. Ицкова³⁴⁶.

Не трудно заметить, что только два обозначения непосредственно указывают на качества существа будущего – «Immortalis» (бессмертный) и «Electronic» (электронный). Однако и эти указания вызывают множество вопросов, требующих определенных ответов. Экспликация образов существ будущего затрудняется тем, что трансгуманизм сравнительно немногословен, когда дело доходит до репрезентации этих образов. Конечно, было бы ошибкой говорить, что трансгуманисты ограничились процедурой номинации. Из их многочисленных источников (очерков, статей, книг) все-таки возможно извлечь определенные представления о существах будущего. Вопрос в том, *ради чего* эти представления извлекать. Предварительный ответ на этот вопрос может быть таким: образы человека будущего подобны своего рода «зеркалам», в которых современный человек может видеть самого себя. Эти образы не только кристаллизуют в себе нечто социально или индивидуально значимое, но и показывают человеку то, каким он воспринимает себя настоящего. Иными словами, в образах человека будущего есть многое от человека сегодняшнего.

Мировоззренческий сдвиг, произошедший в Новое время, обусловил возможность принципиально иного взгляда на человека: человек не является божественным творением, образом и подобием бога. Все, что происходит

³⁴² Бердышев Г. Д. Биологическая инженерия и ноогенез. С. 22.

³⁴³ FM-2030. Are You a Transhuman?

³⁴⁴ Bostrom N. Why I Want to be a Posthuman?

³⁴⁵ Болонкин А. А. Человечество стоит на пороге создания сверхразума.

³⁴⁶ Ицков Д. И. Заповеди жизни неочеловека.

с человеком, отныне можно было давать «материалистическое» (= научное) объяснение. Об этом, в частности, писал Ю.Н. Харари в книге «Homo Deus. Краткая история будущего»: «На самом деле люди умирают не потому, что их тронула за плечо Старуха с косой, и не потому, что этого захотел Бог, и не потому, что смерть – неотъемлемая часть великого космического проекта. Люди всегда умирают из-за какого-нибудь технического сбоя. Сердце перестает качать кровь. Холестериновые бляшки закупоривают аорту. Раковые клетки поражают печень. Микробы размножаются в легких. А что приводит ко всем этим техническим неполадкам? Другие технические неполадки. Сердце перестает качать кровь из-за того, что в сердечную мышцу не поступает достаточно кислорода. Раковые клетки размножаются из-за того, что случайные генетические мутации изменяют их программу. Микробы заводятся в легких из-за того, что кто-то чихнул на меня в метро. Никакой метафизики. Все это лишь технические проблемы»³⁴⁷. Действительно, в человеке не осталось никакой метафизической тайны – только временные трудности мешают познать материю тела до конца. Но когда эта материя будет разобрана до самого основания, человек сам способен будет создавать себе подобных и воссоздавать самого себя (своего рода «аутопойэсис» тела). Тело всецело подчиняется причинно-следственным связям. Все, что с ним происходит, все происходящее в нем процессы можно определенным образом объяснить.

Трансгуманизм продолжает традиции научной рациональности, отбрасывая метафизику души и духа, «очищая» человека от «пережитков» религии и идеалистической философии. Например, американский трансгуманист А. А. Болонкин начинает свою статью с вполне определенных, конкретных суждений о человеческой природе: человек – это «прибор» для обработки информации; голова есть информационное «хранилище»; органы чувств – это «датчики». В выводе автор статьи

³⁴⁷ Харари Ю. HomoDeus. Краткая история будущего. С. 88-89.

свободно смешивает метафизические категории и научный язык, подчеркивая условность (если не фиктивность) метафизических категорий: «... если мы научимся сохранять информацию, накопленную и выработанную человеком в течение его жизни, записав ее на более стойкие носители (например, чипы), то сохраним его как личность (душу) вечно. Если же снабдим его датчиками приема не подвергаемой цензуре информации, то позволим ему свободно развиваться как личности. А если снабдим его исполнительными органами, то он получит возможность активно воздействовать на внешний мир (жить вечно)»³⁴⁸. В этом смысле человек, что не трудно заметить, не отличается от персонального компьютера, хранящего и обрабатывающего информацию.

То же самое сведение личности к хранимой в мозгу информации происходит и в работах Н. Бострома, и в работах других трансгуманистов. В «Часто задаваемых вопросах» Н. Бостром оперирует термином «загрузка сознания», обозначая им «процесс переноса сознания из биологического мозга в компьютер»³⁴⁹. Автор «FAQ» вполне осознает, что идея «загрузки» вызывает больше вопросов, нежели дает ответов. Н. Бостром обходит стороной эти вопросы и ссылается на неких «философов», решивших проблему идентичности «загруженного» сознания (ссылок на «философов» автор при этом не дает): «Вопрос о том, при каких условиях личная идентичность сохраняется во время загрузки с разрушением, остается предметом обсуждения. Большинство философов, изучавших эту проблему, полагают, что, по крайней мере, при некоторых условиях, загруженный в компьютер мозг будет *вами*»³⁵⁰. Таким образом, в трансгуманизме человек выглядит «прозрачным» и «ясным». Эти «прозрачность» и «ясность» достигаются не только за счет отбрасывания метафизики, но и за счет упрощения научных данных. Человек редуцирован до информационного

³⁴⁸ Болонкин А. А. Человечество стоит на пороге создания сверхума.

³⁴⁹ Бостром Н. FAQ по трансгуманизму.

³⁵⁰ Там же.

хранилища. Опасность редуцирования человека в дискурсе современных инновационных стратегий точно выразил С. А. Храпов, отметив, что на данный момент человечество еще может «успокаивать» себя – технологии «улучшения» человека находятся, вероятно, на начальной стадии развития. Однако различные модели «социотехнических мнимостей» уже внедряются в мышление, влияя на восприятие настоящего и предопределяя будущее³⁵¹.

Ранний трансгуманизм (90-е гг. прошлого века) был проникнут пафосом научной рациональности. В манифесте «Во славу дьявола» («InPraiseoftheDevil») М. Мор писал: «Хвала Люциферу! Прославляйте рационалистический поиск истины ... Он [Люцифер – А. Д.] учит нас пользоваться разумом и нести ответственность за себя»³⁵². В завершении манифеста М. Мор призывал присоединиться к движению т. н. «экстропианцев». Этот термин не имел четкого определения. У М. Мора он обозначал степень интеллектуальной развитости, функционального порядка (functional order), выход биологической системы (прежде всего, человеческого тела) на иной уровень развития³⁵³. По-видимому, под степенью интеллектуальной развитости подразумевался как уровень научных достижений (прежде всего, практики), позволяющий целенаправленно вмешиваться в природу человека, так и готовность индивида принять открывающиеся перед ним возможности. О «функциональном порядке» тоже необходимо сказать особо: дело в том, что трансгуманизм обесценивает человеческое тело (и более того, биологическое вообще). В самом общем виде, обесценение обусловлено бессилием ученых перед некоторыми процессами, происходящими в теле и с телом. Прежде всего, сюда можно отнести старение, возникновение патологий, онкологические заболевания, врожденные дефекты и т. д. В известной мере медицина может препятствовать этому (по крайней мере, сдерживать). Однако тело не

³⁵¹ Храпов С. А. Человек техногенной цивилизации: методологические проблемы исследования // Вестник Калмыцкого университета. С. 176.

³⁵² Мор М. Вославу дьявола.

³⁵³ More M. An evolving framework of values and standards for continuously improving the human condition.

контролируется, подобно механизму. Его нельзя так же эффективно и сравнительно быстро «починить». Тело загадочно – в нем происходят неконтролируемые, невидимые процессы. Возможен ли разговор о функциональном порядке в «системе» (теле), дающей, во-первых, сравнительно частые сбои, а во-вторых, не поддающейся окончательной разгадке? Функциональный порядок присущ механизму, состоящему из определенным образом размещенных и соотносящихся друг с другом деталей. Каждая из этих деталей имеет строго предписанное, заранее данное назначение и не может выйти за границы своего назначения. Трансгуманисты, как уже говорилось, пытаются редуцировать тело к механизму, а сознание к некоторому объему информации. Категория сознания, разрабатывавшаяся в философии не протяжении сравнительно долгого времени, в трансгуманизме сведена к информации, с которой возможны, как с любой другой информацией, определенные манипуляции. В частности, ее можно копировать, записать на носитель, сохранить, перенести и загрузить. Последняя из перечисленных процедур долгое время была и остается предметом особого внимания. Терминологической и понятийной, определенности в вопросе переноса сознания на небιологический носитель на данный момент не существует. Ранние трансгуманисты (Н. Бостром, Д. Пирс, М. Мор) писали о загрузке *сознания*³⁵⁴. Во втором десятилетии XXIв. зарубежные трансгуманисты использовали, наряду с «загрузкой сознания», и другие выражения. В статье S. Bamford, например, говорится о «переносе субстрата разума» («mind-substrate transfer»)³⁵⁵. В трансгуманизме категория сознания употребляется как нечто самопонятное, очевидное. Из определения, данного Н. Бостромом, следует, что сознание содержится в мозге, как в резервуаре. Как трансгуманисты представляют этот процесс *извлечения* сознания из мозга? Они утверждают, что для этого необходимо сканировать

³⁵⁴ Бостром Н. FAQ по трансгуманизму.

³⁵⁵ Bamford S. A framework for approaches to transfer of a mind's substrate.

синаптические структуры мозга³⁵⁶. А. Sandberg посвятил этой теме несколько научных работ. Он оперирует термином «эмуляция всего мозга» («whole brain emulation»), означающим копирование функций биологической нервной системы в программное обеспечение³⁵⁷. Эмуляция головного мозга человека совершается с вполне определенными и отнюдь не только исследовательскими целями: ученые «Blue Brain Project» хотят детально отсканировать структуру мозга и создать модель, имеющую высокое «разрешение». Программная модель должна, по замыслу проектантов, полностью соответствовать оригиналу (мозгу). Ученые надеются на то, что детально отсканированный мозг сохранит «внутреннюю причинную структуру» («internal causal structure»). Эту мысль можно пояснить следующим образом: ученые надеются на то, что смоделированный мозг, во-первых, будет тождественен оригиналу (в таком случае он не был бы моделью), а во-вторых, сохранит все функции оригинала. Таким образом, сканируя синапсы, глиалии и нейроны, моделируя головной мозг, ученые хотят сохранить «личность» человека.

Как уже говорилось ранее, образы существ будущего являются своего рода «зеркалами» для современного человека. Посредством этих образов человек определенным образом интерпретирует, объясняет себя и к себе относится. Трансгуманисты (в их числе немало ученых) уверены в том, что правильно созданные и собранные вместе части мозга дадут успешный результат, то есть обусловят возникновение сознания. Сознание – информационный массив, хранимый мозгом, – можно будет без рисков извлечь и перенести на иной носитель. Обобщая, можно сказать, что трансгуманизм исходит из предпосылки «человек – это организация». Данная «формула» отсылает к известной дихотомии организма и организации, содержательно раскрытой Н. А. Бердяевым в статье «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)». Организм, по Н. А. Бердяеву,

³⁵⁶ Бостром Н. FAQ по трансгуманизму.

³⁵⁷ Sandberg A. Ethics of brain emulations.

рождается и тем самым изначально вплетен в ткань природной жизни. Организация, напротив, не рождается, но создается. Упоминание о данном различии, на первый взгляд, не вполне корректно: понятно, что трансгуманисты не могут не относить человека к форме органической жизни. Однако, помимо обозначенного свойства, организм также растет и развивается. Н. А. Бердяев считал, что организм не составляется из частей – он обладает целостностью, рождается целостным. Научная рациональность рассекает организм на части, составные элементы (причем «рассекает» и в буквальном смысле). В трансгуманизме человек состоит из модулей: один из модулей – мозг, другой модуль – сознание и т. д.

В контексте эволюции человек оценивается в качестве переходного звена. Однако представляют ли трансгуманисты ясно и отчетливо, между какими звеньями они расположили человека? Ответ на этот вопрос уже был дан ранее. По признанию Н. Бострома, о постчеловеческом мире нельзя ничего сказать. О нем нельзя ничего сказать, но при этом он, по мнению трансгуманистов, все-таки возникнет. В самом общем смысле будущее в представлении трансгуманистов можно маркировать термином «сингулярность». В программных документах и статьях «сингулярность» приобрела значение новой, грядущей эпохи. Ранее этот термин уже рассматривался в контекстах естественных наук и трансгуманизма.

По мнению одного из теоретиков искусственного интеллекта Э. Юдковски, развитие компьютерной индустрии окончательно и бесповоротно выйдет из-под контроля человека и не будет описываться т. н. «законом Мура». Грядущая эпоха Сингулярности ставит человека перед выбором: либо бросать все силы на разработку искусственного интеллекта (в таком случае могут сбыться опасения писателей-фантастов), либо модифицировать собственную природу. Второй сценарий кажется Э. Юдковски предпочтительным: «Улучшенный человек гораздо лучше сможет изобретать новые способы улучшения человека; он будет обладать “повышенной

способностью к изобретательству”. На что же он направит свои новые способности? На разработку следующего поколения улучшенных людей».³⁵⁸

Таким образом, развитие человека, что следует из идей Э. Юдковски, будет подобным развитию компьютеров. Переход в эпоху Сингулярности описывается следующими словами: «... перепрограммирование самого себя, чтобы стать умнее, перепрограммирование (с использованием своих новых умственных способностей), чтобы стать еще умнее, и так далее ad Singularitum»³⁵⁹. В представлении трансгуманистов, человек программируется. Прежде всего, это заметно уже на уровне лексики трансгуманизма: человек не должен *рождаться*, – он должен *«разрабатываться»*. Рождение является своего рода «пережитком» эволюции. Только конструирование, программирование, разработка человека выразят всю мощь человеческого интеллекта.

Человек не является высшей формой жизни, но именно он может осуществить уникальную миссию – сформировать единый космический вечный разум, не подвластный эволюционным законам и свободный от материи, разум, управляющий миром, преодолевающий галактики и создающий лучшие миры. Эту сверхзадачу трансгуманисты ставят, опираясь на идеи Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, П. Тейяра де Шардена и других космистов. Сегодня, как полагают трансгуманисты, найдены средство и среда формирования планетарного разума – это вычислительные мощности машин и виртуальная реальность. В качестве первого шага на пути к осуществлению этой идеи трансгуманисты и хотят отделить сознание от тела с последующей загрузкой сознания на небиологический носитель.

Трансгуманизм настойчиво проповедует идею о прозрачности и ясности человека. На пути к абсолютно полному знанию о человеке стоят

³⁵⁸ Юдковски Э. Вглядываясь в Сингулярность.

³⁵⁹ Юдковски Э. Вглядываясь в Сингулярность.

лишь некоторые временные, «технические» трудности. Пока телоголограмма (т. н. «аватар») не создано, однако вследствие решения технических проблем оно обязательно появится. То же касается и иных способов модификации человека. Современный человек может видеть самого себя в образах существ будущего – несущих конструкции трансгуманизма. Трансгуманисты сконструировали несколько образов предполагаемого «человека» будущего (будут ли эти гипотетические персонажи людьми – вопрос неоднозначный даже для самих трансгуманистов) – трансчеловека, постчеловека, неочеловека, е-существа и человека бессмертного (*homoimmortalis*). Экспликация обозначенных образов важна по нескольким причинам: во-первых, детальное рассмотрение несущих конструкций трансгуманизма позволит представить то, как трансгуманизм относится к человеку, а во-вторых, глубже разобраться в перспективах, которые видятся теоретикам новой гипотетической эпохи – эпохи Сингулярности. Трансгуманисты желают, чтобы эта эпоха наступила (и тогда вычислительные мощности машин окончательно перестанут поддаваться человеческой логике) и говорят о неизбежности ее наступления.

Разобрался ли человек со своими желаниями? Четко ли представляет себе действительно желаемые перспективы? Понимает ли свое место в мире? Достоин ли он положения биологической и информационной машины? На эти вопросы нельзя ответить средствами самого трансгуманизма, отбрасывающего «метафизику». Тем не менее, эти вопросы дают о себе знать, так как даже некоторые сторонники радикального изменения человеческой природы периодически вспоминают о проблеме самоидентификации человека: узнает ли себя человек после всех трансформаций? Сохранится ли в нем что-то человеческое? На повестке дня у трансгуманистов эпоха Сингулярности с автономным прогрессом. Знаменем этого прогресса будут, как предполагается, стремительно развивающиеся технологии (в первую очередь, искусственный интеллект). В

таком случае смысл – в самих технологиях, в их бесконечном развитии и совершенствовании? Технологии понимаются как нечто самодостаточное, как космическая сила, действующая по своим собственным законам. Будут ли стремительно развивающиеся технологии средством и средой формирования космического разума? На этот вопрос у самих трансгуманистов нет четкого ответа. Его и не может быть, так как дело касается уже не человеческой, а постчеловеческой истории. Так или иначе, человек интерпретируется как средство для появления новой – электронной – формы жизни. Формула гуманизма «относись к человеку как к цели, но никогда как к средству» фактически была существенно изменена – место человека заняли Сингулярность, искусственный интеллект и прогресс.

3.2. Телесная организация и духовный мир человека будущего в контексте инновационных стратегий преобразования человеческой природы

Начиная с появления Всемирной трансгуманистической ассоциации и Института экстропии как мировых информационных центров трансгуманизма и по сегодняшний день, когда идеи трансгуманизма вышли далеко за пределы США и Северной Америки, предметом особого внимания трансгуманистов было и остается человеческое тело. Именно телу посвящены практически все трансгуманистические работы, выступления на конференциях, презентации, проекты, идеологические документы (программы партий, манифесты). В первых рядах наук во второй половине XX в. оказались биология, информатика (кибернетика), нейрология, медицина и некоторые другие. В рамках каждой из обозначенных областей появляются все новые и новые науки и направления. Российский трансгуманизм, опирающийся, в частности, на идеи Н. Ф. Федорова, отбросил положения русского философа о «воскрешении отцов» и «супраморализме» и свел идею воскрешения человека исключительно к биологии и медицине. Обобщая, можно сказать, что трансгуманизм основывается на достижениях т. н. «НБИК-конвергенции»^{360 361 362}. В самом общем виде, НБИК-конвергенция является синтезом нанотехнологий с биологическими, информационными и когнитивными технологиями^{363 364}. Однако, почему именно эти технологии и связанные с ними области знания сформировали союз? Чем фундировано объединение конкретно этих наук и технологий? Ответ на этот вопрос дается в статье Д. И. Дубровского: «Суперпроект кибернетического бессмертия, как перспектива

³⁶⁰ Ковальчук М. В. Направление прорыва: конвергентные НБИК-технологии. С. 5-9.

³⁶¹ Лещев С. В. НБИК-конвергенция: стратегемы дифференцированного и синтетического развития нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий. С. 69-75.

³⁶² Евстафьев В. Ф. Инновации, научно-техническая информация и НБИК-конвергенция. С. 3-4.

³⁶³ Roco M. C. Science and technology integration for increased human potential and societal outcomes. PP. 1-16

³⁶⁴ Bainbridge W.S. Managing nano-bio-info-cogno innovations: Converging technologies in society. 390 p.

преобразования земной цивилизации, должен стать мощным экспериментальным творческим полигоном для успешного решения насущных жизненных задач ..., для реализации того колоссального потенциала, который несет конвергентное развитие НБИКС»³⁶⁵.

Иными словами, именно эти области знания и технологии сегодня имеют ресурс для перехода от «подражания» природе к созданию уникальной, исторически неизвестной формы жизни. Точнее, эта форма жизни, основанная на синтезе органического и неорганического, была ранее известна только по фантастической литературе. Создание формы жизни, не известной природе, знаменует процесс перехода от неуправляемой эволюции к «биотехнологической революции». Из всех известных человеку живых «систем» только сам *homo sapiens* может дать серьезный толчок рождению (созданию, конструированию) биомашинной жизни.

В фокусе внимания трансгуманистов находится тело, потому что оно должно вступить (точнее, уже вступает) в союз с неорганической природой – союз в виде непосредственного синтеза. Неорганические элементы фактически приживляются к телу, продолжают его или замещают органы и части тела. Причем возникновение новой формы жизни обусловлено не только решением известных проблем патологий и инвалидности. Трансгуманисты, конечно, часто акцентируют внимание на этой стороне дела: новые технологии реально помогают *исцелить* человека. Однако *исцеление* – это не единственная и, может быть, даже не приоритетная стратегия трансгуманизма. Если бы развитие медицины было единственной стратегией трансгуманизма, то он никогда не имел бы префикса «транс», не был бы известен манифестами и программами политических партий. Однако трансгуманизм – это не только научно-технический базис, но и идеологическая надстройка. Идеология трансгуманизма призывает к э(ре)волюционному скачку, к переходу человека на принципиально иной

³⁶⁵ Дубровский Д. И. Природа человека, антропологический кризис кибернетическое бессмертие // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. С. 252.

уровень существования, к становлению транс- и постчеловеком, е-существом, нечеловеком или *homo immortalis*. Претензии трансгуманизма обостряют вопрос о ценностных основаниях гуманоориентированной инновационной стратегии: ради чего человек должен вступить в союз с машиной? Ответы на этот вопрос разнятся и будут воспроизведены по мере содержательного раскрытия темы.

Таким образом, тело находится как бы в «центре» трансгуманима. Все трансгуманистические стратегии трансформации человеческой природы, в первую очередь, являются стратегиями трансформации тела человека. Эти стратегии еще не имеют четко определенных названий, однако, несмотря на это, попытка обозначения каждой из них представляется возможной. Общее в этих стратегиях заключается в том, что все они направлены на создание иной, не известной природе формы жизни. Под вопрос ставится существующее определение жизни и живого. Неизвестно, будет ли оно сохранять при этом свою силу, охватит ли оно эту новую форму?

Первая стратегия, известная по многочисленным медицинским разработкам и реализуемая на сегодняшний день, заключается в модификации биологического начала в человеке. Одним из прорывов в области биологии по праву считается появление генетики. Параллельно изучению живых организмов флоры и фауны человек исследовал собственные структуры ДНК. В ряде технологически развитых стран возникали т. н. «евгенические» проекты. В СССР, в частности, идеи улучшения человеческого рода разделял К. Э. Циолковский³⁶⁶. Главным образом, знания в области генетики стали активно применяться в медицине. Прежде всего, это касается практики пренатальной диагностики, генетического скрининга, суррогатного материнства, оплодотворения *in vitro* и т. д.³⁶⁷. Генетика позволяет выявлять и учитывать вероятностный характер

³⁶⁶Циолковский К. Э. Горь и гений. С. 27-40.

³⁶⁷Брызгалина Е. В. Генетика человека, социогуманитарное познание и практика. С. 144.

многих заболеваний³⁶⁸. Это означает, что человек в буквальном смысле может владеть информацией о своем будущем. Такого рода сведения – сведения о возможных и актуальных заболеваниях – потребуют «детализации этических требований к генетическому консультированию индивидов и семей»³⁶⁹. Общеизвестно, что потенциал генетики не ограничивается обозначенными способами применения имеющихся у человечества знаний. Одна из научных задач, с которой цивилизованное человечество фактически справилось, заключалась в полном описании генома человека. В 1990 г. стартовал международный проект «Геном человека». Руководители проекта ставили задачи картирования последовательности нуклеотидов и идентификации более двух десятков тысяч генов. В процессе работы над определением и обозначением генов возникли «дочерние» проекты (например, «Personal Genome Project»), направленные на секвенирование генома, т. е. на открытие структуры первичной макромолекулы^{370 371}.

В целом, проекты по определению генома человека преследуют медицинские цели (по крайней мере, эти цели декларируются). В отличие от биологов и медиков, трансгуманисты преследуют принципиально иные цели. Исследование и полная фиксация генома человека в трансгуманизме является рабочей задачей, предваряющей деятельность по воздействию на геном. В «Часто задаваемых вопросах по трансгуманизму» Н. Бостром писал о том, что одной из приоритетных задач цивилизованных людей является «генетическое улучшение» рождающихся поколений. На возможный аргумент о том, что это усилит социальное неравенство, Н. Бостром отвечал: «... это явление не будет чем-то совершенно новым: и сейчас богатые могут дать своим детям отличное образование, а те могут использовать такие инструменты, как информационные технологии и личные контакты, которые

³⁶⁸ Там же. С. 145.

³⁶⁹ Там же. С. 146.

³⁷⁰ Abyzov A. CNVnator: An approach to discover, genotype, and characterize typical and atypical CNVs from family and population genome sequencing. PP. 974-984.

³⁷¹ Petrovski S. Genic Intolerance to Functional Variation and the Interpretation of Personal Genomes // PLoS Genetics. 2013. №8 (9). PP. 134-152.

доступны только привилегированному классу»³⁷². О какого рода генетических «улучшениях» говорят трансгуманисты? И ради чего эти «улучшения» будут совершаться? Один из возможных ответов содержится в книге Д. Пирса «Гедонистический императив». Д. Пирс сформулировал т. н. «аболиционистский» проект, смысл которого заключался в искоренении страданий во всех живых существах (в первую очередь, в человеке). Д. Пирс рассматривает боль и страдания исключительно в физиологическом контексте и считает, что они детерминированы приспособлением генов к окружающей среде. Главная задача «аболиционизма» заключалась в замене факторов боли «градиентами» благополучия³⁷³. Жизнь без боли, страданий, борьбы за место под солнцем, обозначена Д. Пирсом как «постдарвинистский рай» («Post Darwinian Paradise»). Д. Пирс предлагал бросить все силы на развитие «генной терапии», направленной как на соматические клетки, так и на зародышевую линию. Кроме того, основатель Всемирной ассоциации трансгуманизма сформулировал не обоснованную на научном уровне идею «реинжиниринга фрагментов психонейронных схем»³⁷⁴. Речь идет ни о чем ином, как о «перестройке» мозга («revolutionary redesign of the mind / brain»)³⁷⁵. «Наше счастье – пишет Д. Пирс – будет химически и генетически улучшено с все большим мастерством и изяществом» ... несколько порочных триггеров необычайной злобности человека ... будут изгнаны навсегда»³⁷⁶.

Генетическая инженерия («genetic engineering»), по оценке американского трансгуманиста, захватит «небеса дизайна» («designer-heavens»). Это странное выражение можно довольно просто объяснить. Во второй половине XX в. в оборот вошло выражение «дизайн тела», не имеющий никаких четких терминологических рамок. Оно обозначало все, начиная от стандартных косметических процедур и заканчивая генетическим

³⁷²БостромН. FAQ потрансгуманизму.

³⁷³ Pearce D. The Hedonistic Imperative.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Там же.

вмешательством. Генетический «дизайн», по оценке Д. Пирса, дает многообещающие возможности: помимо ликвидации болезней и патологий, он позволит сохранять молодость, улучшить когнитивные способности, полностью контролировать эмоции.

Иранский футуролог Ф. Эсфендиари считал, что применение новых биологических технологий необходимо для создания принципиально иной формы жизни – т. н. «трансчеловека». Собственно, благодаря его книге «Are You a Transhuman?» («Вы трансчеловек?») сформировалось движение трансгуманистов. Биотехнологии и, в частности, репродуктивные технологии станут, по мнению Ф. Эсфендиари, настолько изощренными, что приведут к тому, что процессы зачатия и рождения будут происходить вне организма³⁷⁷. В руках медиков окажется инструментарий для прямого воздействия на «генетический материал». Например, Ф. Эсфендиари сформулировал идею т. н. «мозаичных» родов («mosaic births»), согласно которой зародыш может формироваться в результате соединения сперматозоидов различных доноров. При этом, конечно, у ребенка будет множество родителей. Гипотетического человека, рожденного таким образом, Ф. Эсфендиари назвал «гибридным» («hybrid baby»³⁷⁸). Иранский футуролог прогнозировал скорое наступление конца биологической специализации и традиционных методов зачатия и рождения. В ближайшем будущем, по его мнению, слова «мой ребенок» или «мои родители» будут лишены смысла и постепенно перестанут употребляться. Биологическая наследственность будет пережитком так же, как и политическая преемственность³⁷⁹.

Какие надежды возлагаются трансгуманистами на биотехнологии сегодня? Перспективными областями применения биотехнологий в 2000-х гг. были признаны геронтология и крионика. В России в 2010 г. разрабатывалась т. н. «Системная схема старения человека». Ранее, в 2003 г., была основана

³⁷⁷ FM-2030. Are You a Transhuman?

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ Там же.

первая на евразийском континенте компания, занимающаяся крионикой («КриоРус»). Обе области знания, в сущности, занимаются поиском эффективных мер и способов продления жизни человека. Согласно лаконичному определению В. В. Удаловой, крионика является практикой сохранения людей с помощью «сверхнизких» температур³⁸⁰. Крионизация является подготовительным этапом к репарации клеток и тканей, восстановлению клеток и функций организма. Собственно, никакой практики репарации (на желаемом трансгуманистами уровне) еще нет. Тем не менее, трансгуманисты ожидают прорыва в области генетики и клонирования (в том числе ликвидации законодательных барьеров). В самом общем виде, тот уровень репарации клеток и тканей организма, что ожидается, можно кратко охарактеризовать следующим образом: полное и быстрое восстановление *любых* частей человеческого тела, вне зависимости от характера повреждений или дефектов.

По мнению В. В. Удаловой, «современная медицина вплотную подошла к рубежу, за которым мы вправе ожидать серьезного увеличения продолжительности жизни»³⁸¹. Прогнозы такого рода не новы. Сама В. В. Удалова ссылается, например, на У. Эко, предполагавшего, что в ближайшие века человек сможет дожить до двухсот лет³⁸². Однако, российский трансгуманист и основатель компании «КриоРус» считает этот и другие подобные прогнозы принципиально ошибочными: «Как и во многих иных прогнозах, здесь не учитывается ... уже прогнозируемое влияние наномедицинских технологий, новых технологий обучения и воспитания, зарождающихся технологий управления когнитивными процессами»³⁸³. Достижения биотехнологической революции в областях терапевтического клонирования, клеточной терапии, практик имплантации и трансплантации приведут «к более высоким показателям ожидаемой продолжительности

³⁸⁰ Удалова В. В. Крионика и медицина.

³⁸¹ Удалова В. В. Увеличение продолжительности жизни: социальные изменения и прогнозы.

³⁸² Эко У. Говорите мне «ты», мне всего пятьдесят!

³⁸³ Удалова В. В. Увеличение продолжительности жизни: социальные изменения и прогнозы.

жизни уже через десятилетие»³⁸⁴. Иммутологи (И. В. Вишев, Г. Д. Бердышев, Б. М. Ханжин и др.) принципиально иначе, в сравнении с У. Эко, оценивают перспективы увеличения продолжительности жизни. Благодаря технологиям клонирования человека, пересадки частей тела, генной терапии и др., продолжительность жизни может быть кардинально увеличена – до тысячелетия и более. Такие смелые прогнозы органично вписываются в дискурс иммутологии, пропагандирующей, во-первых, борьбу за вечную молодость, а во-вторых, борьбу с т. н. «смертнической парадигмой»³⁸⁵. Иммутологи определенным и характерным образом относятся к культурному наследию прошлого: многовековая культура цементируется смирением перед смертью, принятием ее в качестве необходимости: «Вся человеческая история до сих пор – это история смертных»³⁸⁶. В отличие от геронтологии, изучающей феномен старости и разрабатывающей способы и средства продления жизни, иммутология концентрируется на принципиально иной проблеме: как возможно достижение «практического», «реального» (И. В. Вишев) бессмертия человека? «Практическое» бессмертие противопоставляется при этом религиозному догмату о загробной жизни, а также всем мистическим, спиритическим учениям, идеалистической философии, основывающимся на вере в потусторонний мир. В отличие от геронтологии, генетики и других биологических наук, иммутология имеет коннотативную надстройку. Она, во-первых, формируется доводами в пользу практического бессмертия, пропагандой бессмертия как абсолютной ценности, а во-вторых, доводами в пользу преобразования человека в «Номо Immortalis». Именно эта дискурсивная конструкция является своего рода «визитной карточкой» иммутологии.

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Вишев И. В. Современная научная революция: переход от смертнической парадигмы к парадигме бессмертнической. С. 112-116.

³⁸⁶ Вишев И. В. Время вызова старению и смерти. С. 113.

Иммортологи скептически относятся как к биологической стратегии (клонированию), так и к стратегии цифровизации человека³⁸⁷. Практика клонирования (имеется в виду не терапевтическое клонирование, а клонирование человека), оцениваемая в качестве средства достижения «реального» бессмертия, не состоятельна потому, что не обеспечивает продления жизни самого человека, а лишь создает «дубликаты». Цифровизация, по мнению И. В. Вишева, приведет к созданию «Е-существа», которое вряд ли будет человеком. Цифровизация позволит создать продукт, который «представляет собой лишь весьма совершенный робот с перезаписанной в электронный мозг личностной информацией».³⁸⁸ Homo Immortalis рождается средствами терапевтического клонирования, обеспечивающего стареющее тело «запчастями» (выражение И. В. Вишева). Эти «запчасти» необходимы исключительно для того, чтобы «обновлять» и «омолаживать» организм³⁸⁹. К терапевтическому клонированию должна быть добавлена практика т. н. «ювенации», то есть комплекс мер и способов омоложения организма и продления жизни³⁹⁰. В нее входят как длительные и сложные медицинские процедуры (теломеразная терапия, предотвращение дисгармонизации гомеостатических систем), так и сравнительно простые и повседневные процедуры (например, особые способы приема пищи и питья). Естественно, радикальному продлению жизни должны способствовать и гипотетические манипуляции с геномом. В 2012 г. ученые получили Нобелевскую премию за открытие т. н. «плюрипотентных» клеток, т. е. «незапрограммированных», не имеющих четко определенных функций («специализации»³⁹¹). Иными словами, у цивилизованного человечества появилась возможность разработать технологию по восстановлению поврежденных и замещению утраченных

³⁸⁷ Вишев И. В. Homo Sapiens на пути к Homo Immortalis.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Вишев И. В. Иммутология: наука о бессмертии: философско-антропологический аспект. С. 110.

³⁹¹ Нимер С. Н. Стволовые клетки (обзор литературы). С. 46-51.

клеток. Одна из приоритетных задач цитологии заключается в том, чтобы создавать линии т. н. «бессмертных», или индуцированных стволовых клеток. Разработка этих линий, по оценке А. В. Корель и С. Б. Кузнецова, «открывает огромные перспективы для регенеративной медицины»³⁹². Естественно, регенерации могут быть подвержены не только дефектные, но и здоровые клетки.

Homo Immortalis, таким образом, может появиться, согласно оценкам иммутологов, в результате прогресса в биотехнологиях и, прежде всего, совершенствования манипуляций с телом на клеточном уровне. Сформулированная И. В. Вишевым концепция «иммортигуманизма» основывается на положении, что жизнь является абсолютной ценностью. О какой жизни, однако, ведется речь? Уверенно можно сказать, что жизнь понимается иммутологом в духе материалистического учения Ф. Энгельса. «Практическое», «действительное» бессмертие – это физическое бессмертие, или бессмертие тела. В конечном счете, бессмертие тела конституируется активностью на клеточном и субклеточном уровнях. Фактически в научных работах И. В. Вишева и других иммутологов не дается обоснования утверждению о жизни как об абсолютной ценности. Это положение, по видимому, претендует на статус аксиомы: «... человеческая жизнь способна обрести свой смысл, причем поистине глубочайший и высочайший, именно в случае устранения “факта смерти” человека... Высший смысл жизни человека – сохранить ее, увековечить, придать ей тем самым подлинную, а не декларативную, бессильную, мнимую и даже лицемерную, – самооценку»³⁹³. Кроме того, подвергается критике идея социокультурного бессмертия, согласно которой после физической смерти человек продолжает жить в памяти потомков. Социокультурное бессмертие рассматривается иммутологами не как бессмертие в «собственном смысле слова», а скорее

³⁹² Корель А. В. Направленное перепрограммирование соматических клеток: преимущества и недостатки индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (обзор литературы). С. 21-29.

³⁹³ Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. С. 227.

как аллегория³⁹⁴ ³⁹⁵. О том, что касается духовного измерения Homo Immortalis, дискурс иммортологии практически ничего не говорит. Отдельные немногочисленные реплики по поводу духовного измерения представляют собой «приложение» к главной теме – «практическому» бессмертию. По существу, все, что можно узнать о духовной жизни Homo Immortalis, выражается парой суждений: человек будущего – это не бесчувственный робот, но существо со своими радостями, страхами и смыслами; духовная жизнь Homo Immortalis, конечно, не может не претерпеть каких-то значительных изменений, в сравнении с жизнью смертного человека³⁹⁶. Резюмируя немногочисленные суждения о духовной жизни Homo Immortalis, И. В. Вишев утверждал, что «практическое» бессмертие является ключом к подлинно счастливой жизни, так как открывает человеку путь к неограниченным возможностям. Распространенное мнение о том, что бессмертие может вызвать деструктивные реакции (прежде всего, скуку или депрессию), отвергается. По мнению И. В. Вишева, бессмертие дает возможности для реализации любых целей, ничем не ограниченного творчества, смены деятельности и свободному от рутины труду³⁹⁷.

О фигуре неочеловека – изобретении Д. И. Ицкова, возглавляющего общественное движение «Россия 2045», – нельзя многое утверждать с определенностью. Этот образ возник в сравнительно небольшом документе «Заповеди жизни неочеловека». Во второй «заповеди» автор пишет, что неочеловек подчиняет свою жизнь единственной великой цели – бессмертию. Он должен двигаться к этой цели, отказываясь от всех земных радостей и побеждая в борьбе с телесной природой, «утверждать дух и разум над телом и материей»³⁹⁸. По всей видимости, «неочеловека» Д. И. Ицкова можно

³⁹⁴ Беляев Д. А. Инварианты бессмертия и феномен сверхчеловека в контексте эволюции культуры. С. 28

³⁹⁵ Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. С. 82.

³⁹⁶ Там же. С. 234.

³⁹⁷ Там же. С. 245.

³⁹⁸ Ицков Д. И. Заповеди жизни неочеловека.

считать переходной формой между человеком и «космическим сверхчеловеком». Космический сверхчеловек, если следовать логике автора «Заповедей», родится в результате окончательной победы неочеловека над «телесной природой». «Заповеди» не говорят ни слова о том, как это может произойти. В образе неочеловека есть черты, заимствованные Д. И. Ицковым из мифологического и религиозного дискурсов: неочеловек, по мнению автора, откажется от «земных радостей», он – «новый Прометей», бескорыстно служащий счастливому будущему. Неочеловек будет «подвижником», способным воплотить глобальные замыслы, и он не станет искать «обывательского» счастья. Остается лишь догадываться, считает ли кто-то из членов общественного движения «Россия 2045» самого себя неочеловеком. На основании содержания «Заповедей» можно сделать вывод, что неочеловек противопоставлен человеку, прежде всего, на основании ценностей и идеалов: человеческая корысть и расчетливость против неочеловеческого подвижничества, национализм против космополитизма, обывательское счастье против стремления к надындивидуальным ценностям, привязанность к своей семье, месту работы, образу жизни против безграничной свободы самореализации.

Биотехнологии на сегодняшний день открывают перед человеком невиданные ранее перспективы. Человек может искусственно воздействовать на собственные эмоции, вмешиваться в процессы зачатия и рождения ребенка, корректировать геном, перестраивать организм на клеточном и субклеточном уровнях. Однако, наряду с «биотехнологизацией» человека, существуют и иные инновационные стратегии. Одна из них направлена на модификацию тела посредством вживления неорганических элементов, а другая – на отказ от физического тела. Первая из обозначенных стратегий ориентирована на создание биомеханического тела. Исторически эта стратегия берет свое начало с практики протезирования. Эта практика, в свою очередь, уходит корнями еще в эпоху Античности. Протезы выполняли

функцию возмещения утраченных конечностей (обычно во время войн или стихийных бедствий). На сегодняшний день протезирование выполняет ту же функцию, однако осуществляется уже на принципиально ином технологическом уровне. В 1960 г. публицисты М. Clynes и N. Kline опубликовали статью «Киборги и Космос» («Cyborgs and Space»), в которой впервые употребили термин «киборг»³⁹⁹. Космические исследования в 1960-х гг. имели широкую огласку и финансировались мировыми державами. Более того, успехи человечества на пути изучения космоса породили волну фантастической литературы на соответствующую тему. Как в науке, так и в массовой культуре, обсуждался вопрос о колонизации планет и готовности человека к подобным предприятиям. Авторы статьи предположили, что эффективность освоения планеты будет прямо зависеть от того, насколько человек подготовлен к этому освоению. Безосновательно, по их мнению, ожидать «милости» от чужих планет – человеку необходимо решительно меняться самому. М. Clynes и N. Kline утверждали, что ключом к эффективному решению проблемы адаптации человека в условиях космоса является замена органов человеческого тела на систему искусственных органов. Очевидно, что киборгизация была призвана решать не медицинские задачи по оздоровлению организма или восстановлению утраченных частей тела. Замена органов искусственными элементами представлялась авторам необходимой для решения проблемы адаптации человека к тяжелым условиям (по замыслу М. Clynes и N. Kline, вообще к любым условиям) – экстремально высоким и низким температурам, низкому и высокому давлению, гравитации, ландшафту и почве, природным катаклизмам и т. д. Если во времена написания статьи М. Clynes и N. Kline и «Манифеста киборгов» Д. Харауэй киборги были «порождением вымысла» (по выражению Д. Харауэй⁴⁰⁰), то сегодня они вполне могут стать реальностью. По мнению О. И. Елховой, компьютеризация, создание виртуальной

³⁹⁹ Clynes M. Cyborgs and Space.

⁴⁰⁰ХарауэйД. Манифесткиборгов.

реальности и некоторые другие процессы низводят человека до уровня гаджета. Развитие нанотехнологий существенно ускорит превращение человека в киборга⁴⁰¹.

Трансгуманизм оценивает киборгизацию как одну из приоритетных стратегий трансформации природы человека. Собственно, в исторически первой работе – «Are You a Transhuman?» FM-2030 – на киборгизацию сделана большая ставка. Трансчеловек – переходная форма жизни между человеком и постчеловеком (по Н. Бострому) изображен как киборг. В еще не переведенной на русский язык работе иранского футуролога содержится тест, позволяющий, по задумке автора, определить, является ли читатель книги трансчеловеком. Тест состоит из десяти вопросов, на которые необходимо давать односложные ответы⁴⁰². Ясно, что если трансчеловек по версии FM-2030 и существует, то только на страницах научной фантастики или в кинофильмах. Однако далеко не все известные персонажи фантастических книг и кинолент смогли бы пройти вышеприведенный тест. Благодаря тесту вырисовывается образ трансчеловека: это бесполое или двуполое существо с имплантатами, датчиками и мониторами, регулирующими все процессы в организме (начиная от метаболизма и заканчивая эмоциональным состоянием человека). Предпоследний вопрос теста отсылает к популярной в то время в науке и фантастике теме космической экспансии, колонизации других планет. Наконец, из содержания заключительного вопроса следует, что трансчеловек как синтез органического и неорганического начал (при контроле второго над первым) может «воскреснуть» после «смерти». Вероятно, оба этих слова следует взять в кавычки, так как не вполне ясно, применимо ли слово «смерть» к существу, описанному Ф. Эсфендиари.

FM-2030 считал, что преобразование в трансчеловека не сможет произойти только средствами технологий. Становление трансчеловеком

⁴⁰¹Елхова О. И. Cyborg as a result the process of human evolution. С. 118.

⁴⁰² FM-2030. Are You a Transhuman?

требует особого мировоззрения. Из составленных автором тестов следует, что человеку, стремящемуся перейти на новый уровень существования, необходимо мыслить глобально и отодвинуть на второй план все личные или корпоративные ценности. В тесте содержатся, например, следующие вопросы: сколько мировых газет вы читаете ежедневно? Сколько вы читаете популярных научных журналов? Как часто вы используете компьютер для доступа к информационно-поисковым службам? Страдали ли вы когда-нибудь от информационной перегрузки? Все вопросы теста, так или иначе, ориентированы на определение положения человека в условиях информационного века. Ф. Эсфендиари в послесловии к тесту акцентирует внимание только на одной – адаптивной – функции информации: «Нам нужна информация, чтобы не отставать от неистовства перемен»⁴⁰³.

FM-2030 выражал специфическое (впрочем, широко распространенное) отношение к информации: значима только та информация, что отображает существующее положение дел в мире. Не случайно в тесте содержатся вопросы о современных газетах, телевидении, кинематографе, политических сводках и т. д. На страницах «AreYouaTranshuman?» есть тест с соответствующим послесловием, выражающим отношение футуролога к накопленному поколениями творческому опыту (у FM – «информации о прошлом»): «В этих старых произведениях искусствасовсем не много инноваций и оригинальности»⁴⁰⁴. На «старом» искусстве М. Эсфендиари ставит своеобразное «клеймо»: оно удовлетворяет ностальгию. Не трудно заметить, что для трансгуманизма, как и для прогрессистских идеологий вообще, характерна, как правило, негативная оценка культуры прошлого. Прошлое, в лучшем случае, готовит почву для подлинно значимых дел. Однако, в значительной степени, прошлое препятствует прогрессу и тянет человека «назад».

⁴⁰³ FM-2030. Are You a Transhuman?

⁴⁰⁴ FM-2030. Are You a Transhuman?

Трансчеловек, согласно убеждению М. Эсфендиари, не должен преследовать партикулярные цели. Он будет обладать «глобальным» и даже «космическим» мышлением. Обстоятельного разъяснения этого тезиса у футуролога нет, однако, он противопоставляет «глобальное» и «космическое» мышление мышлению современного человека, критикуя последнего за непонимание значимости глобальной интеграции. Существующие межгосударственные объединения являются важным шагом на пути глобализации. Косвенно, на основании содержания одного из тестов, можно узнать, что же М. Эсфендиари подразумевал под «глобальным» мышлением. Во-первых, глобально мыслящий человек не должен быть патриотом (для футуролога патриотизм тождествен «привязанности» к стране⁴⁰⁵). Патриотизм проявляется в обиде или агрессии в ответ на критику в адрес родины, в гордости за победу государства в войне, в международном спортивном состязании и т. д. В одном из вопросов теста происходит переключение смысла: слово «патриотизм» заменено на «национализм». Образ «глобально» мыслящего человека складывается из отдельных фрагментов: человек, осуществляющий длительные путешествия, читающий иностранные газеты, имеющий друзей за рубежом, связанный с международными организациями, осознающий значимость транснациональных корпораций и т. д., мыслит «глобально», в отличие от патриотов-националистов.

Помимо глобального мышления, М. Эсфендиари оперировал содержательно не проясненным оборотом «космическое мышление». Довольствуясь отдельными примерами, можно, однако, понять, какой смысл автор вкладывал в эти слова. «Космическое мышление» де-факто конституируется общими знаниями по астрономии (в тесте есть вопросы типа «что такое “сверхновая”?» или «что такое “Фобос” и “Деймос”?»), пристальным наблюдением за космическими открытиями и экспедициями,

⁴⁰⁵ FM-2030. Are You a Transhuman?

скептическим отношением к мистике (например, ажиотажа вокруг мифов об НЛО), а также социальной активностью. По поводу последней М. Эсфендиари задавал вопросы, требующие односложных ответов: «Состоите ли Вы в какой-либо “космической” организации?»; «Поддерживаете ли Вы проекты по колонизации космического пространства?» и т. д.

Трансчеловек, в представлении М. Эсфендиари, является продуктом синтеза органических и неорганических элементов. Эта стратегия – стратегия синтеза, *прижизнения* и *вживления* – доводится в трансгуманизме едва ли не до логического конца: органическое в человеке смертно, разложимо, подвержено старению, подвержено деформациям, а неорганическое, напротив, долговечно, прочно и стабильно. Из этого спорного тезиса следует, что все органическое в человеке в пределе должно быть заменено неорганическим. Памятуя о «парадоксе Тесея», можно сформулировать вопрос о человеке: до какого предела можно заменять его органы? Есть ли вообще этот предел? Во всяком случае, на эти «метафизические» вопросы трансгуманисты уверенно дают ответ: сознание человека можно отделить от мозга без ущерба для личности.

Наконец, в 90-е гг. прошлого века возникла стратегия отделения сознания от мозга с последующим размещением сознания на небιологическом носителе или в виртуальном пространстве. Тема «загрузки», или «переноса» сознания была представлена в кинематографе («Газонокосильщик», «Темный город») и фантастической литературе («Полдень, XXII век» А. и Б. Стругацких, «Зимний рынок» У. Гибсона). Ранние трансгуманисты (Д. Пирс, Н. Бостром, М. Мор) стали говорить о «загрузке» как об осуществимом в ближайшем будущем комплексе процедур. В оригинальном тексте «Часто задаваемых вопросов» Н. Бострома пользовался термин «uploading», определенный как «процесс передачи *интеллекта* [курсив мой – А. Д.] из биологического мозга в компьютер (в оригинале – «process of transferring an intellect from a biological brain to a

computer»⁴⁰⁶). Одним из способов реализации этой цели может быть, согласно Н. Бострому, сканирование синаптической структуры головного мозга. Другой способ, предложенный Н. Бостромом, заключался в постепенной замене нейронов компьютерными симуляциями или имплантатами. Вопрос технической осуществимости этих предложений в «FAQ по трансгуманизму» не обсуждается. В переводе «Часто задаваемых вопросов», сделанном российскими трансгуманистами, слово «интеллект» было заменено «сознанием». Причины такой замены не ясны, однако в российском трансгуманизме словосочетание «загрузка сознания» стало широко употребляться. Н. Бостром обозначил и виды гипотетической «загрузки»: в результате «деструктивной (destructive) загрузки» мозг (оригинал) разрушается, а при «недеструктивной (non-destructive) загрузке» сохраняется⁴⁰⁷. Из рассуждений Н. Бострома о «загрузке» непосредственно следует, что человеческое тело никаким образом не участвует в формировании личности. На вопрос, что такое «виртуальное тело», трансгуманисты не дают ответа. Virtual body невозможно анализировать. Для анализа физического тела у ученых есть соответствующий инструментарий. Физическое тело «раскладывается» наукой на «атомы» – клетки и субклеточные структуры. Что же можно сказать о виртуальном теле? Из каких «атомов» оно состоит? Реагирует ли оно на внешнюю среду? Какова эта внешняя среда? Все эти вопросы, а также главный из них, – сохранится ли человек – пока остаются без ответов. По оценке Н. Бострома, идея «загрузки» привлекательна в среде трансгуманистов по одной причине: uploading приведет к вечной жизни и избавит от необходимости переживать старость и умирать. «Загрузка» позволит создавать резервные копии «загруженного» информационного контента (трансгуманисты называют этот контент «личностью») и тем самым будет обеспечивать бессмертие «виртуального тела».

⁴⁰⁶ Bostrom N. The Transhumanists FAQ.

⁴⁰⁷ Bostrom N. The Transhumanists FAQ.

Благодаря работам Н. Бострома, Д. Пирса, М. Мора, и др. в научный оборот вошел термин «постчеловек», ставший своеобразной визитной карточкой зарубежного и российского трансгуманизма. В подавляющем большинстве научных (в том числе критических) публикаций, посвященных тематике трансгуманизма, фигурирует именно этот термин. О постчеловеке, вместе с тем, написано одновременно много и мало. Все, что говорит о нем, например, сам Н. Бостром, укладывается в пару суждений: во-первых, постчеловек появится в результате «загрузки» сознания на небиологический носитель; во-вторых, он будет «полностью искусственным интеллектом». Второе суждение не может не вызвать вопроса о том, чем же постчеловек в таком случае будет отличаться от робота или самообучающейся компьютерной программы. Н. Бостром ссылается на мнение, будто постчеловеком можно стать, решительно пересмотрев какие-либо «слишком человеческие» ценности. Шведский трансгуманист отвергает это мнение за «психологизм»: «Изменения, необходимые для того, чтобы сделать нас постчеловеческими, слишком глубоки, чтобы их можно было достичь посредством изменений в психологии и самооценке. Необходимы радикальные технологические модификации нашего мозга и тела»⁴⁰⁸. Постчеловек, по оценке Н. Бострома, откажется от физического тела и будет существовать в качестве «информационного паттерна» («information pattern») в глобальной или даже космической информационной сети. В завершении рассуждений о постчеловеке автор советовал воздержаться от спекулятивных гипотез и концепций на эту тему. Иными словами, не следует и пытаться вообразить себе то, каким будет постчеловек. Последнее предостережение выглядит странным: во-первых, сам Н. Бостром не ограничивает себя в предположениях, а во-вторых, постчеловек в действительности является дискурсивной конструкцией и, как уже говорилось, «визитной карточкой» мирового трансгуманизма. Следует оговориться, что трансгуманисты не

⁴⁰⁸ Bostrom N. The Transhumanists FAQ.

рассматривают постчеловека как дискурсивную конструкцию – он обязательно свершится, он есть то, к чему движется технологический прогресс.

Виртуальный человек обретет «электронное бессмертие» (А. А. Болонкин). Для этого, по мнению А. А. Болонкина, создателя другой дискурсивной конструкции («Е-существа»), необходимо записать всю историю жизни человека на чипы. После биологической смерти размещенную на чипах информацию можно загрузить в банк данных искусственного интеллекта. Впрочем, не будет необходимости дожидаться физической смерти – сменить среду обитания и облик можно и гораздо раньше. А. А. Болонкин оценивал электронное бессмертие как «единственный приемлемый для человечества выход из тупиковой ситуации». По мнению американского ученого, человечество, отказавшись от конструирования искусственного интеллекта и электронного бессмертия, непременно окажется в рабстве у высших космических цивилизаций⁴⁰⁹. Страх перед экспансионистской политикой неких космических сверхдержав должен дать толчок новой технологической революции – последней революции в истории человечества. Электронное бессмертие может стать панацеей от внезапного наступления прогрессивных сил. В работах А. А. Болонкина, как и в других трансгуманистических трудах, воспроизводится популярная идеологема, содержащаяся во многих декларативных документах: нужно реализовать определенную идею, так как в противном случае возникнет хаос; только реализация этой и никакой другой идеи спасет от беспорядка.

С развитием науки человек смог посмотреть на себя другими глазами и увидеть в самом себе не божественное творение, не некое «метафизическое таинство», а сложное техническое изобретение (Ю.Н. Харари), состоящее из

⁴⁰⁹ Болонкин А. А. Природная цель человечества – стать Богом.

огромного числа клеток и субклеточных структур. Во второй половине XXв. уровень развития естественнонаучных областей знания и технических наук открыл большие возможности для экспериментирования человека над самим собой. В 90-х гг. на Западе (прежде всего, в США) оформились идеи трансгуманизма – системы воззрений на эволюцию и место человека в мире. Согласно одному из фундаментальных постулатов трансгуманизма, *homo sapiens* является вершиной эволюции. Однако, естественно-эволюционным путем не может возникнуть существо, превосходящее человека. Все «несовершенства» человека не позволяют признать его венцом этой самой эволюции. Невзирая на это, трансгуманисты убеждены в том, что человек может осуществить миссию по созданию космического разума и полностью контролировать материю и материальные процессы. Трансгуманисты пришли к выводу, что человек должен взять эволюцию в свои руки и управлять ей. Только так он может получить «доступ» к Вселенной, взломать ее «шифры» и влиять на космические процессы.

Для реализации этой глобальной цели необходимо, чтобы человек принципиально изменился и, прежде всего, отказался от эволюционного «наследства». Главным образом, это «наследство» заключается в старении и смерти. В трансгуманизме, опирающемся на достижения естественных и технических наук, оформились инновационные стратегии, ориентированные на преодоление «непреложных» законов природы. Каждая из этих стратегий предполагает определенный путь качественного преобразования человека. Условно эти стратегии можно обозначить следующим образом: 1. Модификация генома человека; 2. Создание биомеханического тела; 3. Отказ от физического тела. Первая стратегия реализуется посредством использования достижений в генетике, иммунологии, нейрологии и др. наук. Некоторые крупномасштабные проекты (например, «Геном человека») были направлены на получение исчерпывающей информации о субклеточных структурах тела и предполагали последующие манипуляции на

молекулярном уровне. Большие надежды в рамках первой стратегии возлагаются на открытие плюрипотентных и стволовых клеток. Это должно обеспечить возможность регенерации тканей и органов, постоянного омоложения организма, а в пределе – бессмертия.

Вторая стратегия предполагает иной путь к бессмертию человека. Она ориентирована на синтез биологического начала и механических элементов, известный в современной науке под термином «киборгизация». В отличие от протезирования, киборгизация не ориентирована на возмещение утраченных физических возможностей и замену поврежденных органов – она направлена на многократное увеличение способностей человека.

Третья стратегия, в отличие от предыдущих, связана с отказом от физического (как биологического, так и биомеханического) тела и направлена на создание виртуально-сетевого, или цифрового «тела». Трансгуманисты предполагают осуществить «цифровизацию» человека путем сканирования памяти, фиксации жизни на небιологических носителях (чипах) с последующей «загрузкой» (uploading) информационного контента в виртуальную среду. «Цифровизация» позволила бы существовать в сетевом пространстве и осуществлять неограниченное копирование информационного контента. Эта стратегия, в отличие от предыдущих, не имеет научного обоснования. Столь же безоснователен фундаментальный постулат трансгуманизма о возможности отделить сознание от мозга. В границах обозначенной стратегии личность редуцирована до информационного объема, а человек – до «содержимого» мозга. Общий пафос всех перечисленных стратегий связан с идеей бессмертия. Бессмертный человек (или некое новое, неизвестное существо) в этом будет фактически приравнен к Богу. Путь к сверхчеловеку в трансгуманизме – это путь технологический. Не сам человек, преодолевая себя настоящего, постоянно держа себя в состоянии внутреннего напряжения, перешагивая свои границы, идет по пути к сверхчеловеческому, доказывая себе, что он

человек. Фактически он расписывается в том, что вверяет себя науке и технологиям, чтобы они сделали его почти Богом. При этом божественное, сведенное к бессмертному, есть не что иное, как культурная редукция. Человек создал себе богов (или принял и поверил, что они есть), чтобы быть человеком, преодолеть свою ограниченность, относительность, конечность, свое несовершенство. Это было культурное усилие и культурное достижение. Человек верит в то, что сам сможет обеспечить себе качество бога. Человек согласился с тем, что бог умер. Бог отменен, а это значит, что нет никаких высших ценностей, никакого универсального регулятива. В том числе, у человека развязаны руки и в отношении к самому себе.

3.3. Социокультурное бытие человека будущего в трансгуманизме и иммертологии

Существование личности опосредовано социокультурной реальностью. В свою очередь, социокультурная реальность – это сфера устойчивого развития личности. Мир человека – это и им самим созданный внешний мир, в котором социокультурно опосредованные элементы его природы можно выявлять. В конце XX века цивилизованное человечество провозгласило рождение «постиндустриального» общества^{410 411 412}. Человек оказался в принципиально новой социокультурной реальности. В книге «Революционное богатство» Э. Тоффлер использовал метафору автострады для того, чтобы показать, как именно изменилась ситуация в странах «первого мира» и что произошло с социальными институтами и людьми⁴¹³. Для современного мира характерны высокие скорости политических, экономических, социальных и культурных перемен. Наряду с социальными и культурными переменами возросли горизонтальная и вертикальная социальная мобильность. Человек сегодня далеко не всегда имеет прочный социальный статус (а то и не имеет определенного социального статуса вообще), вынужден заниматься различной профессиональной деятельностью, обладать так называемыми «soft skills» («мягкими навыками»), постоянно совершенствовать свои знания и умения. В противном случае, он может не «успеть» за ускоряющимися реалиями и оказаться на обочине. В информационную эпоху, по словам Э. Тоффлера, появились свои «лидеры» и «аутсайдеры». Первые (например, крупные бизнес-корпорации) не только успевают за переменами – они и делают перемены. Вторые (в их число Э. Тоффлер включил систему образования) пытаются догнать лидеров, чтобы

⁴¹⁰ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. 790 с.

⁴¹¹ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. 608 с.

⁴¹² Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. 304 с.

⁴¹³ Тоффлер Э. Революционное богатство. 569 с.

хоть как-то соответствовать духу времени, однако очень часто сходят с дистанции.

Современный мир развивается под флагом информационной реальности со всеми ее «составляющими»: компьютеризацией всех сфер общественной жизни, сотовой связью, Интернетом, спутниковым телевидением и т. д.⁴¹⁴. Это, с одной стороны, способствует тому, что мир становится «прозрачным» (метафора Д. Брина⁴¹⁵), а информация делается общедоступной. С другой стороны, человек дезадаптируется в ситуации высоких скоростей и больших информационных массивов.

В постиндустриальную эпоху возникла парадоксальная ситуация: наряду с унификацией рынка, экономик различных стран, наблюдается глубокая социокультурная разобщенность как между народностями, нациями, политическими образованиями, так и внутри общества⁴¹⁶. Социокультурные процессы, происходящие в современном мире, способствуют разрушению традиционных норм, побуждают личность к переоценке традиционных ценностей, к выбору новых жизненных ориентиров. Эти жизненные ориентиры уже не задаются государствами в форме общественных идеологий, что существенно затрудняет поиск. В некотором смысле, предлагаются даже не ориентиры, а рецепты – предписания определенных действий. В постиндустриальном обществе, в ситуации «полифонии» (метафора Р. Барта⁴¹⁷), рецептов слишком много – так много, что уже сам процесс выбора невероятно труден. В отличие от ориентира – указателя на возможность – рецепт представляет собой методику, прямо указывающую «как» возможно (и следует) достигать ту или иную цель. В ситуации, когда нет четких ориентиров, нет возможности адекватного, продуманного и ответственного выбора рецептуры.

⁴¹⁴ Кириллова Н. Б. Компьютерный интеллект и власть «виртуальной реальности» в социокультурном бытии современного человека. С. 28.

⁴¹⁵ Брин Д. Прозрачное общество.

⁴¹⁶ Плешивцева Е. Ю. Социокультурный континуум бытия человека. С. 5-6.

⁴¹⁷ Барт Р. От произведения к тексту. С. 414.

Кроме того, происходит утрата духовных оснований бытия человека, который все больше ориентируется на «иметь», на обогащение, комфорт и потребление. Более того, важно не только (и нередко даже не столько) иметь, но и казаться (не случайно во второй половине XX в. в обиход вошли понятия «символического капитала» и «имиджа»). Социокультурное бытие современного человека во многом определяется отсутствием духовно-нравственных идей и идеалов, способствующих обретению человеком целостности⁴¹⁸. «Симптомами» современности являются кризисы адаптации и самореализации личности. В аспекте культуры происходит ценностная дезориентация, ценностный конфликт поколений и на уровне личности, кризис самоидентификации.

Часто в научной литературе кризис адаптации рассматривается в двух аспектах: профессиональном и возрастном (поколенческом)^{419 420 421 422}. В современном мире, однако, проблема дезадаптации человека к социально-экономическим, политическим, культурным условиям касается всех, вне зависимости от возрастных особенностей и профессиональной принадлежности. Кризис адаптации обусловлен интенсивностью социальных перемен, отсутствием стабильности, и, вследствие этого, неуверенностью в ближайшем будущем. Деструктивное проявление кризиса дезадаптации Э. Тоффлер назвал «футурошоком». По мнению Э. Тоффлера, футурошок возник потому, что для многих людей будущее «наступило слишком быстро»⁴²³. В эпоху «футурошока» все труднее идентифицировать человека по профессиональным, религиозным, возрастным и даже половым признакам. Так же трудно идентифицировать человека по политическим и

⁴¹⁸ Шульгина И. А. Социокультурное изменение личностного бытия в современной России: философский анализ. 169 с.

⁴¹⁹ Горелова Г. Г. Личностные проявления профессионального кризиса у работников госбюджетной сферы. С. 5-9

⁴²⁰ Зобнина Т. В. Исследование кризисных ситуаций в профессиональной жизни человека. С. 33-37.

⁴²¹ Жигинас Н. В. Психология кризиса идентичности студентов: персонологическая концепция, феноменология, медико-психологическое сопровождение. С. 22-23.

⁴²² Середина Н. В. Особенности процесса адаптации студентов первого курса к обучению в вузе. С. 51-54.

⁴²³ Тоффлер Э. Шок будущего. С. 20.

любим другим убеждениям. Человек стал «модульным», мгновенно перестраиваемым. Оценка «модульности» вряд ли может быть однозначной: с одной стороны, «модульный» человек не способен идентифицировать себя, а с другой стороны, он эффективно адаптируется к социальным переменам и даже нередко получает от неопределенности определенную выгоду.

В условиях «ускорившегося» времени, интенсивных перемен, «футурошока», самореализация личности существенно затруднена объективно существующими условиями, реалиями, нередко препятствующими таким способам самореализации, которые соответствовали бы подлинному желанию человека. В результате общество получает человека, безразлично или даже враждебно относящегося к своему собственному роду деятельности, образу жизни и т. д. Кризис самореализации может быть обусловлен и отказом человека от попыток самореализации, продиктованных страхом перед социальными, техническими, технологическими, культурными и иными переменами. Эпоха инноваций диктует особые правила поведения и предписывает особый образ жизни, описанные еще Э. Тоффлером: дефицит времени не позволяет уделять все внимание какой-то определенной и единственной теме или проблеме, не позволяет основательно, продуманно решать различные задачи. Человек вынужден постоянно переключаться с одного вида деятельности на другой и в результате такого переключения не может реализовать себя.

Черты кризиса проступают не только в социальном, но и культурном аспекте. Пожалуй, наиболее острым кризисом современности является ценностный. Любой личный или коллективный опыт быстро устаревает. Цифровая культура, включающая в себя стремительно меняющиеся «девайсы» и быстрый доступ к информационному контенту ориентирована,

прежде всего, на молодые поколения⁴²⁴. Опыт старших поколений часто отбрасывается как неадекватный духу и содержанию времени. В обществе нарушается преемственность ценностей на уровне воспитания и образования. Не случайно М. С. Каган утверждал, что из всех форм «духовной предметности» в системе образования и воспитания значимость приобрели не ценности, а знания. Иными словами, образование свелось к обучению – оно не является *оформлением* личности. В современной философии образования и педагогике явный крен в сторону знаний нередко называют «знаниевой парадигмой»^{425 426}. В современном обществе знания являются одним из наиболее ценных «товаров» и «важнейшим экономическим ресурсом»⁴²⁷. Такая позиция разделялась еще западными теоретиками информационного общества. Например, Д. Белл в книге «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.) писал, что знания будут основным и наиболее ценным производственным ресурсом ближайшего будущего⁴²⁸. Знаниевая парадигма вызывает острую критику в среде философов и специалистов в области социально-гуманитарных наук⁴²⁹. Перед образованием встала задача созидания человека в целостности его человеческих проявлений, человека в полноте его телесно – душевно – духовных измерений⁴³⁰.

Ценностный кризис непосредственно связан с кризисом идентичности. В гуманитарных науках распространено мнение, что кризис идентичности обусловлен тенденциями «постмодерного» общества, то есть общества «многополярного» (или даже «бесполярного»⁴³¹), с присущими ему плюрализмом идей и неустойчивыми ценностями. Самоидентификация – это

⁴²⁴ Пряхина А. В. Нравственно-ценностный кризис и коммуникация в современном информационном обществе. С. 206.

⁴²⁵ Шелковникова Л. Ф. К вопросу о знаниевой парадигме в образовании. С. 47-54.

⁴²⁶ Малинин В. А. Парадигма образования в контексте общества знаний. С. 26.

⁴²⁷ Там же. С. 26.

⁴²⁸ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество.

⁴²⁹ Слободчиков В. И. Концептуальные основы антропологии современного образования. С. 4.

⁴³⁰ Там же. С. 4.

⁴³¹ Тарновский К. Ю. Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна. С. 101.

утверждение чего-то как собственного, усвоение ценностей и понимание того, что усвоено, а также определение самого себя посредством усвоенного, это твердо усвоенный и личностно принятый образ себя, а также стабильное владение личностью собственным «я»⁴³². В определении самоидентификации принципиально важно учитывать и аспект, обозначенный Ю. Хабермасом: она осуществляется при некотором соотношении личностной и социальной идентичности. Первая выражает определенную историю жизни, связность шагов на протяжении жизненного пути, а вторая отображает степень интеграции человека в те или иные «ролевые структуры»⁴³³. Идентичность конституируется пониманием собственного сходства с определенным образцом. Кризис самоидентификации, в самом общем смысле, возникает в двух случаях: когда общество не создает никаких образцов, и когда человек не воспринимает ничего из транслируемого обществом за образец.

Новые технологии непосредственно воздействуют на формирование идентичности. В частности, это было обстоятельно проанализировано С. А. Храповым в статье «Риски формирования “техногенной (цифровой) идентичности” в условиях цифровизации образовательного пространства». Исследователь говорит о т. н. «гиперцифровой» идентичности, обусловленной переводом различных видов деятельности (в первую очередь, образовательной) в цифровой формат, значительным снижением времени на межличностное общение, девальвацией ценности непосредственного взаимодействия, изменением роли общекультурных, групповых ценностей в жизни индивида. То, что сказано ученым применительно к образованию, во многом справедливо и для других сфер жизни⁴³⁴.

Философы-постструктуралисты неоднократно констатировали, что в современном обществе нет никаких устойчивых ценностей. Это выражается

⁴³² Кеидия К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности. С. 50

⁴³³ Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. С. 369.

⁴³⁴ Храпов С. А. Риски формирования «техногенной (цифровой) идентичности в условиях цифровизации образовательного пространства. С. 11.

и в кризисе «метанарраций» («великих рассказов»⁴³⁵), и в циркуляции симулякров («символическом обмене»⁴³⁶). Состояние современного человека, захваченного плюрализмом идеологий и социальных мифов, плюрализмом ценностей, было довольно точно описано Р. Бартом: «... когда сегодня мы говорим о разделенном субъекте, то речь вовсе не о признании в нем простых противоречий, двойных постулатов и т. п. – теперь имеется в виду дифракция, волновое рассеяние, когда не остается ни основного ядра, ни смысловой структуры: во мне не противоречие, а рассеяние». Человек превратился в «мозаику реакций»⁴³⁷.

С крушением советской идеологии и реализацией демократических ценностей (свободы, частной собственности, индивидуализма и т. д.) до России все чаще стали доноситься культурные веяния других стран и народов. Многие люди (если не большинство) с энтузиазмом встречали совершенно различные новинки – от экспериментальной литературы до экранных боевиков, от моды до образа жизни, от сект до политических трендов. В 90-х гг. прошлого века в России существенно возросло влияние сект (в том числе тоталитарных). Курс властей на деидеологизацию имел двойное значение: с одной стороны, противники идеологии социализма и коммунизма могли свободно выразить свои идеи, с другой стороны, человек потерял задаваемый извне образец. Он перестал быть строителем коммунизма, ответственным тружеником, гражданином Советского Союза – передовой космической державы.

Именно в 90-х гг. прошлого столетия российское культурное пространство интенсивно наполнялось западными интеллектуальными продуктами. Российский человек мог познакомиться с очень широким, невиданным ранее спектром идей, когда-либо сформулированных человечеством и, главным образом, популярных на Западе. Это были

⁴³⁵ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна.

⁴³⁶ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция.

⁴³⁷ Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте.

«тренды» в искусстве, литературе, науке и т. д. Среди многочисленных западных интеллектуальных новаций были и радикальные идеи – в том числе, о «райской» жизни (Д. Пирс), достигаемой средствами высоких технологий и переноса сознания на небиологический носитель. Трансгуманизм давал человеку веру в безграничные возможности (конечно, не после смерти, однако и не при *этой* жизни) в результате «перерождения». Прежде всего, трансгуманизм давал и дает веру в персональное, «реальное», «практическое» бессмертие. Смерть интерпретируется как эволюционная ошибка, трагическое недоразумение природы. Только в руках человека, вооруженного наукой и технологиями, находятся средства исправления этой прискорбной ошибки. Вместе с верой во всемогущество науки и техники (и, следовательно, человека как их творца) трансгуманизм побуждает человека к переосмыслению и переоценке реалий: существующий мир, по выражению Д. И. Ицкова, несовершенен, так как полон насилия, катастроф, природных катаклизмов и пр. Наиболее трагическое несовершенство – это несовершенство самого человека, с рождения обреченного на постепенное увядание. Кроме бессмертия, трансгуманизм обещает и счастливую, наполненную радостью жизнь каждому, кто отважится переступить через «порог» ограниченных человеческих возможностей (достаточно вспомнить т. н. «гедонистический императив» Д. Пирса).

Развивая свои концепции, трансгуманисты конструировали образы существа будущего, преодолевшего все «слишком человеческое», начиная от телесной ограниченности, а также ограниченности когнитивных способностей и заканчивая социальными катаклизмами (войнами, экономическим неравенством и т. д.). Эти образы выдаются трансгуманистами за образцы: не случайно М. Эсфендиари уже в заглавии своей книги обращался к читателю с вопросом: «Являетесь ли вы трансчеловеком?». Все содержащееся в книге «Are You a Transhuman?» тесты ориентированы на то, что человек мог идентифицировать себя,

известным образом определить посредством ответов на многочисленные, но сравнительно простые вопросы. После каждого теста автор книги давал развернутый комментарий и шкалу оценки результатов тестирования. При этом читатель не должен был прилагать значительные усилия к интерпретации итогов теста – книга сама предлагала легкий и доступный способ самоидентификации. Однако очевидно, что эта самоидентификация могла осуществиться исключительно с опорой на дискурс. Проще говоря, дискурс был главной инстанцией, определенным образом маркирующей человека, предоставляющей ему ту или иную ячейку в мировой системе, задающей направление индивидуального развития (из какой ячейки и куда следует перейти), а также определяющей смысл жизни. Эта дискурсивность сближала трансгуманизм с политическими идеологиями и сектантскими организациями. Все они, как и социальные утопии, основываются, как минимум, на одной имплицитной посылке (она может не выражаться явно и, как правило, не выражается): в отличие от масс, мы обладаем ценным знанием, способным изменить мир к лучшему. В антропологическом разрезе это означает, что обладатель ценного знания четко идентифицировал себя и, следовательно, являлся полноценным человеком. Другой, напротив, таковым личностью не является и потому нуждается в руководстве, в «инструкции» по самоидентификации. В идентификации через внеположенные образцы нет ничего плохого. Такое самоопределение законно и не является аномалией. Дело, однако, заключается в том, готов ли человек, идентифицирующий себя посредством кем-то данных рекомендаций, усвоить тот или иной образец, буквально – сделать его своим собственным. Приведет ли следование определенному образцу к гармонии в отношении человека к самому себе? В противном случае, человек не будет «сам», но будет постоянно ускользать от себя и «рассеиваться» на множество личин.

Трансгуманисты убеждали в своих статьях и эссе, что человек – это переходная форма жизни, которая рано или поздно уступит место

«постчеловеку» или какому-либо иному существу. Тем самым, трансгуманизм утверждал ценность еще не существующей жизни и обесценивал эволюцию (эволюция коннотируется у трансгуманистов как «слепая»). Это означало, что сами трансгуманисты претендовали на роль ее «глаз» и были убеждены в том, что «постчеловек» подчинит себе законы природы, будет контролировать все природные и космические процессы. В этой связи, человек – это только ступень к «постчеловеку». Имеет ли человек ценность? На этот вопрос можно ответить утвердительно, но с существенной оговоркой: человек имеет ценность как средство для становления чего-то совершенно иного и принципиально неизвестного. В трансгуманизме человек характеризуется противоречиво: *homo sapiens*– наследие «слепой» эволюции, несовершенное (откровенно – слабое) существо, обладающее интеллектом (впрочем, тоже несовершенным), который может дать импульс рождению совершенного существа. В своих статьях и эссе трансгуманисты противопоставляют человека и «постчеловека»: смертный – бессмертный, слабый – сильный, несовершенный – совершенный, наследие эволюции – результат революции и т. д.

Ввиду противопоставления человека и «постчеловека» (в данном случае мы используем этот термин в качестве собирательного для обозначения всех дискурсивных конструкций трансгуманизма) у критиков трансгуманистических притязаний и у самих трансгуманистов возникал вопрос о сосуществовании принципиально различных форм жизни – *homo sapiens* и *posthuman*. Следует оговориться, что трансгуманисты, как правило, не останавливались на этом вопросе обстоятельно (хотя и ставили его). Например, в «Часто задаваемых вопросах» Н. Бострома одна из глав посвящена теме возможного отношения постчеловека к людям без «расширенных возможностей». На обозначенный вопрос автор сразу же дал краткий ответ: «Это будет зависеть от мотивации постлюдей, поэтому пока

никто не знает точного ответа»⁴³⁸. Н. Бостром сформулировал два сценария возможных взаимоотношений человека и постчеловека, условно назвав их «оптимистическим» и «пессимистическим». «Оптимистический» сценарий предполагает, что постлюди будут мирно уживаться с человеческим родом и найдут какие-то варианты компромисса. Н. Бостром не исключал и того, что постчеловек будет заботиться об экологии и природных ресурсах, помогая человеку защитить естественную среду обитания. Вполне возможно, что постлюди смогут учить человечество каким-то уникальным, особым навыкам и умениям, улучшать когнитивные способности человека и т. д. Наряду с «оптимистическим» возможен, однако, и «пессимистический» сценарий. Согласно второму сценарию, постчеловек не будет нуждаться в человеке, полностью исчерпавшем себя как форму жизни. Не исключено, что человеческий род подвергнется различного рода экспериментам, окажется в резервации и т. д.

Во избежание реализации «пессимистического» сценария Н. Бостром рекомендовал предпринять превентивные меры. Эти меры сводятся, в сущности, к тому, что человек должен заложить в основу программ поведения постчеловека ценности толерантности и уважения к человеку. Это замечание заслуживает внимания по нескольким причинам: во-первых, Н. Бостром оговаривается, что человек может запрограммировать постчеловека, то есть принципиально повлиять на его будущие действия и отношение к миру; во-вторых, автор советует пропагандировать эти ценности уже сегодня для того, чтобы «постлюди» как потомки человеческого рода были воспитаны в толерантности и уважении к иным формам жизни. В обоих этих суждениях Н. Бостром оценивает человека вовсе не как «звено» эволюции или отмирающую форму жизни, но как силу, способную созидать будущее. С одной стороны, человек – это биологическая машина, принимающая, перерабатывающая и транслирующая информацию, устаревшее устройство

⁴³⁸ Бостром Н. FAQ по трансгуманизму.

для обработки информационного массива, с другой стороны, человек – хозяин своей судьбы. Человеку предвещают смерть, но одновременно надеются на то, что он будет жить; человеку говорят, что эпоха Сингулярности неумолимо наступает, и вместе с тем призывают к воспитанию молодых поколений в духе гуманистических ценностей.

Двумя сценариями, обозначенными Н. Бостромом, представления трансгуманистов о возможных вариантах сосуществования человека и постчеловека не исчерпываются. На основании анализа трудов основателей трансгуманизма (Н. Бострома, Д. Пирса, М. Мора) и современных сторонников трансгуманистических идей (Д. И. Ицкова, В. В. Удаловой, Д. А. Медведева) можно выделить как минимум четыре сценария.

Сценарий «Матрицы». Данный сценарий получил свое название благодаря уже упомянутой статье Н. Бострома «Are you living in a computer simulation? В российской сокращенной версии статья называется «А не живем ли мы в “Матрице”?»». Н. Бостром сделал отсылку к известному фильму для того, чтобы проиллюстрировать свой основной тезис: «мы почти наверняка живем в компьютерной симуляции»⁴³⁹. Непрерывно возрастающая мощность вычислительных машин может использоваться постлюдьми для создания компьютерных симуляций, в том числе симуляций далеких, «допостчеловеческих» эпох. Развитая цивилизация постлюдей, обладающая практически безграничными вычислительными мощностями, может создать множество симуляций собственной истории. Из этого положения может следовать, что человечество является ничем иным, как продуктом программирования. В своей статье Н. Бостром не уточнил, касается ли сценарий «Матрицы» всей истории человечества или современности. В конце концов, вся известная человечеству история тоже может оказаться плодом творчества постчеловека. Идея Н. Бострома встретила отклик не только у молодого поколения, любящего смелые и даже скандальные мысли, но и у

⁴³⁹ Bostrom N. Are you living in a computer simulation?

футурологов. Так, R. Hanson опубликовал статью «How to live in a Simulation»⁴⁴⁰. Автор писал, что «постлюди» будут симулировать свое прошлое из «академического» и «интеллектуального» интереса, а также для собственного развлечения. Симулированный человек, по сути, является компьютерным модулем, программой, а, следовательно, имеет заданные извне шаблоны и алгоритмы мышления и поведения. Например, по мнению R. Hanson, в симуляции толпы человек представляет собой довольно примитивную программу. Что же предлагает человеку автор статьи? Он предлагает основательно задуматься о собственном поведении и мышлении, о собственных ценностях, то есть стать рефлексивной программой. Рефлексивная программа может отказаться от примитивных алгоритмов. В конце концов, историю делают свободные от шаблонов пассионарии, великие личности. Не исключено, что симуляция человечества выполняет в мире постчеловека развлекательную функцию. Если человек хочет остаться в истории, если он хочет, чтобы постлюди симулировали память о нем, то он должен прожить яркую жизнь, наполненную экстраординарными событиями. Например, R. Hanson советует человеку быть драматическим персонажем – мученика и героя всегда окружает слава.

В рамках сценария «Матрицы» понятия детерминизма, провиденциализма и креационизма приобретают новые смысловые оттенки. Если человек суть продукт симуляции, если экономика, политика и культура запрограммированы внешними силами, то само существование человека как носителя свободной воли ставится под вопрос. Позиция Н. Бострома не встретила поддержки и у некоторых трансгуманистов. Например, Д. А. Медведев в статье «Живем ли мы в спекуляции Н. Бострома?» сделал вывод о серьезных математических и логических ошибках в идеях американского трансгуманиста⁴⁴¹. Представляется, что опасность высказанных Н. Бостромом идей заключается вовсе не в частных логических и

⁴⁴⁰ Hanson R. How to live in a Simulation.

⁴⁴¹ Медведев Д. А. Живем ли мы в спекуляции Н. Бострома?

математических ошибках, а в скандальной притягательности концепции «Матрицы».

Мысль о том, что человеческая жизнь управляется постчеловеческими «богами», способствует квиетизму. Человек, чьей жизнью распоряжается созданный постчеловеческой расой искусственный интеллект, бессилен. Сценарий «Матрицы» вынуждает признать ничтожность человека перед всемогущим Иным. Следуя логике сценария «Матрицы», можно утверждать, что сами трансгуманисты являются компьютерными модулями, запрограммированными на пропаганду ценностей постчеловеческой формации. Сценарий «Матрицы» деантропологизирует мир. По словам П. С. Гуревича, деантропологизация возникает тогда, когда человек перестает восприниматься как «знакомая сущность». Человек не только утрачивает идентичность, но вообще сходит на нет и умирает как данность⁴⁴². Сценарий «Матрицы» цифровизирует человека, превращая его в некую цифровую модель, информационный «след».

Другим сценарием сосуществования человека и постчеловека является сценарий «Добрые боги». Это название возникло благодаря метафоре Д. И. Ицкова: «Я публикую заповеди жизни неолюдей, которые в далеком будущем могут стать «добрыми богами», учителями и защитниками всего человечества»⁴⁴³. Сообщество бессмертных существ, потомков «неолюдей», заселит другие планеты. Как уже говорилось ранее, «Заповеди» предписывают «добрым богам» отказ от «земных радостей»⁴⁴⁴. Из этого следует, что потомок неочеловека будет космическим существом, а не жителем Земли. Кроме того, существам далекого будущего будут незнакомы – полагает Д. И. Ицков, – все человеческие ценности. Однако, по непонятной причине, автор «Заповедей» решил, что «неолюди» и их потомки будут ограничены писаными правилами. По сценарию «Добрые боги» существа

⁴⁴² Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека.

⁴⁴³ Ицков Д. И. Заповеди жизни неочеловека.

⁴⁴⁴ Ицков Д. И. Заповеди жизни неочеловека.

будущего станут учителями и наставниками человечества. О возможных методах и формах наставничества и просвещения Д. И. Ицков ничего не говорит. Между тем, на протяжении истории наставничество и просвещение отливалось в самые различные – и часто откровенно антигуманные – формы. Автор «Заповедей» считает, что неолюди не будут вмешиваться в «земные дела» и фактически будут развиваться параллельно с человеческой цивилизацией.

Такое сосуществование, основанное на взаимном уважении и паритете, выражено у Д. И. Ицкова формулой «у каждого свой путь и свобода выбора». Однако, почему в таком случае неочеловек, по тексту «Заповедей», будет ответственным за развитие земной цивилизации? В чем будет выражаться эта ответственность? На эти вопросы текст документа не дает ответа. Примечательно, что «добрые боги» возьмут на себя также роль «защитников» человечества. Возможно, потомки неолюдей будут защищать человечество от него же самого. Вполне вероятно, что постчеловек возьмет на себя осуществление цивилизаторской миссии. Истории известны многочисленные случаи цивилизаторских миссий, неизменно связанных, прежде всего, с насаждением новых ценностей и образа жизни. В данном случае речь идет о миссии, направленной на изменение порядков, устоев, образа жизни, мировоззрения, ценностей, культуры человечества. Граждане Утопии осуществляли именно цивилизаторскую миссию, будучи убеждены в собственном политическом, экономическом и культурном превосходстве. Возможно, аналогия с «Утопией» не основательна, однако, нельзя исключать и такой способ сосуществования человеческой и постчеловеческой цивилизаций, при котором люди окажутся жертвами цивилизаторской миссии «добрых богов».

В третьем сценарии (он условно назван «Бифуркация») развивается мысль Н. Бострома о том, что постчеловек – совершенно незнакомое существо. Следовательно, о нем фактически ничего нельзя сказать наверняка.

По мнению В. В. Удаловой (Валерии Прайд), сформулировавшей базисную идею этого сценария, постчеловек может быть «идеальным» или «монстрообразным»⁴⁴⁵. Не трудно заметить, что в данном случае акцентируется внимание исключительно на крайностях. В первом случае постчеловек будет «добрым богом», защищающим людей от самих же себя и несущим свет знаний в массы. Второй вариант развития событий возможен в том случае, если технологии выйдут из-под контроля. В. В. Удалова имеет в виду не раз описанную в научной фантастике утрату контроля над «сильным» искусственным интеллектом. В фантастических произведениях искусственный интеллект не только играл роль помощника человека (например, в советских технологических утопиях), но и роль поработителя своих создателей. Негативные образы искусственного интеллекта создавались А. Азимовым, Х. Эллисоном, Ф. Брауном и другими писателями. В интервью В. В. Удалова утверждала, что искусственный интеллект должен быть создан для организации «идеального управления на нашей планете»⁴⁴⁶. Однако машинный интеллект может быть снабжен и саморазвивающимися программами. В таком случае никто не может знать, до чего он дойдет в своем развитии. «Идеальное управление» планетой, о котором говорит российский трансгуманист, уже само по себе вызывает множество вопросов. Один из основных вопросов заключается в том, каково место человека в системе «идеального управления». Будет ли человек вообще уместен? Может быть, искусственный интеллект сочтет человечество главной помехой на пути к гармонии (эта тема тоже не раз возникала на страницах фантастики). В статье «Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания» В. Прайд и Д. А. Медведев прогнозировали, что численность людей, «модифицированных с помощью конвергентных технологий», будет

⁴⁴⁵ Емельяненко В. Постчеловеки идут.

⁴⁴⁶ Прайд В. Трансгуманистическая версия: технологическая сингулярность, появление постчеловека, клонирование гениев.

постоянно расти, пока таких людей не станет большинство⁴⁴⁷. Возможно, авторы полагают, что превращение в постчеловека – это объективная и непреодолимая закономерность, наподобие увеличения скорости работы вычислительных устройств.

Проблемы отношений «постчеловека» и человека вряд ли могут быть интерпретированы как какое-то подобие социальных отношений, но это отношения, которые должны предполагать какие-то исходно-принципиальные установки. В качестве таких установок могут выступать взаимная толерантность или взаимное неприятие, чреватое конфликтностью. В том вопросе – вопросе об исходных установках – трансгуманисты расходятся. Принципиальное сходство установок выражается в том, что человек не будет *понятен* для постчеловека. Утверждая так, трансгуманисты пытаются посмотреть на человека глазами гипотетического существа будущего. Эта процедура в определенном смысле показательна и симптоматична: современный человек не понимает себя сам. Именно поэтому его не сможет понять никакое существо будущего. Он жаждет собственного совершенства (прежде всего, бессмертия и знания обо всем), контроля над миром, тотального порядка, посягая на несоизмеримые самому себе вещи. Чем сильнее он на них замахивается, тем более разочаровывается в своих усилиях. В результате он выглядит слабым перед самим же собой. Всесильный «потомок» человека и есть тот, кому человек вверил себя, убегая от ответа на важные вопросы: кто я такой? Каково мое место в мире? В чем мое предназначение? Постчеловек – это не ориентир, а «индикатор» обесценения человека, показатель ценностного и смыслового коллапса. Пока человек не поймет себя сам, никакой постчеловек или кто-то (что-то) еще этого не сделают.

⁴⁴⁷ Прайд В. Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания. С. 112.

Время конца XX и начала XXI столетия было ознаменовано рождением «постиндустриального» или «информационного» общества. Человек оказался в новой социокультурной реальности. Начался интенсивный процесс компьютеризации всех сфер общественной и персональной жизни, появились новые технологии, известные ранее только благодаря произведениям фантастики. Мир стал развиваться под флагом информационной реальности, а информация была определена в качестве жизнеобеспечивающего ресурса. В социально-гуманитарных науках (социологии, политологии, культурологии и др.) возросло число исследований, посвященных кризису духовных оснований бытия человека. На первый взгляд, данный факт можно было бы рассматривать как проявление паники, свойственной людям, живущим в переходную эпоху и тяжело переживающим демонтаж традиций. Однако ключевые выводы, сделанные учеными, были достаточно обоснованными. Для социокультурного бытия современного человека в условиях демократизации и либерализации общественных отношений, потребительской ориентации человека, свободной циркуляции товаров и услуг, характерно отсутствие консолидирующих духовно-нравственных идей и идеалов. Политические силы взяли курс на деидеологизацию и отказались от «навязывания» какой-либо определенной идеологии.

Однако в условиях либерализации и демократизации человек не перестал искать ответов на смысложизненные, принципиальные вопросы. Поиск ответов на «вечные» вопросы «кто я?» и «куда я иду?» сегодня существенно осложнен из-за «полифонии», или всеобщего шума: реклама и бизнес, политические организации, секты и другие структуры предлагают свои ориентиры, объявляя их безусловно правильными и необходимыми.

В этой связи одним из наиболее острых кризисов современности является кризис самоидентификации человека. Он может возникнуть в том

случае, когда общество не создает никаких образцов (или, напротив, когда «образцов» слишком много) или когда человек перестает следовать каким-либо «образцам». Однако, кризис может возникнуть или обостриться и в том случае, когда ориентиры подменяются рецептами, буквально предписывающими человеку соблюдение тех или иных правил. В таком случае вопрос «ради чего» все равно остается без четкого и обдуманного ответа. Особо опасными являются те рецепты, которые обесценивают самого человека, интерпретируют его не как цель, но как средство. Их опасность заключается в том, что они предписывают человеку отказаться от самого себя во имя чего-то совершенно не человеческого, смутного образа, выдаваемого за нечто подлинное и ценное, служить технико-технологическому прогрессу, идее технологического «рая», в котором не будет места человеку. Столкнувшись лицом к лицу с таким образом-«образцом», человек может лишь расписаться в собственном ничтожестве. На фоне таких идей (выраженных, прежде всего, в трансгуманизме) кризис самоидентификации приобретает еще одно измерение – человеку нужно определить себя не только внутри кризисной, но человеческой реальности, но и возможной постчеловеческой. Последнее как раз и не представляется возможным, если только не считать самоопределением такие коннотации, как «ошибка эволюции», «продукт постчеловеческой симуляции» и им подобные. В фокусе трансгуманизма усилия человека в поисках каких-то решений важных мировоззренческих, экзистенциальных, социально значимых и смысложизненных вопросов фактически обесмысливаются.

Трансгуманизм возник на Западе в начале 90-х гг. прошлого века и стал стремительно завоевывать популярность, давая человеку надежду на безграничные возможности. Прежде всего, с помощью новых технологий, в перспективе человек мог обрести вечную жизнь – причем не «загробную», но достичь «реального», «практического» бессмертия. Только высокие технологии являются подлинной опорой при переходе к качественно иному

уровню существования, – существованию, не обремененному старением и неизбежностью смерти. Смерть интерпретировалась как эволюционная ошибка, «недоразумение» природы. Вместе с верой во всемогущество науки, техники и технологии трансгуманизм побуждал человека к переоценке реалий: существующий мир оценивался как катастрофически ущербный, наполненный насилием, войнами, природными катаклизмами, социальным неравенством. Трансгуманизм претендовал на роль панацеи в ситуации кризиса самоидентификации человека, однако идентифицировал человека как то, что должно превзойти. Сквозь призму трансгуманистической идеологии человек определенным образом интерпретировал самого себя. Трансгуманисты, сообразуясь с философскими традициями, признают человека как носителя разума, однако считают, что в перспективе он утратит монополию на разумность. Показательно, что в трансгуманистических трудах под разумом понимается интеллект. Человек в фокусе трансгуманизма предстает как интеллектуальное существо. В представлении трансгуманистов, мозг работает с определенной «скоростью» и совершает вычислительные операции, то есть имеет «рабочую частоту».

Наконец, человек одновременно играет роль двигателя и средства неумолимого прогресса. Однако в перспективе прогресс окончательно выйдет из-под контроля человека и будет осуществляться по своим собственным законам. Вне зависимости от желания человека наступит эпоха Сингулярности – тотальной власти машин и никем неконтролируемых вычислительных мощностей. Эпоха Сингулярности ознаменуется возникновением «сильного» искусственного интеллекта, способного заменить человечество.

Таким образом, в дискурсах трансгуманизма человек является переходной формой жизни, аккумулирующей в себе наследие биологической эволюции, но имеющей задатки к самотрансформации и самопреодолению. Рассуждая о безусловной эффективности новых технологий в деле

преобразования природы человека, трансгуманисты, тем не менее, не обозначают никакой четкой перспективы: к чему приведет это преобразование? Куда должен стремиться человек? Кем он будет? На все эти вопросы трансгуманисты отвечают по-разному: необходимо становиться «трансчеловеком», «неочеловеком», «постчеловеком» и т. д. Нужно освободиться от телесности и интегрировать свое сознание в Сеть. Однако, ради чего нужно это освобождение от телесности? На это трансгуманизм дает окончательный и безапелляционный ответ: ради достижения бессмертия. В дискурсе трансгуманизма смерть коннотируется как «трагическая ошибка» эволюции, «высшее зло», а вечная жизнь, в свою очередь, обозначается как абсолютная ценность. Ради этой «абсолютной» ценности человеку необходимо расщепить самого себя, отдавшись во власть технологий. Человек как переходная форма жизни, по мнению трансгуманистов, рано или поздно столкнется с принципиально новой, «постчеловеческой» формой. У критиков трансгуманизма такая возможность порождает определенные опасения: возможно ли сосуществование двух различных форм, если постчеловеческая форма во многом отрицает человеческую?

Трансгуманисты не останавливались на этом вопросе обстоятельно, хотя и ставили его. В дискурсах трансгуманизма можно выделить три мнения («сценария») по вопросу о сосуществовании человека и постчеловека. Одно из них условно обозначено как сценарий «Матрицы», согласно которому вычислительная мощь компьютеров в будущем позволит создавать масштабные симуляции. Постчеловечество, пользуясь такими возможностями, вероятно, создаст симуляции прошлого. Из этого следует, что человек есть не что иное, как программный продукт, смоделированный некоей постчеловеческой цивилизацией. Согласно другому мнению, постчеловек не будет создавать симуляции, а станет «добрым богом», защищающим человечество и наставляющим его на «истинный» путь.

Наконец, еще одно распространенное мнение гласит, что о постчеловеке ничего нельзя сказать с точностью: он может оказаться «ангелом» или «монстром». Обычно монструозный постчеловек изображается как порабощающий мир искусственный интеллект (в этом не трудно усмотреть влияние sci-fi).

Трансгуманизм определенным образом «меряет» человека и указывает ему на «единственно верную» траекторию развития. Кроме того, дискурсы трансгуманизма прописывают человеку рецептуру поведения и говорят, каким ценностям нужно следовать, а от каких необходимо отказаться. Готов ли человек к тому, чтобы безапелляционно, некритически принять готовый рецепт и следовать указанным путем в будущее? В сущности, ответ на этот вопрос – дело персонального выбора. Однако выбор должен быть осознанным, а решение должно быть взвешенным. В противном случае, человек не будет «сам» – его взгляд будет направлен на мир сквозь призму дискурсивных конструкций и мифологии. Человек будет оценивать мир, понимать мир как бы «из» дискурса.

Глава 4. Антропология инноваций: ответ вызовам современности

4.1. Антропология инноваций как гуманитарно-антропологическая установка мышления и практической деятельности человека

Возникновение и популяризация гуманоориентированных инновационных стратегий – прежде всего, трансгуманистических, – в определенном смысле можно считать симптоматическими явлениями, скрывающими за собой не только трансформацию политических, экономических и иных социальных отношений, но и трансформацию внутреннего мира человека – ценностей, убеждений и идеалов, мышления. Пожалуй, своеобразие внутреннего мира человека XX столетия – века технического прогресса, интенсивных скоростей во всех сферах жизни общества – было лаконично и точно описано М. Хайдеггером с помощью общеизвестной оппозиции калькулирующего мышления и осмысляющего раздумья. Современный человек, по мнению М. Хайдеггера, (его слова актуальны и на сегодняшний день) тратится на хитроумие и изобретательство и, конечно, будет отрицать, что «бежит» от мышления. Он будет доказывать обратное, ссылаясь на плоды научно-технического прогресса. Никогда ранее наука и техника не достигали таких «высот» в деле познания и переустройства мира. И вместе с тем, рассчитывая все новые и новые возможности, человек «бежит» от осмысления существующих условий, своего положения «здесь» и «сейчас». Забыв о рефлексии, об остановках для раздумья, человек уверенно и всеми силами стремится к реализации «прогрессивных» целей. Мышление современного человека захвачено идеей прогресса, во имя которой должно служить все, что создано человечеством. Идею прогресса должен служить сам человек.

Наука, несмотря на ее обоснованные притязания на достоверное и объективное знание о мире, далеко не всегда бывает свободной от идеологий и идеологом. В настоящем диссертационном исследовании мы не будем

подробно останавливаться на дискуссионном вопросе о связях науки и идеологии.

Подробно и обстоятельно на этом вопросе акцентировали внимание Н. И. Яблокова⁴⁴⁸, Н. Г. Баранец⁴⁴⁹ и др. Согласимся с Н. И. Яблоковой в том, что идеология может быть продуктом синтеза научных и оценочных (коннотативных) суждений. Не секрет, что сами ученые, а не только сотрудники СМИ или публицисты, нередко транслируют те или иные идеологемы. На протяжении многовековой истории европейской науки научное знание фактически неразрывно сочленялось с идеей политического, технологического, экономического и любого другого прогресса. В устах многих политиков, публицистов, представителей СМИ и зачастую самих ученых прогресс был и является высшей ценностью, ради которой существует сама наука и вообще живет человечество.

В этом отношении показательно, но отнюдь не является исключением интервью журналиста М. Дери с известным ученым-робототехником Г. Моравеком. Ученый утверждал, что человечество вымрет, подобно динозаврам, уступив место более прогрессивной – механической или электронной – форме жизни. Примечателен уже тот факт, что для интервьюируемого искусственный интеллект, как бог, может сотворить жизнь. Электронные технологии не просто станут средством для возникновения некоей жизни, а они сами и есть, в представлении Г. Моравека, новая форма жизни⁴⁵⁰. Анализ языковых шаблонов, сделанный М. Хайдеггером в поздних произведениях, во второй половине XXв., во многом оказался провидческим – человек «вставил» в технику самого себя. Отныне не остается ничего другого, как мыслить «из» техники, сквозь призму технического, мыслить *по мерке* техники. Эта техническая «мера» существенно влияет на мысль: на смену традиционным выражениям типа

⁴⁴⁸ Яблокова Н. И. Возможна ли научная идеология? // Социально-политические науки. 2016.

⁴⁴⁹ Баранец Н. Г. Об идеологии и идеологизации науки // Власть. 2011. №6. С. 126-129.

⁴⁵⁰ Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ, 2008. 480 с.

«состава корабля» (этот пример приводил еще М. Хайдеггер) приходят другие, типа «загрузки сознания», «цифровизации личности» и т. д. В предыдущей главе говорилось, что человек интерпретируется в качестве биологического автомата, требующего модернизации, то есть замены органических частей на неорганические (в частности, об этом говорят сторонники киборгизации, А. А. Болонкин и др.). При этом на повестку не выносятся вопросы, почему же, собственно, такая замена «требуется». Почему человек нуждается в «апгрейде»?

С ориентацией цивилизованного человечества на научно-технический прогресс непосредственно связаны такие черты мышления, как прагматизм и расчет. Общеизвестно, что прагматизм, в самом общем виде, является установкой на реализацию цели, представляющую для субъекта благо и несущую *пользу*. На уровне философской концептуализации польза – ценностное понятие. Им выражается положительное отношение к тому или иному предмету как удовлетворяющему определенный интерес. В зависимости от интереса один и тот же предмет (например, книга) может быть полезен по-разному – для саморазвития человека, для легкого времяпрепровождения, для стимуляции воображения и т. д. Существует, как известно, масса вариантов полезности, соответствующих огромному спектру всевозможных интересов. Проблема заключается не в ориентации современного человека на пользу как таковую, а в сведении пользы до определенной вариации. Сегодня в ходу симптоматические лозунги – «стремись к успеху», «минимум затрат – максимум выгоды» и т. д., ориентирующие человека на легкое и быстрое достижение цели. Уместны опасения, что польза постепенно подменяется выгодой, предполагающей, что целью является удовлетворение интереса. Из всех «типов» интереса – групповых, общественных, государственных, частных, – на авансцену вышли частные интересы. Приведенные в качестве примеров лозунги прямо

ориентируют человека на удовлетворение собственного интереса в ущерб интересам других людей («и пусть весь мир подождет»).

С позиции философии, ценности практического сознания (польза, выгода, целесообразность и др. в их числе), вне сомнения, являются относительными ценностями. Однако, в эпоху «символического обмена» (Ж. Бодрийяр) именно они-то и претендуют на роль абсолютных, а абсолютные (красота, добро, истина и т. д.) «меряются» их мерками. Абсолютные ценности привязываются к конкретной предметности, «эталонам» (например, к «эталонам» красоты и совершенства). Однако, «эталоны» поразительно быстро сменяют друг друга, оставляя лишь информационный шлейф в медиа. Проблема сдвигов в мышлении современного человека – это проблема аксиологическая, проблема переворота (не переоценки) ценностей. То, что некогда считалось относительным, становится абсолютным и наоборот.

Не только обыденное сознание, но и наука привязывает пользу и полезность к материальному. Экономическая теория оперирует термином «предельная полезность» и определяет его как добавочную полезность от употребления каждой следующей *единицы продукции*. Основываясь на содержание обозначенного термина, можно утверждать, что полезность мыслится как нечто измеримое и исчислимое. Третья черта мышления современного человека, наряду с ориентацией на материальный прогресс, а также культом пользы и полезности, может быть обозначена как убежденность в исчислимости и измеримости мира. Безусловно, эта черта мышления возникла не вчера. Она не является особенностью, «новацией» внутреннего мира человека XXI в. Еще в «Мифологиях» (1957 г.) Р. Барт высказался о живописцах голландской школы XVIII в., уподобив полотна художников «буржуазному мировосприятию»: «... мир у него замкнут и заполнен исчислимыми и плотно прилегающими друг к другу материалами. Задача художника лишь в том, чтобы составлять каталоги и описи, выискивать в этом мире еще не заполненные уголки и набивать их

рукотворными вещами и инструментами»⁴⁵¹. Невзирая на некоторую категоричность приведенной аналогии, можно согласиться с утверждением об исчислимых материалах, заполняющих, в сознании современного человека, весь мир.

По мнению Р. Барта, эта убежденность в исчислимости мира неразрывно связана с научно-прогрессистской традицией и ее идеологией, основанной на пресуппозиции, что человеку подвластно все, весь мир «до самых дальних свих окраин уместается у него в руке». «Буржуазное сознание» (оборот Р. Барта) не стремится к романтическому «бегству» или мистическому прорыву в бесконечность, не стремится к «расширению» мира – напротив, всеми силами стремится сократить мир, плотно заселить его, превратить в знакомую, замкнутую сферу, в которой человеку было бы удобно. В этом мире не должно быть ни одной загадки – все в конечном счете разрешается наукой как апофеозом человеческого гения.

Не схожей ли установкой руководствуются создатели трансгуманистических стратегий, когда объявляют человека биологической машиной, пытаются рассмотреть человека в терминах кибернетики, редуцировать внутренний мир до интеллекта, помышляют о «загрузке» сознания на небιологический носитель? Сама терминология этих инновационных стратегий красноречиво говорит, что человек стремится замкнуть в терминах весь мир, измерить все живое, не оставив никакой загадке или тайне права быть. Подобно тому, как Ж. Ламетри объявил человека «машиной» с воображением, а последнее назвал еще не до конца изученным свойством мозга, трансгуманисты сводят человека к сумме клеточных и субклеточных «частей». На сегодняшний день науке еще не ясно, как соединяются и работают эти «части», а главное, как соединение этих частей рождает *сознание*. Не сдаваясь перед загадкой сознания, трансгуманизм редуцировал его к интеллекту. Сторонники трансгуманизма

⁴⁵¹ Барт Р. Мифологии.

(среди них есть известные ученые) нередко прибегают и к другой уловке, обходя проблему сознания и делая вид, что сознание является чем-то самопонятным. Иногда в разговор о сознании вплетаются новые понятия и термины, при этом содержательно не раскрытые. Примеры изобретательства новой терминологии можно найти в научном труде Р. Йонка «Сердце машины»: «... настоящее сознание у машин может появиться, а может и не появиться, и до этого времени нужен некий приемлемый вариант»⁴⁵². По мнению Р. Йонка, этим «приемлемым» вариантом является *имитация* сознания. Каковы, однако, гарантии, что сознание симитировано? Р. Йонк отвечает на этот вопрос так же, как и математик А. Тьюринг более полувека назад: если человек поверит в то, что общается с человеком (а в действительности будет взаимодействовать с машиной), то робот пройдет проверку на «человечность». В выводах Р. Йонк без пояснений утверждает, что у искусственного интеллекта развивается некое «сознание-доступ» (один из непроясненных неологизмов). В качестве резюме, говоря об эмоциональном интеллекте у машин, ученый отметил, что «искусственному разуму наверняка потребуются соматически обусловленные (или сенсорно-обусловленные) эмоции, если у него появится настоящее самосознание»⁴⁵³. Книга не дает ответов на вопросы, что же понимается под сознанием, что такое «сознание-доступ», «сенсорно-обусловленные эмоции», «настоящее самосознание» и т. д. Высокая степень понятийно-терминологической неясности не мешает ученому парировать в ответ на возможную критику: «... для тех, кто непременно скажет, что мы играем в Бога [т. е. пытаемся создать эмоциональные машины – прим. А. Д.], существует единственный ответ: *именно это мы и делаем*».

На уровне философского обобщения к научным трудам, посвященным новым технологиям, их месту и роли в жизни человека и человечества, можно задавать различные вопросы. Один из них – вопрос о ценностях и

⁴⁵² Йонк Р. Сердце машины. С. 139

⁴⁵³ Там же. С. 416.

смыслах – «ради чего?». Поиск внятного ответа на этот вопрос в научном дискурсе (и конкретно, у сторонника концепции эмоционального искусственного интеллекта) привел к противоречиям и еще большей неясности. Если суммировать основные идеи Р. Йонка, то «игра в Бога» – это «всего лишь бизнес»,⁴⁵⁴ «попытка изменить человечество»⁴⁵⁵, «дать начало мыслящим и чувствующим синтетическим формам жизни»⁴⁵⁶. Р. Йонк убежден в том, что «человек и технология возвысили друг друга, сделали судьбу друг друга счастливее и воплотили самые невероятные партнерские отношения»⁴⁵⁷. Не трудно заметить, что прагматическая цель (бизнес) уживается с убежденностью в том, что человек и техника – лучшие «партнеры» (причем сам Р. Йонк не помещает это слово в кавычки). Для него техника – партнер, друг (такое определение техники тоже встречается на страницах его труда⁴⁵⁸), у которого есть своя судьба. Этот партнер самостоятелен до такой степени, что человеку остается лишь приспособливаться, не «отставая» в развитии. На вопрос, ради чего необходимо это «партнерство» (не говоря уже о том, почему же оно исключительно «счастливое»), у Р. Йонка нет ответа.

Эти и подобные им суждения возникают в результате сочетания прагматической установки и «технофильской» ориентации, благодаря не критическому отношению к идее технико-технологического прогресса. Прогресс – высшая, безусловная цель, ради которой совершается ход истории. История, традиция, как было показано еще С. Л. Франком, постфактум служат «высшей» цели и используются только в качестве «сырья» для прогресса⁴⁵⁹. Если человек не находит традиции

⁴⁵⁴ Там же. С. 419.

⁴⁵⁵ Там же. С. 419.

⁴⁵⁶ Там же. С. 420.

⁴⁵⁷ Там же. С. 419.

⁴⁵⁸ Там же. С. 420.

⁴⁵⁹ Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. URL: <file:///C:/Users/home/Downloads/frank-dukhovnyie-osnovy-obshchies-frank.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

прагматического «оправдания» и не видит в ней пользы, то традиция отбрасывается.

Популяризаторы науки транслируют результаты научной деятельности в масс-медиа, сопровождая последние «естественными» (в терминологии Р. Барта, «натурализованными») коннотациями. Известную (и не малую) лепту в сложившийся порядок вещей вносит традиционное и электронное образование, транслируя «экстракты» механицистской парадигмы. Благодаря науке и образованию создается картина исчислимого мира и исчислимого человека, состоящих из «плотно прилегающих друг к другу материалов». Одна из перспективных, долгосрочных задач антропологии инноваций в этой связи видится в развертывании альтернативных картин мира и человека, в последовательной критике устоявшейся «метрологической» парадигмы. Согласно этой парадигме, измерению подлежит абсолютно все. В метрологической науке в сравнительно недавнем прошлом появился термин «нефизическая величина» (Р. Е. Тайманов, К. В. Сапожникова⁴⁶⁰, В. М. Романчук⁴⁶¹ и др.). В аннотации одной из статей прямо утверждается, что физическая величина отличается от нефизической «способом измерения».⁴⁶² Далее говорится: «У нефизических величин, которые существуют только в сознании людей, нет размеров – поэтому их нельзя делить или вычитать. Размер нефизической величины мы определим косвенно»⁴⁶³. Заслуживает внимания непреодолимое желание современной науки вычислить и измерить (пусть даже «косвенно», основываясь на специально изобретенных для этого терминологических конструкциях и методах). Безусловно, точные науки исторически развивались как науки фиксирующие и измеряющие. Однако, сегодня дело

⁴⁶⁰ Тайманов Р. Е. Измерения многопараметрических нефизических величин / Р. Е. Тайманов, К. В. Сапожникова // Приборы. 2017. № 10 (208). С. 40-45.

⁴⁶¹ Романчук В. М. Измерение нефизической величины // Системный анализ и прикладная информатика. 2017. № 4. С. 39-44.

⁴⁶² Там же. С. 39.

⁴⁶³ Там же. С. 39.

едва ли не подходит к некоему пределу смысла, к границе смысла и бессмыслицы.

В условиях интенсивного изобретательства новых «научных» понятий и терминов, распространения прогрессистской идеологии и вульгарно-метрологической парадигмы, создания квазинаучных концепций, посвященных сознанию, эмоциям и чувствам машин и т. д., неоспорима значимость особой установки мышления и деятельности, обеспечивающей сохранение и воспроизводство целостности человека. Именно о целостности сегодня следует говорить, так как трансгуманистические инновационные стратегии ориентированы на «расщепление» человека – отделение тела от сознания с последующей «загрузкой» сознания на небиологический носитель, на эксперименты над телом, когнитивными способностями и т. д. В конце концов, «расщепление» совершается не только в рамках проектно-научной деятельности (например, при исследовании генома человека), но и на дискурсивном уровне, теоретически. В главе 3 были рассмотрены основные идеи трансгуманизма, связанные с «переносом» сознания, созданием «е-существа» и др., выглядящие на сегодняшний день как фантастика. Однако, не следует забывать о том, что эти идеи, какими бы фантастическими они ни были, возвращаются в информационном пространстве, транслируются в масс-медиа, воздействуя на общественное мнение и, в конечном счете, на сознание человека.

В дискурсе трансгуманизма человек уже как бы априори расщеплен, мысленно (и не только) разобран на части. На основании трансгуманистических книг можно сделать вывод, что расщепленность – это не просто «норма», но и необходимое состояние человека. Оно необходимо в качестве условия для безболезненного отделения одной части от другой. Таким образом, сам человек сегодня является объектом метрологических изысканий, разложению на части с целью последующей «пересборки».

В контексте радикальных инновационных стратегий человек является *объектом*, потенциально подверженным множеству высокотехнологических манипуляций. В определенном смысле, человек – наиболее значимый объект (и самый загадочный для науки), но все же объект. В условиях антропологического кризиса требуется альтернативная установка мышления и деятельности, возвращающая человеческое измерение в инновационные стратегии, «антропология инноваций».

Антропология инноваций в противовес проективному (или, по выражению Г. П. Щедровицкого, «проектировочному») мышлению акцентирует внимание на *рефлексивном* мышлении, направленном на осмысление деятельности человека, культуры и ее оснований. В конечном счете, рефлексия – это деятельность самопознания. Технические науки, неразрывно связанные сегодня с инженерным проектированием, ни в коей мере не задействуют рефлексивное мышление – напротив, они направлены на расчет и вычисление, на достижение новых результатов, априори оцениваемых в качестве «прогрессивных». Формирование рефлексивного мышления невозможно в условиях монополии научно-технологического дискурса. В действительности, такой монополии и не существует – существует доминирование, хорошо видимое в системе институционального образования и новых образовательных проектах.

Анализ «Дорожной карты» проекта «Образования 2030» показал, что у проектантов отсутствуют четкие представления о содержании образования будущего. Подробное исследование материалов форсайт-сессий в т. н. «Библиотеке знаний» (см. материалы «Вызов 20.35», «Образование 20.35. Будущее», «Образование 20.35. Человек» и др.) дает основание утверждать, что вопрос «чему учить человека?» не является приоритетным. Например, в книге «Образование 20.35. Человек» уже в аннотации прямо сказано, что материалы форсайта помогают ответить на вопрос, «какими инструментами

создавать экосистему образования будущего?»⁴⁶⁴. Иными словами, проектантов волнует не столько вопрос о содержании и смыслах, сколько об инструментах и технологиях. Все без исключения материалы форсайт-сессий содержат перечисление социальных мегатрендов – «цифровизацию», «автоматизацию», «трансформацию социальных институтов» и некоторые другие⁴⁶⁵. Безусловно, определение трендов представляется корректным и имеет право на существование. Между тем, следует помнить о том, что формулировки трендов всегда задают содержательные рамки и направление исследования. В так сформулированных трендах отсутствует собственно человеческое измерение – тренды красноречиво говорят о технических и технологических сдвигах, трансформации институтов, о растущих скоростях прогресса, но не о человеке. Вопросы о человеческом, о личности, даже не ставятся. Кажется невероятным, но в цитируемом сборнике материалов, посвященных человеку (на это прямо указывает название книги), всего две страницы посвящены перечислению знаний, умений и навыков, необходимых, по оценке авторов, для будущего⁴⁶⁶. Естественно, этот перечень не оригинален и дублирует идеи из других книг обозначенной «Библиотеки». Перечень сводится к «системному мышлению», навыки обработки и анализа информации, навыки, связанные с тем, «что не могут делать машины»⁴⁶⁷ (цитируется дословно), навыки «мультидисциплинарности». Все без исключения обозначенные пункты оставлены без пояснений. Вполне возможно, это произошло потому, что сами авторы форсайт-сессий в известной мере стали «заложниками» сформулированных ими же «нечеловекоразмерных» трендов.

Анализ практических шагов реализации проекта «20.35» также дает основания для неоднозначных выводов. Например, в 2017 г. был открыт Университет Национальной технологической инициативы (НТИ),

⁴⁶⁴ Образование 20.35. Человек. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. 152 с.

⁴⁶⁵ Там же. С. 15-18.

⁴⁶⁶ Там же. С. 20-21.

⁴⁶⁷ Там же. С. 20.

призванный обучать студентов созданию проектов для новых рынков (естественно, речь ведется о технологических проектах), вступать в альянсы с другими вузами для реализации той же цели, проводить «образовательные интенсивы» и обучать с помощью Интернет-платформ в онлайн-формате. В презентации Университета НТИ утверждается, что вуз реализует четыре образовательных модели⁴⁶⁸. Однако, эти «модели» всецело подчинены одной цели. Она не формулируется как «формирование культуры проектирования» или «формирование проективной грамотности». Цель ставится предельно четко: научить проектированию чего-либо, востребованного на рынке. Вместо содержания учебной деятельности в презентации присутствуют «образовательные форматы». По всей видимости, именно этот перечень должен ответить на вопрос, чему учить современного человека: спорт, физическая активность, работа с технологическими и предпринимательскими задачами, формирование «технологической грамотности», развитие «личных компетенций», освоение различных практик мышления в т. н. «клубах мышления». К сожалению, авторы документа не поясняют, что подразумевается под «личными компетенциями» и в чем заключаются содержание работы «клубов мышления». Симптоматично, что в перечне «личных качеств человека» названы «лидерство», «коммуникация» (именно так сформулировано качество), «мышление и креативность», «самоорганизация», а затем перечисляется то, что совершенно не относится к человеческим качествам: «кибер-безопасность», «цифровой дизайн» и т. д. Как и во многих других документах и материалах проекта «Образование 20.35», в презентации Университета НТИ нет ответа на вопрос, чему учить человека. Но, тем не менее, в самых общих чертах дан ответ на вопрос, какого человека должно *образовать* современное, «перспективное» образование.

⁴⁶⁸ Концепция Университета Национальной технологической инициативы. URL: <https://2035.university/upload/iblock/0a9/0a9231d2eecaf8e5165a2cf38a5e488f.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

Этот и подобные ему проекты требуют *критического* осмысления. В противном случае реформирование образования может происходить не ради человека, а ради самой же идеи реформирования. Антропология инноваций как особая установка мышления формулирует и ставит критические, «неудобные» вопросы, когда, на первый взгляд, наблюдается обманчивая ясность положения. Краткий анализ современного российского проекта по реформированию образования показал, что авторы проекта настойчиво акцентируют внимание на «форматах» образования будущего, но не на его содержании. Все (в том числе гипотетические) новшества, такие как «алмазные буквари», «персональные образовательные траектории», обучение на онлайн-платформах и пр. выражают формальную сторону образования. О содержании говорится лишь то, что человека будут учить (собственно, уже учат) проектированию с ориентацией на «новые рынки».

Критическое осмысление намеченной перспективы дает основания для важного вопроса: какой *образ* человека конструируется современными проектантами? Какого человека авторы проекта хотят видеть (видят) на горизонте? Факт, что «клубы мышления» – далеко не первая практика в перечне направлений деятельности новых учебных заведений, возникших под эгидой проекта «20.35», позволяет спросить, о каком мышлении идет речь? Чем «клубы мышления» принципиально отличаются, например, от рекламных отделов корпораций? Еще в первой половине XXв. возник и популяризировался метод «мозгового штурма», требующий интенсивной артикуляции всего, что придет человеку в голову в связи с поставленной задачей. Не требуется ли от будущих бизнесменов «мозгового штурма», применяющегося сегодня и в учебных заведениях?

Антропология инноваций, по-видимому, не может быть не критической в отношении масштабных проектов, определяющих интересы, перспективы и влияющих на жизнь миллионов человек, – большей частью, молодого поколения. Ее *демифологизирующая* функция сегодня, как никогда ранее,

актуальна. В особенности демифологизация важна там, где происходит намеренная редукция и «схематизация» человека. В третьей главе уже говорилось о редукции человека в интеллекту, совершающейся в рамках трансгуманистических инновационных стратегий. Однако, это не единственная вариация редукции. Так или иначе, инновационные стратегии касаются различных сфер человеческого существования – экзистенциальной, художественно-творческой, метафизической и др. Д. Пирс (один из основателей Всемирной трансгуманистической ассоциации) в книге «Гедонистический императив» («The Hedonistic Imperative») сформулировал такую задачу: «я схематически покажу, как *биотехнологически* [курсив мой – А. Д.] возможен светский рай, наполненный вечным счастьем. Я буду аргументировать, почему его реализация инструментально рациональна и этически обязательна»⁴⁶⁹. Д. Пирс уверен, что в недалеком будущем «опьяняющая радость нормальной постдарвинистской жизни будет генетически запрограммирована»⁴⁷⁰. По мнению ученого, человек «дарвиновского мира» (то есть борющийся за место под солнцем) перманентно живет в состоянии «эндемического недомогания». Эту положение дел можно прекратить только биотехнологически, погрузив человека в другое состояние – «оргазмического блаженства», вызванного модификациями дофаминной системы. В конечном счете, счастье определено Д. Пирсом с помощью биологической терминологии. В качестве примера процитируем автора: «Наше счастье будет достигнуто химически и генетически с еще большим мастерством и утонченностью. И наоборот, несколько порочных триггеров необычайной мерзости (например, брадикинин, ноцицептин) будут изгнаны из сенсориума, чему можно доверять навсегда»⁴⁷¹. Идеи Д. Пирса сегодня не являются чем-то исключительным. В биологии и генетике существуют направления

⁴⁶⁹ Pearce D. The Hedonistic Imperative. URL: <https://www.hedweb.com/hedonist.htm> (дата обращения: 11.08.2020).

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Там же.

исследования счастья, радости, депрессии, позитивных эмоций и т. д. Ученые пользуются категорией счастья в качестве обобщающей для определенных веществ и их связей. Причины состояний человека сводятся к взаимодействию веществ в его организме. Из исследования Л. Бройнинг, например, можно узнать, что счастье – это сумма серотонина, эндорфина, окситоцина и дофамина. Каждое из названных веществ позиционируется в качестве главной (если не единственной) причины того или иного состояния человека. В качестве подтверждения сказанного процитируем труд Л. Бройнинг: «Дофамин создает чувство радости от того, что человек находит что-то необходимое. Это то чувство, когда люди произносят: “Эврика! Я нашел!”»; «Окситоцин дает человеку ощущение безопасности в кругу себе подобных. Теперь это называется “социальные связи”»⁴⁷².

Противоречивая тенденция наблюдается и в отношении к художественно-творческим способностям и талантам человека. Творчество редуцируется к каким-либо интеллектуальным процессам. В книге «Апгрейд в сверхлюди» А. В. Мищенко (автор состоит в ассоциации трансгуманистов) творчество сведено к «моделированию» чего-либо с помощью воображения. При этом автор книги замечает, что на это «моделирование» непосредственно влияют все химические процессы, происходящие в мозгу⁴⁷³. Творческая деятельность в дискурсе А. В. Мищенко заменяется «моделированием», обусловленным, в свою очередь, внутренними химическими процессами. Можно сказать, что представления о творчестве меняются в соответствии с представлениями о человеке. Характер и темперамент мыслятся многими учеными как непосредственно обусловленные генами, а эмоции и чувства – химическими соединениями в организме. Творчество, в свою очередь, сводится к рекомбинации знаков.

⁴⁷² Бройнинг Л. Гормоны счастья. Как приучить мозг вырабатывать серотонин, дофамин, эндорфин и окситоцин. URL: <https://www.litres.ru/loretta-broyning/gormony-schastyja/chitat-onlayn/> (дата обращения: 11.08.2020).

⁴⁷³ Мищенко А. В. Апгрейд в сверхлюди. Технологическая гиперэволюция человека в XXI в. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 166 с. С. 151.

Знак стал как бы «мельчайшей клеткой» творчества. Художественно-гипертрофированная интерпретация творчества представлена, например, в «Вавилонской Библиотеке» Х. Борхеса. В самом деле, биологической машине не доступны инсайты, прорывы, буйство образов. Сложившаяся трактовка творчества вполне закономерна и логически связана с интерпретацией человека.

Метафизическая сфера человеческого существования тоже подверглась существенным деформациям. Если кратко резюмировать результаты анализа трансгуманистических текстов, то можно сказать, что человек не нуждается в «гипотезе» о боге. В трудах Н. Бострома, М. Мора, Д. Пирса, А. А. Болонкина и других трансгуманистов прямо говорится, что человек сам является богом, так как именно он сотворил технико-технологический мир и поставил его на службу высоким целям – взятию эволюции под контроль человека, избавлению от тела, созданию «человекоэквивалентного компьютера-чипа» (термин А. А. Болонкина)⁴⁷⁴. По замечанию А. В. Мищенко, «гипотеза существования Бога не необходима для объяснения мира»⁴⁷⁵. Место бога в дискурсе трансгуманизма занял разум, «заражающий» (выражение А. В. Мищенко) собой материю. Абсолютный, в отличие от ограниченного разума, будет способен «деформировать и обращать пространство и время»⁴⁷⁶. Таков «экстракт» метафизики трансгуманизма, принципиально не отличающийся от сюжетов литературной фантастики (например, рассказов А. Азимова). Космическое существование разума невозможно, в понимании трансгуманистов, без синтеза с искусственным интеллектом. Неорганическое (hardware, «железо») должно стать носителем электронных «личностей». Панпланетарный разум – это союз разумов, отказавшихся от органических тел.

⁴⁷⁴ Болонкин А. А. Добро пожаловать в бессмертие. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=54005> (дата обращения: 11.08.2020).

⁴⁷⁵ Мищенко А. В. Апгрейд в сверхлюди. Технологическая гиперэволюция человека в XXI в. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 166 с. С. 144.

⁴⁷⁶ Там же. С. 145.

Демифологизирующая функция антропологии инноваций должна осуществляться в противодействие упрощению, схематизации человека. Реализация этой функции, безусловно, предполагает аналитическую работу, оценку внутренней логики текста, сопоставление исходной информации с научными данными из альтернативных источников и т. д.

Эта же функция может осуществляться не только в отношении к сложившемуся благодаря науке и масс-медиа образу человека, но и к тому, что и как он делает, что представляет сегодня предмет его заботы. Небезосновательны опасения, что проектирование внедрилось практически во все сферы жизни человека. Даже в образовании, традиционно «отстающей» сфере, внедряется проектное обучение, сконцентрированное на конкретных, исчислимых, репрезентативных результатах. Антропология инноваций озабочена *аксиологическими* основаниями мышления и деятельности человека. Ключевой вопрос в этой связи – как возможно не упускать из виду аксиологический компонент, сделать его органичной частью, фундаментом проектирования и вообще деятельности человека?

Антропология инноваций как особая установка мышления удерживает «ради», ищет ценностно-смысловые основания и спрашивает об этих основаниях. Это установка, озабоченная ценностно-смысловой детерминацией инноваций, инновационных стратегий, «проектировочного» мышления и проектирования. Она тем более актуальна, чем сильнее происходят пертурбации в мышлении и деятельности современного человека. По замечанию Ф. И. Гиренка, человек сегодня мыслит по-новому. Так происходит потому, что «события объявили войну смыслам», а скорость возникновения и смены «громких» событий интенсивна. Отсюда Ф. И. Гиренок сделал неоднозначный, но не лишенный оснований вывод: ум нужен человеку сегодня не для того, чтобы анализировать, а для того, чтобы действовать, даже не задумываясь о возможных последствиях. В масс-медиа,

транслирующих «информационные следы» событий, важен способ подачи информации о событии, но не смысл события⁴⁷⁷.

Действие во что бы то ни стало, без тщательного продумывания последствий, постоянно стимулируемая привычка «думать быстрее»⁴⁷⁸, чреват дезориентацией человека в мире, тотальным обесмысливанием не только деятельности, но и жизни в целом. Удержание ценностно-смыслового измерения деятельности необходимо, в конечном счете, для сохранения целостности человека. Антропология инноваций озабочена ценностно-смысловой детерминацией отношения человека к миру (в том числе, отношения субъекта к объекту). Естественные и технические науки, под эгидой которых сегодня реализуются масштабные инновационные проекты, преимущественно (если не исключительно) знают только когнитивную детерминацию познавательного отношения, изучая объекты «сами по себе», в их «собственных измерениях»⁴⁷⁹. По замечанию Н. Г. Супрун, ценностно-смысловая рефлексия предполагает, что человек не «отвлекается» от собственных переживаний и эмоций⁴⁸⁰. В дискурсе о внутринаучных ценностях (таковые, по мнению исследователя, безусловно, имеются) речь идет не о ценностном, а о целевом «срезе» смыслополагающей деятельности⁴⁸¹. Идентичная ситуация наблюдается и в других сферах жизнедеятельности человека. Позицию Н. Г. Супрун можно радикализировать в отношении к проектированию: цель проектирования может вообще не иметь к проекту никакого отношения и всецело входить в сферу личного интереса (личной выгоды) проектанта.

Из сложившегося положения (доминирования целевой установки над ценностной, объективно-научного, «отстраненного» взгляда на мир)

⁴⁷⁷ Гиренок Ф. И. Что значит сегодня мыслить по-новому? URL: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/teksty/280-f-i-girenok-chto-znachit-segodnya-myslil-po-novomu> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Супрун Н. Г. К вопросу о ценностно-смысловой детерминации научного познания // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №29(167). С. 26-29. С. 28.

⁴⁸⁰ Там же. С. 29.

⁴⁸¹ Там же. С. 29.

исследователь видит несколько возможных направлений выхода. Первое направление предполагает осуществление учеными «духовной реформации» мировоззренческих установок, формирования новой системы ценностей, ориентированной на «гуманизацию науки», «экспликацию внутринаучных целей» (имеются в виду прирост нового знания, поиск объективной истины) общегуманистическими принципами и ценностями. Второе направление связано с переходом от «закрытой» к «открытой» рациональности (сохраняем здесь терминологию исследователя). «Открытая» рациональность направлена на разработку «диалоговой», «коммуникативной», методологии как «языка интересубъективной ориентации». Автор имеет в виду не только междисциплинарное взаимодействие естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин, но и взаимодействие науки с различными типами культур⁴⁸². Представляется, что это не два различных направления выхода из сложившейся ситуации. Оба они, в сущности, обозначены ради одной и той же цели – достижения баланса между целевым и ценностным «срезами» смыслополагающей деятельности человека.

Антропология инноваций является и особой установкой деятельности. Как установка деятельности она неразрывно связана с установкой мышления на определение аксиологических оснований инновационной активности. Рефлексивное, критическое мышление ориентировано, во-первых, на оценку внутренней логики инновационной деятельности, а, во-вторых, на соответствие того или иного проекта гуманистическим ценностям (в объективной и общепринятой форме они выражены в законодательстве). Основная задача антропологии инноваций заключается в экспертизе проекта с установлением степени его принципиального соответствия или несоответствия обозначенным ценностям. Безусловно, это сближает антропологию инноваций с гуманитарной экспертизой, идея которой начала оформляться еще в первом десятилетии XXI столетия. Обобщая задачи

⁴⁸² Там же. С. 29-30.

гуманитарной экспертизы, В. А. Луков писал, что она представляет собой «опережающее реагирование», призванное найти возможные риски инноваций, пока эти риски еще не очевидны и не вполне осознаются. В отличие от этической экспертизы, гуманитарная экспертиза не является «одноразовым мероприятием», но скорее формой диалога различных сторон (экспертов, управленцев, новаторов и т. д.)⁴⁸³.

Антропология инноваций, в отличие от гуманитарной экспертизы (по крайней мере, в интерпретации Б. Г. Юдина и В. А. Лукова как ведущих разработчиков идеи) не сосредоточена исключительно на оценке возможных рисков. Главным образом, она акцентирует внимание на ценностно-смысловых основаниях инноваций. Как и экспертиза, антропология инноваций начинается с прояснения содержания и внутренней логики проекта. В процессе аналитической работы выясняется, во-первых, содержание ключевых понятий и терминов – смысловых конструкций проекта. В адрес авторов проекта формулируются уточняющие вопросы и предложения по корректировке. Эти уточняющие вопросы и предложения с необходимостью должны быть опубликованы и (оптимальный вариант) адресованы непосредственно проектантам. Принципиально важные вопросы и ответы на них (если таковые имеются) необходимо сделать предметом обсуждения с обязательным участием сторонних лиц – потенциальных «адресатов» проекта.

Прояснение ключевых понятий и терминов проекта – первоначальный и принципиально важный шаг, так как от него во многом зависит то, как будет разворачиваться проект и в каком направлении (а также в ориентации на какой смысловой горизонт) будут осуществляться преобразования. Авторы проекта «Образование 20.35» (в старой редакции «Образование 2030»), естественно, должны начать с «азов» и обозначить собственное понимание образования. Анализ материалов показал, между тем, что

⁴⁸³ Луков В. А. Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // Знание. Понимание. Умение. 2006. №4. С. 197-200. С. 197.

уточнение понятий в принципе не входит в задачи проекта⁴⁸⁴. Авторы доклада «Будущее образования: глобальная повестка» настойчиво пишут о «моделях» индустриального и современного образования (она, кстати, не имеет никакого «маркера»), из которых «новая модель» принципиально лучше «старой»⁴⁸⁵. Небольшой абзац текста посвящен в докладе пониманию образования. По мнению авторов, образование – это «социально оформленный процесс поддержки развития на цикле человеческой жизни от рождения до смерти»⁴⁸⁶. Такое определение, без сомнения, вызывает множество вопросов: в чем особенность образования в сравнении, например, с воспитанием? Почему образование определяется через «поддержку»? О каком понимаемом «развитии» ведется речь? Перечисленные вопросы (и оставшиеся «за кадром» многие другие) отнюдь не праздны. От ответов на них будет непосредственно зависеть содержание реформ.

Оценка внутренней логики проекта предполагает анализ соотношения цели (целей) и задач, инструментария, предполагаемых результатов. В первую очередь, необходимо выяснить, не отсутствует ли какой-либо важный элемент проекта (например, четко поставленная цель или методология). Очень часто проектанты избегают (это касается и научных проектов) фиксации методологии, то есть средств реализации идеи. Возникает впечатление, что цели и задач для проекта вполне достаточно, а средства будут подбираться «по ходу дела». В действительности, многие проекты (в том числе перспективные и масштабные) не достигают поставленной цели и затухают на этапе реализации по причине методологического «разброса». Уже при первом взгляде на проект «Образование 20.35» можно увидеть, что авторы не прописали средства реализации. Вместо этого они составили «Дорожную карту», состоящую целиком и полностью из «трендов» и указали примерные даты реализации

⁴⁸⁴ Будущее образования: глобальная повестка. С. 7-8.

⁴⁸⁵ Там же. С. 7-8.

⁴⁸⁶ Там же. С. 7.

этих «трендов». Однако, какими средствами будут реализованы эти «узловые пункты», остается загадкой. Более внимательный взгляд на содержание «Образования 20.35» дает основание для сомнений в том, что это проект. Авторы используют классическую схему, известную еще в XIXв.: перечисление возможных событий и указание примерной датировки каждого. Собственно, перед нами схема прогноза, а не проекта. В отличие от проекта, прогноз не предполагает обозначение средств реализации – это перечень гипотетических событий. Если традиционная школа, исторически известная уже не одно столетие, объявляется «местом для неудачников», то как тогда должно выглядеть иное «место»? Каковы средства для реорганизации (или ликвидации) традиционной школы? Каковы средства для создания чего-либо нового? На эти вопросы авторы не отвечают. В качестве ответов они заверяют, что логика развития информационного, технологического общества приведет к обозначенным событиям вне зависимости от желания человека – рано или поздно возникнут «алмазные буквари», искусственный интеллект станет постоянным «партнером» в учебной деятельности, «общее» образование сменится персональными образовательными траекториями и т. д.

Следующим шагом после оценки внутренней логики проекта и прояснения ключевых понятий может быть оценка соответствия цели, задач и инструментария проекта экономическим, политическим, социальным и культурным условиям среды реализации. Именно это сопоставление нередко приводило к тому, что проект объявлялся «утопией». На этом шаге от эксперта требуется комплексная оценка «почвы», в которую будут посеяны «зерна» проекта. Школа – традиционный многовековой социальный институт – вовсе не тождествен классно-урочной системе, которую периодически критиковали и пытались предать забвению (И. Иллич, П. Фрейре и др.). Тем не менее, в проекте «Образование 20.35» «традиционная школа» (опять же без пояснений, что же под ней понимается) объявляется местом для

неудачников. Фактически проект претендует не на реформирование того или иного социального института, а на ликвидацию многовековой традиции, редуцированной до классно-урочной системы и признанной авторами проекта устаревшей. Между тем, проектантам следует помнить, что успех реализации проекта зависит от того, в какую почву сеются его зерна. Отвлекаясь от метафор, можно сказать, что определение целевой группы проекта и ведение предварительной работы с представителями целевой группы – одна из важнейших задач. Сегодня, как никогда ранее, назрела необходимость ведения диалога, все участники которого имели бы непосредственное отношение к тому или иному проекту. Можно ли дать веские гарантии, что адресаты проекта – преподаватели и студенты, учителя и школьники, руководители образовательных учреждений, политики – действительно нуждаются в кардинальном изменении «модели» образования? Фактически диалог сегодня подменен точечными социологическими опросами, на основании которых делаются подобные выводы: «... можно сделать общий вывод, что подавляющее большинство студентов ЛЭТИ [Электротехнический университет Санкт-Петербурга – прим. А. Д.] по итогам прошедшего семестра вне зависимости от курса, направления и формы обучения позитивно отнеслось к включению онлайн-курсов в учебный процесс по изученным ими дисциплинам». На каком основании авторы опроса сделали вывод о «позитивном» отношении? Опрос, при всей универсальности этого метода, не является формой диалога. Диалог необходим для того, чтобы были слышны мнения пропозиционеров и оппозиционеров, тезисы и антитезисы. Эти мнения должны быть в широкой доступности – в противном случае, общество может стать жертвой одностороннего, авторитарного решения проблемы.

Антропология инноваций базируется на следующем принципе: человек должен выступать в качестве полноценного, полноправного субъекта

инновационных процессов (тем более, если эти процессы непосредственно касаются его личности, ценностей, уклада жизни).

Общая оценка многих проектов (не в последнюю очередь и трансгуманистических) дает основания для сомнений в том, что они человекоориентированы. Анализ содержания трудов трансгуманистов, ХХи ХХIвв., (в частности, Н. Бострома, Д. Пирса, Э. Юдковски, В. В. Прайд, Д. А. Медведева, Д. И. Ицкова и др.) привел к выводу о том, что одно из ключевых положений занимает на страницах работ образ эпохи технологической сингулярности, тогда как теме постчеловека отводятся незначительные абзацы. Возникает впечатление, что трансгуманисты показывают читателям то, что будущее не за человеком (и даже не за «постчеловеком»), а за стремительно и бесконтрольно развивающейся техникой. Символ будущего – «сильный» искусственный интеллект, а не «постчеловек». Те же сомнения можно выразить и в адрес проекта «Образование 20.35», акцентирующего внимание на гипотетических технологиях и, в сущности, представляющего список возможных технологических новаций. Философы (а также ученые-гуманитарии) как равноправные участники диалога должны постоянно возвращать проектантов к человеку, ставить вопросы о человеке как конечном адресате любого проекта.

Гуманитарному знанию еще предстоит стать полноправным участником диалога об инновациях. На сегодняшний день уже оформляются прорывные идеи, выводящие гуманитарное знание в философию в частности за пределы научных публикаций. Они тем более актуальны, чем решительнее осуществляется «уход» человека с позиций активного, полноценного участника жизни⁴⁸⁷. С. А. Смирнов предлагает, например, следующие инициативы: создание «АнтропоNet» – рынка антропоориентированных продуктов, потребители которых участвовали бы и в их создании, разработке, обсуждали идею и т. д.; интеграция гуманитарных технологий в

⁴⁸⁷ Смирнов С. А. Антропологическая платформа для национальной технологической инициативы (приглашение к дискуссии) // Философская антропология. 2018. №2. С. 69-80. С. 70.

практики разработок и исследований (прежде всего, научных); формирование института гуманитарной экспертизы; создание «полигонов-лабораторий» на базе учебных учреждений. По мнению исследователя (которое вполне разделяем и мы), «умные» разработки и экспертиза никогда не достигнут принципиально значимых результатов, пока с помощью гуманитарных технологий человек не будет формироваться с самого рождения. Инициативам и предложениям по внедрению гуманитарных технологий в образование как процесс сохранения и воспроизводства целостности человека посвящен заключительный параграф диссертации. Здесь же необходимо отметить, что философы не смогут стать полноправными участниками диалога, если не будут заявлять о себе. Современные технологии дают возможности для широкого обсуждения тех или иных вопросов. Ни АнтропоNet, ни гуманитарная экспертиза, ни междисциплинарная коллаборация невозможны сегодня без освоения Интернет-технологий. Игнорировать их возможно только до определенного времени. Однако, вопрос о путях и способах интеграции гуманитарных технологий в жизнь человека все настойчивее будет заявлять о себе.

4.2. Предметная область и проблематика антропологии инноваций

Одна из сверхзадач гуманитарных дискурсов сегодня – вернуть в мир человека, называемого создателями радикальных инновационных стратегий «звеном эволюции», обреченного на перерождение (в виде цифрового контента, отождествляемого с сознанием) или смерть. Формирование альтернативной картины мира, то есть картины мира с человеком, можно рассматривать в качестве попытки возврата человека к вечным вопросам, о которых сегодня, вовлекаясь в инновационную гонку, человек мог и забыть. В данном случае речь идет, конечно, не о каждом конкретном человеке, а о доминировании научно-технического знания, отбрасывающем все «лишние» вопросы (прежде всего, вопросы о духе, духовности, душе, сознании и т. д.) как метафизику. Наиболее четко это отбрасывание «лишнего» прослеживается тогда, когда научное знание совмещается с идеологией прогрессизма.

В этом отношении показательно, но отнюдь не является исключением уже упомянутое интервью журналиста М. Дери с ученым-робототехником Г. Моравеком. Ученый утверждал, что человечество вымрет, подобно динозаврам, уступив место более прогрессивной – механической или электронной – форме жизни. Примечателен уже тот факт, что для интервьюируемого искусственный интеллект, как бог, может сотворить новую жизнь. Электронные технологии не просто станут средством для возникновения некоей жизни, а они сами и есть новая форма жизни⁴⁸⁸.

Гуманитарные стратегии как раз и должны побуждать человека к новым поискам ответов на принципиально важные вопросы. Очевидно, что могут возникнуть и самостоятельные гуманитарные стратегии, однако гуманитарно-стратегическая составляющая должна иметься в виду при любом стратегическом проектировании. Тем более актуальны ответы на

⁴⁸⁸ Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ, 2008. 480 с.

смысложизненные вопросы в эпоху инноваций, с присущей этой эпохе интенсификацией социальных, политических, культурных перемен.

Несмотря на то, что конечный, итоговый ответ на вопрос о ценностях дается самим человеком, его конкретным, уникальным существованием, личными приоритетами, объективные тенденции говорят о том, что мир стремительно меняется. Эти тенденции – ускорение перемен во всех сферах жизни общества, интенсивное развитие новых технологий, в том числе, ориентированных на модификацию (и даже аннигиляцию) традиционной формы жизни – затрагивают самые основы существования человека. Можно ли отдать решение проблем, возникающих в связи с возрастающими темпами изменений, на «откуп» индивиду? Не случайно в среде ученых все чаще говорят о гуманитарной и этической экспертизах. Сверхзадача экспертиз заключается в том, чтобы выявить и предотвратить потенциальные риски от необдуманных изменений, препятствовать поспешному демонтажу традиции. Не предлагая какой-либо «универсальной» рецептуры, гуманитарные дискурсы играют при этом важную роль: они, если выразиться на манер Ж. Делеза, создают картину «возможного мира»⁴⁸⁹. Необходим ли этот «возможный мир»? В чем его назначение? Одна из сверхзадач гуманитарных дискурсов сегодня – вернуть в мир человека – уже списанного со счетов «звена эволюции», обреченного на перерождение или смерть. Формирование альтернативной картины мира можно рассматривать в качестве попытки возврата человека к вечным вопросам, о которых сегодня, вовлекаясь в инновационную гонку, человек мог и забыть.

История показывает, что любая масштабная технология (например, информационные технологии), так или иначе, вызывает как безудержный оптимизм, так и категорическое противодействие. Когда на Западе возникли персональные компьютеры, появились и своего рода «технокульты». У других людей информационные технологии, напротив, вызывали ненависть.

⁴⁸⁹ Делез Ж. Что такое философия? С. 7.

Гуманитарные дискурсы могут обозначать именно то, что уходит в глубокую тень у сторонников технокультов или показать неконструктивность неолуддизма. Они могут удерживать в поле зрения всегда две стороны, не абсолютизируя значения ни одной из них: технико-технологические преимущества и культурные, антропологические смыслы любых новшеств.

В обществе, ориентированном на капиталистические отношения и инновационные продукты, такие дискурсивные «возможные миры» играют ценностно-ориентирующую роль, говорят об альтернативных способах существования. В определенном смысле появление этих дискурсов можно рассматривать как симптом тревоги за будущее человека. С появлением новых технологий и расширением возможностей вмешательства в телесную природу, воздействия на когнитивные способности человека тревога за будущее стремительно нарастает. Это выражается, в частности, критикой интеллектуалами (среди них философы, социологи, футурологи и другие специалисты) трансгуманистического «технооптимизма». Вариантами противодействия трансгуманистическим притязаниям являются, прежде всего, гуманитарная и этическая экспертизы (о них говорилось ранее), а также т. н. «археоавангардистская» философия. По определению В. А. Кутырева – идейного основателя «археоавангардизма», «археоавангард» – это консервативное мировоззрение, направленное на сдерживание идеологии инновационного «бума» и жесткое регулирование научно-технических разработок⁴⁹⁰. Противоположную идеологию – идеологию постоянного обновления «тел» и «вещей» – В. А. Кутырев называет «инновационизмом»⁴⁹¹. По мнению философа, «инновационизм», по существу, монистичен, так как знает только линию технологического эволюционизма. Археоавангард, напротив, является идеологией плюрализма, так как признает коэволюцию «многообразных форм бытия» и совершенство

⁴⁹⁰ Кутырев В. А. Бытие или ничто. С. 9.

⁴⁹¹ Там же. С. 9.

каждой из этих форм⁴⁹². Заряд «археоавангарда», по выражению самого В. А. Кутырева, выражается в «вопле»: «Кассандра должна кричать, хотя бы ее никто не слушал. Человек не обязан исчезать молча, в “немыслимом мире”»⁴⁹³. На что же претендует обозначенная идея? Ее притязания распространяются на создание «антитехнототалитаристской атмосферы» ради появления «действительно открытого общества»⁴⁹⁴. Разумеется, идея «археоавангарда» требует, по В. А. Кутыреву, обозначения перспективы. Она непосредственным образом вызывает вопросы. Идеология «инновационизма» заводит человечество в тупик, вынуждает «потерять» мир и самого человека. В таком случае как будет разворачиваться альтернативная идеология? Как и к чему человек должен «вернуться»⁴⁹⁵? Автор книги «Бытие или ничто» подчеркивает, что культ природы, материнского лона не является реальной, жизнеспособной альтернативой «инновационизма». Иными словами, человечество не сможет вернуться к природе и отказаться от своих прогрессистских притязаний. Главным перспективным средством преодоления издержек «инновационизма» для В. А. Кутырева является так называемый «великий консервативный поворот» всей философии⁴⁹⁶. Содержание «великого поворота» определяется, по мнению В. А. Кутырева, критикой научного рационализма, развернутой в трудах В. С. Соловьева, Л. Шестова, М. Хайдеггера и других мыслителей, а также развенчанием «популярных» постструктуралистских концепций, воспевающих «смерть автора» или «смерть субъекта»⁴⁹⁷. Философия должна бросить все силы на «культивацию» «археоавангардистских» идей.

Одна из задач философии сегодня заключается в том, чтобы обстоятельно, основательно разобраться в мировоззрении человека, в настроениях эпохи. Философия может не только предложить человеку

⁴⁹² Там же. С. 9.

⁴⁹³ Там же. С. 9.

⁴⁹⁴ Там же. С. 465.

⁴⁹⁵ Там же. С. 470.

⁴⁹⁶ Там же. С. 474.

⁴⁹⁷ Там же. С. 474.

задуматься над вечными смысложизненными вопросами, но и объяснить, почему это необходимо, и к чему может привести игнорирование этих вопросов. Сегодняшнее гуманитарное знание нуждается в комплексном, максимально развернутом ответе на вызовы современности – в «антропологии инноваций», рассматривающей человека и как субъекта, и как объекта инновационных процессов.

Антропология инноваций не должна ничего искоренять – она должна дать человеку возможность выбрать свой путь самому. Однако этот путь должен быть осмысленным, быть во всех отношениях *своим*. Антропология инноваций должна быть частью общей философской работы. Эта работа связана с тем, что кроме философов никто не в состоянии сделать – с выработкой новых универсалий как культурного кода и ценностных ориентиров для человечества и человека в той новой реальности, в которой они существуют, живут и действуют. В ситуации невероятной фрагментированности и динамики есть острая нужда в универсальном обобщающем высказывании о человеке и его мире.

Чем же обусловлена значимость антропологии инноваций сегодня? В «Левиафане» Т. Гоббс уподобил могущество человека движению тела, обладающего большой массой: чем дальше оно движется по наклонной траектории, тем стремительнее увеличивается скорость его движения⁴⁹⁸. В ХХIV. могущество человека непосредственно распространяется на природу, общество и, наконец, на самого человека. Исследуя самого себя, человек пришел к принципиально важным, судьбоносным выводам: во-первых, он несовершенен; во-вторых, это «несовершенство» можно и даже необходимо исправить. Чтобы прийти к таким выводам, человек должен был предварительно на что-то ориентироваться, приложить к себе ту или иную «мерку». Этой меркой, без преувеличения, стала техника. Ориентация на технику вовсе не обязательно выражается в обожествлении компьютера или

⁴⁹⁸ Гоббс Т. Левиафан.

иных устройств (хотя во многих цивилизованных странах спонтанно возникали «технокульты»). Достаточно признания в том, что техника *совершеннее, перспективнее, надежнее* человека, что она уже развивается по своим собственным законам.

Один из «аванпостов», которые человек еще сохранил, – творчество. Однако, некоторые интеллектуалы пытаются развенчать и это убеждение⁴⁹⁹. В свободном доступе в «Интернет» сегодня можно найти многочисленные программы для создания текстов и стихотворений. Онлайн-переводчик поможет сделать литературный перевод текста фактически с любого языка. В статьях, посвященных этим и иным технологиям, всерьез декларируются тезисы типа «ученые нашли алгоритм творчества», «возможно, совсем скоро компьютер превзойдет поэтов» и т. д.

Вызовы эпохи инноваций порождают вопросы: ради чего происходит рост могущества человека? К чему приведет увеличение скорости «производства» инноваций, кроме временных успехов в конкурентной борьбе за технологическое, экономическое и политическое лидерство? Высвечивающееся в этих вопросах аксиологическое содержание еще не стало самостоятельным предметом внимания. В условиях капитализма возникла неоднозначная ситуация: с одной стороны, инновации предстают как универсальное средство движения человека и общества вперед; с другой стороны, понимание того, что такое инновации, детерминируется научно-техническим дискурсом. Инновации неразрывно связываются в сознании со сферами техники и технологий.

В этой связи, антропология инноваций начинается с вопроса: возможен ли разговор об инновациях за пределами экономического, управленческого и технико-технологического контекстов? Поиск ответов на этот вопрос не входит в компетенцию экономистов, инженеров и менеджеров. Несмотря на

⁴⁹⁹ Волоцкий М. Алгоритмы творчества: может ли компьютер создать произведение искусства?

то, что эти вопросы пребывают в забвении, они отнюдь не праздны – напротив, они «неудобны» для человека.

О том, что человек озабочен вещами, свидетельствует распространенная и доминирующая интерпретация инновации. Например, авторы проекта «Инновационная Россия-2020» связывают инновации с продуктами производства. Принципиальную значимость в этой связи имеют ответы на вопросы, *что* является результатом производства и о *каком* производстве идет речь. В условиях капитализма результатом производства являются т. н. «экономические блага», функционирующие на рынке и удовлетворяющие потребности товары и услуги. В соответствии с этим производство фактически превратилось в *индустрию*. Этот термин из области народного хозяйства переключался даже в сферу духовной культуры (книжная индустрия, индустрия развлечений и т. д.), обозначая массовизацию и скорость оказания услуг.

В качестве наиболее эффективного средства повышения восприимчивости населения к новшествам названа пропаганда научно-технической деятельности и инновационного предпринимательства.⁵⁰⁰ В соответствии с экономической теорией инновацией называют новый продукт, открытие рынка, создание новой производственной технологии, открытие сырьевого источника и возникновение новых организационных структур хозяйствующих субъектов. Это мнение укоренилось в интеллектуальной среде и считается очевидным. Но именно эту «очевидность» и следует поставить под сомнение. В противном случае инновационность «замыкается» на предметно-вещественном мире и не выходит за его границы. Понимая инновацию таким образом, человек принципиально меняет свое положение в мире. Он отказывается от роли творца в пользу ролей «креативщика» и «генератора идей».

⁵⁰⁰ Инновационная Россия-2020.

Обозначенные «неудобные» вопросы заставляют по-новому взглянуть на человека и его место в мире: удовлетворен ли человек своими новыми ролями? Некоторые исследования прямо подводят к отрицательному ответу на этот вопрос. Не случайно в XXI в. одной из наиболее перспективных тем для научных разработок стали темы стресса, депрессии, суицида. Во многом стресс провоцируется сверхскоростями: человек каждодневно вовлекается в различные проекты, от него требуют «свежих» идей и быстрого выполнения поставленных задач.

Антропология инноваций должна высветить аксиологические аспекты инноваций и инновационной деятельности. Необходима концентрация на человеческом «измерении» инновации, на человеке как субъекте и объекте инновационной деятельности. При этом важно, что за человек имеется в виду в качестве субъекта, как он понимается. Это позволило бы дистанцироваться от узкоспециальных определений инновации и взглянуть на инновацию с иного ракурса.

Науке известны попытки выведения понятия инновации за границы технико-технологического и экономического контекстов. Среди занимающихся проблематикой инновации ученые философы, культурологи^{501 502}, экономисты⁵⁰³, социологи^{504 505} и другие. Однако антропология инноваций никоим образом не ограничивается работой над определением понятия. Работа с понятием – важная, но не единственная задача. Нужно обозначить для человека необходимость «прорыва» за сферу вещей, к тому, что за ней стоит или что ее сопровождает. Антропология инноваций акцентирует внимание на аксиологическом смысле социально значимой деятельности человека, на ценностной стороне всякого знания и умения и побуждает обратить внимание не на то, *что* можно делать, а на то,

⁵⁰¹ Мазаева Т. А. Инновация в этнокультурной среде. С. 3-8.

⁵⁰² Чижиков В. М. Инновации в культурной динамике общества. С. 10-17.

⁵⁰³ Осипов Ю. М. Инновационный мир растерянной России. С. 49-50.

⁵⁰⁴ Кройтор С. Н. Социологическое исследование инноваций: основные категории и уровни анализа. С. 103-113.

⁵⁰⁵ Кучко Е. Е. Социологическое изучение инноваций. С. 42-47.

можно или следует ли и ради чего это делать. Антропология инноваций – это выявление человеческого лица инновационности, она должна «переопределять» человека, то есть снова ставить о нем вопрос, делая это через отношение человек – инновации. Каждый раз, делая это в контексте разных отношений, (человек – природа, человек – культура, человек – абсолют), философия определяет человека по-разному.

В эссе «Инновационный мир растерянной России» Ю. М. Осипов констатировал: «Всем очень хочется инноваций! Сознательно вдруг возникших, изобретенных, новеньких, немедленно внедренных, благосклонно принятых производством и потреблением»⁵⁰⁶. В ответ на устоявшееся мнение об инновациях Ю. М. Осипов вопрошает: «Но почему не может быть других инноваций? Или же почему что-то другое не может называться инновациями? Ведь хозяйство и вообще жизнь полны самых разнообразных и разномерных нововведений»⁵⁰⁷. Все технические новинки и экономические решения в лучшем случае, полагает Ю. М. Осипов, заслуживают статуса «микроинноваций». Они – «микроинновации» – полностью зависимы от «макро» и даже «мегаинноваций». Последние в принципе не являются техническими – они социальные, политические, воздействуют, так или иначе, на все общество.

Задача антропологии инноваций сегодня, главным образом, видится в том, чтобы вывести на свет аксиологический смысл творческой, социально значимой деятельности человека, ценностную сторону знаний и умений человека, чтобы ответить на вопрос, что такое человек заново. Гуманитарное знание должно служить преодолению дисгармонии, дисбаланса между предметно-вещественной и ценностно-смысловой ориентациями человека. С философских позиций ценностно-смысловая ориентация имеет огромное значение для формирования картины мира. Вопрос о сформированности картины мира – это вовсе не отвлеченный, не праздный, а насущный вопрос.

⁵⁰⁶ Осипов Ю. М. Инновационный мир растерянной России. С. 49.

⁵⁰⁷ Там же. С. 50.

В одном из интервью П. Г. Щедровицкий говорил, что сегодня «огромное число молодых людей не имеют никакой картины мира»⁵⁰⁸. Формирование картины мира – процесс чрезвычайно длительный и сложный. Современному человеку гораздо проще получить специальные знания, умения и навыки (хотя и в этом возникают известные проблемы). Сложность и длительность формирования картины мира вряд ли могут быть основаниями для того, чтобы отказаться от него. Картина мира формируется постепенно в семье, общественных группах, во время чтения книг и просмотра фильмов. Картину мира можно интерпретировать как образ универсума, творимый человеком в процессе взаимодействия с природой, обществом, другим человеком и самим собой, формирующийся в результате познавательной активности и являющийся для него эквивалентом действительности. Картина мира характеризуется комплексностью, многоаспектностью и целостностью. Естественно, не последнюю (если не первую) роль в формировании картины мира играет образование. По определению П. Г. Щедровицкого, образование и есть «формирование картины мира». Владеть картиной мира значит видеть причинно-следственные связи между вещами и явлениями, значит «расставлять» вещи, явления и процессы в какой-либо системе координат⁵⁰⁹. Университеты и школы берут на себя задачу сформировать картину мира у молодого поколения. В школах и университетах происходит не только усиленная подготовка к деятельности, вооружение школьника и студента (в особенности, это касается последнего) знаниями, умениями и навыками, которые должны быть полезными в будущей трудовой, профессиональной деятельности, но и формирование связанных друг с другом представлений о мире.

Антропология инноваций представляет собой способ понимания внутреннего и внешнего мира человека. Она акцентирует внимание на вопросах, *что и как человек есть* перед лицом инноваций. Такая постановка

⁵⁰⁸ Щедровицкий П. Г. Революция уже произошла, мы просто этого не видим.

⁵⁰⁹ Щедровицкий П. Г. Образование – это формирование картины мира.

вопросов не случайна. Философская традиция говорит о том, что человек нередко понимается как находящийся перед лицом чего-то: «смерти бога» (Г. Марсель, Ф. Ницше), смерти (С. Кьеркегор), техники и «атомного века» (М. Хайдеггер) и т. д. Антропология инноваций следует сложившейся традиции и направлена на понимание человека, находящегося перед лицом инноваций, – основного инструмента прогрессивного развития, современного символа прогресса.

Антропология инноваций осмысляет, что меняется в человеке и его мире в виду их неразрывной связи. Изменение в человеке влечет за собой изменения в мире и наоборот. Каждый раз новые вызовы эпохи, когда их начинают осмыслять, побуждают к постановке вопроса «что есть человек». В истории гуманитарного знания и философии человек обозначался по-разному: как «*animal symbolicum*» (Э. Кассирер), «*homo religiosus*» (П. Пупар), «*homo faber*» (А. Бергсон, Х. Арндт), «*homo ludens*» (Й. Хейзинга) и т.д. Некоторые ученые-гуманитарии не случайно определяют современного человека как «*homo innovaticus*» (Е.А. Другова, В.А. Герасимова и др.). Сегодня, как никогда ранее, есть запрос именно на «инновационного человека». По мнению авторов проекта «Инновационная Россия 2020», инновационный человек – это человек, «способный в полной мере использовать достижения науки и техники», «мотивированный на создание инноваций, внедрение их во все сферы общественной жизни». Инновационный человек, как поясняется содержанием документа, это человек, способный к прорывным решениям в области экономики, свежим коммерческим идеям. Сегодняшний человек понимает себя «из» или сквозь призму экономики, капитала, коммерческого успеха. Сам по себе этот факт не хорош и не плох. Дело заключается в том, что самому человеку, в конечном счете, такого «самопонимания» вряд ли будет достаточно. Подобная трактовка человека крайне одномерно ориентирована и в содержательном, и в ценностном смыслах: она маркирует все разнообразие

душевно-духовного мира и сам этот мир как нечто «метафизическое» (что в расхожем понимании тождественно «фиктивному»), «схлопывает» континуум возможностей до экономической жизни и соответствующих действий, устремлений, желаний, мыслей, потребностей (купле, продаже, стремлению к материальной выгоде и т. д.).

Антропология инноваций изучает инновацию в ее прочной связи и отношении с материально-телесной природой, душевно-духовным миром и социокультурным бытием человека, так как инновации прямо касаются и самого человека, и мира человека, созданного и создаваемого им. В отличие от науки инноватики, направленной на поиск способов и методов управления инновационной деятельностью, на организацию производства инноваций, в фокусе внимания антропологии инноваций находится человек. Инновация, в свою очередь, получает философско-культурологическую, а не экономическую или инженерно-техническую интерпретацию. Антропология инноваций обращается к гуманитарной составляющей философии инноваций, гуманистическим и ценностным аспектам. В эпоху инноваций человек имеет двойственное положение – он является и активным, и пассивным началом, внедряет инновации и испытывает их воздействие, нередко совсем не однозначное и даже разрушительное.

В соответствии с этим обозначенным положением человека образование призвано выполнять две основных задачи: во-первых, оно способно помочь человеку выжить в условиях инновационной эпохи (стратегия «футуризации», главным образом, дает знание, которое предполагает активное отношение к информации, умение с ней работать, является ценностью – тем более это актуально в ситуации производства фальсификатов), приспособить его к интенсивным переменам; во-вторых, помочь в формировании ценностного мира, в развитии нравственного и интеллектуального начал человека в качестве творца. Будучи творцом, человек не может до бесконечности игнорировать вопросы о сущности и

свободе творчества, о мере дозволенного в трансформации самого себя и окружающего мира и, конечно, вопросы об ответственности за распространение, использование, разработку новшеств, за антропологические и социальные последствия инновационной активности.

Новое может родиться в творчестве, озарении и вдохновении, без заранее написанной программы или разработанного плана, без предварительно поставленной цели. Новое раздвигает границы предметно-вещественного и ценностно-смыслового измерений. Также очевидно, что новое можно вывести из определенных сложившихся условий, предварить целью и задачами, специально подготовленным, планом. В этом случае новое вписывается в прагматико-деятельностный контекст. Творчество – это не только создание новых вещей, но и смыслов. Инновационная эпоха, в авангарде которой идут оптимизация производства, стартапы, коммерческие проекты, определенно кренился в сторону предметно-вещественного мира. Творчество фактически заменяется «креативом», неразрывно связанным с прагматическими решениями.

Креативность – «транспрофессиональное» качество XXI столетия. Создание нового предваряется мыслью о дальнейшем применении. Какого рода новое создается благодаря креативу? Есть основания полагать, что эпоха инноваций выводит на авансцену именно прагматико-деятельностный аспект создания нового. Не случайно, например, с массовым доступом в Интернет возникли так называемые «текстовые» сферы деятельности – копирайтинг, рерайтинг. Они ориентированы на выполнение коммерческих заказов и требуют от исполнителей написания текстов, формально проходящих проверку на плагиат. В этих текстах нет и не должно быть авторских мыслей и идей. Не вступил ли человек в эпоху постоянной переделки, обработки, перефразирования того, что уже накоплено в культуре? Вместо того чтобы сочинить оригинальное поздравление с тем или иным праздником, человеку проще зайти в Интернет и скопировать уже кем-

то созданное поздравление или обратиться за помощью к программе, «генерирующей» поздравления или стихи. Антропология инноваций акцентирует внимание на эпохальных вопросах: можем ли мы еще творить? Сохраняется ли в этом потребность у самого человека? Люди, которые не могут этого не делать, есть и будут всегда. Но если в массовом порядке культивируется не это, тогда и творческие натуры будут переживать кризис. Сохранится ли прерогатива творчества за человеком или ее постепенно отнимет искусственный интеллект⁵¹⁰?

С проблемой творчества (и креатива) связаны проблемы ответственности создателя за свое творение или продукт, а также границ личного и коллективного в творчестве. Человек ответственен за собственное «эксцентрическое» бытие, поскольку воздействует, влияет на других людей. По выражению Ж.-П. Сартра, «нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть»⁵¹¹. Обустраивая и перекраивая мир, человек может стать (и становится) эталоном для другого. Понимание этого значимого факта обостряет вопрос об ответственности человека за свою инновационную деятельность. В философии этот вопрос всерьез обсуждался во второй половине XX – начале XXI столетий. Ответом на него было появление биоэтики и инженерной этики, акцентирующих внимание на моральных проблемах в связи с развитием биомедицинских и инженерных технологий, а также идея гуманитарной экспертизы.

Антропология инноваций акцентирует внимание на ценностях и смыслах, которыми инноватор руководствуется и которые вкладывает в свою деятельность. Если творчество не является механическим выполнением работы, действием по инструкции, но всегда предполагает привнесение личного, то какова граница между коллективными личным опытом в акте

⁵¹⁰ Пушкарев А. В. Творчество и искусственный интеллект: постановка проблемы. С. 93-96.

⁵¹¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм.

внедрения инновации? Если понимать под творчеством процесс воплощения цели, рождающейся из глубины человеческого духа (это, в частности, соответствует идеям русской религиозной философии), то далеко не каждый продукт можно по праву назвать результатом творческой деятельности. Для антропологии инноваций коммерческая ориентация не является компонентой, присущей инновации. Она акцентирует внимание на том, что сегодня вряд ли считается инновациями – концепции, методологии, концепты, термины и понятия, слова и образы. Все это качественно меняет действительность, мировоззрение человека. В отличие от продуктов потребления или технико-технологических инноваций, эти новшества распространяются сравнительно медленно, неуловимо изменяя жизнь многочисленных поколений.

Концепты, концепции и идеи, слова, понятия и термины непосредственно участвуют в изменении картины мира. Нередко идеи становятся общим достоянием и преодолевают границу индивидуально-авторского значения, становятся инновационными «продуктами», поскольку начинают потребляться и становятся средством изменения понимания мира и самого человека.

Антропология инноваций рассматривает человека не только как субъекта, но и как объекта инновационной активности. Очевидно, что инновационная деятельность направлена не только на природу и космос, но и на самого человека. Антропология инноваций исходит из принципа антропоцентризма и гуманоцентризма. В условиях развития новых, «человекоориентированных» технологий и областей исследования (прежде всего, НБИК-технологий, геномики, фармацевтики, трансплантологии и имплантологии и др.) фундаментальные антропологические константы переосмысливаются и наполняются новым содержанием. Например, трансцендирование в религиозно-философском и религиозном смыслах и контекстах означало выход за границы чувственного опыта, за пределы

физического в метафизический мир. В связи с ростом значимости и влияния научного знания, качественными изменениями в мире техники и технологии, а также, главным образом, в связи с популяризацией идеи радикальной трансформации человеческой природы, трансцендирование приобретает иной смысл. В 80-х–90-х годах прошлого века трансгуманисты всерьез стали говорить об идее «загрузки» сознания в Сеть или на небиологический носитель⁵¹². Такое трансцендирование, «обеспеченное» наукой, на поверку выглядит вполне реальным. Оно не связано с неразрешимыми религиозно-метафизическими загадками. Однако это только видимость ясности. Пока наука четко не ответит на вопрос что и от чего она хочет отделить, она не сможет реализовать свои притязания. Существует риск последствий разнообразных экспериментов по «разборке» человека: сколько неоправданных жертв может быть принесено во имя гипотетической «загрузки»?

Принципиально иное значение приобретает и антропологическая константа телесности. Биотехнологии глубоко воздействуют на аффекты, сексуальность, перверсии, пол, плоть и т.д. Не случайно американский футуролог Ф. Фукуяма назвал биологическую лабораторию «символом современности». По мнению футуролога, в область генетики вторгся «призрак евгеники». Человеку грозит целенаправленное вмешательство в геном ради преобразований и трансформаций, программирования кем-либо определенных свойств. Подобное положение дел касается и эмоций. То, что ранее считалось нерациональным по своей природе, сегодня становится в известной степени программируемым благодаря медицинскому вмешательству.

Человек существует сегодня в таких условиях, которые могут его принципиально изменить и «деантропологизировать». Будет ли это гипотетическое существо человеком – вопрос, на который и критики, и

⁵¹² Бостром Н. FAQ по трансгуманизму.

сторонники трансгуманизма отвечают одинаково отрицательно. Разница в том, что одни боятся «революционного скачка» и «эпохи Сингулярности», а другие приветствуют радикальные преобразования. Антропология инноваций должна иметь в виду обе эти оценки – негативно-критическую и оптимистическую. Только так она сможет избежать крена в ту или иную сторону, адекватно оценивать возможные преимущества и риски инноваций. Важность адекватной оценки не подлежит сомнению в виду постоянной циркуляции в средствах массовой информации, сети Интернет, на популярных образовательных и научных платформах идеологии преобразования человека, преодоления несовершенств эволюции, изменения самой формы жизни.

Наряду с определением предмета антропологии инноваций не менее важен ответ на вопрос, как антропология инноваций может быть встроена, интегрирована в мир человека? По существу она представляет собой гуманитарное знание и не может быть сведена к дисциплине, образовательной единице. «Сердцевиной» этого знания, по выражению В. Н. Садовникова, является судьба человека, его место в мире, ценности и идеалы, смысл жизни, самопонимание – короче говоря, «вечные» и «проклятые» вопросы⁵¹³. Являясь знанием по существу, антропология инноваций не может существовать без «циркуляции» в обществе, без своеобразной абсорбции. Иными словами, проблема трансляции этого гуманитарного знания тоже требует хотя бы самого общего, предварительного решения.

Инновация – предмет новых областей знания, таких как инноватика, управление инновациями, философии инноваций и инновационной деятельности. Последняя из перечисленных областей знания появилась сравнительно недавно и не имеет, в отличие от философии науки, техники, философской антропологии и т. д. четко очерченной предметной области. Анализ научных трудов по философии инноваций и инновационной

⁵¹³ Садовников В. Н. Гуманитарное знание. Что это? К чему оно? С. 37-43.

деятельности показал, что «философский» подход к инновации зачастую не отличается по существу от экономического подхода (например, у Р. А. Акимова⁵¹⁴). Инновации рассматривают в качестве коммерчески ориентированных продуктов, обладающих потребительской новизной. Философы вписывают инновации в контекст постмодерна с присущей ему фрагментацией отношений и ценностей и демонтажем традиции. В. Г. Егоркин считает, что задача философии инноваций – исследование их «природы». «Социальная основа» инноваций, по мнению автора, – процесс глобализации. В своей статье он также перечисляет определения инновации (большинство взято из толковых словарей). В конечном счете, автор дает собственное, расширенное определение инновации как нововведения, вытесняющего архаичные, традиционные и кустарные формы деятельности рационально организованными⁵¹⁵.

Философия инноваций преимущественно озабочена определением инновации и выведением ее за границы экономического и технико-технологического контекстов (такой вывод можно сделать, проанализировав многочисленные публикации последних лет). Предметом философии инноваций является именно инновация, осмысляемая всякий раз заново. В этой связи работы некоторых экономистов (например, Ю. М. Осипова) тоже соответствуют духу философии инноваций, так как отрицают монополию экономики и инженерной деятельности на инновации и инновационность, выступают против редуцирования инновации к потребительским благам. В научной литературе есть и попытки синтеза философских концепций с устоявшимся экономическим понятием об инновации. При этом совершается редукция философских категорий, например, платоновского «эйдоса» (З. Г. Дуйсекова, С. О. Лебедева).

⁵¹⁴ Акимов Р. А. Философские подходы к изучению феномена инновации. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/38760/1/dn_2015_01_18.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

⁵¹⁵ Егоркин В. Г. Философия инноваций // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2006. С. 14-25. С. 17.

Между тем, возможности философии инноваций, как представляется, не следует ограничивать определением инновации и выведением этого понятия за границы экономического и технико-технологического контекстов. Инновация – феномен жизненного мира человека, требующий от человека приложения сил, созидательной и разрушительной энергий. Ни инноватика, ни инновационный менеджмент, ни философия инноваций (по крайней мере, на данный момент) не раскрывают инновацию в неразрывной связи с миром человека. Одна из задач философии сегодня заключается в том, чтобы обстоятельно, основательно разобраться в мировоззрении человека, в настроениях эпохи. Философия может не только предложить человеку задуматься над вечными смысложизненными вопросами, но и объяснить, почему это необходимо, и к чему может привести игнорирование этих вопросов. Сегодняшнее гуманитарное знание нуждается в комплексном, максимально развернутом ответе на вызовы современности – в «антропологии инноваций», рассматривающей человека и как субъекта, и как объекта инновационных процессов. Вызовы эпохи инноваций порождают вопросы: ради чего происходит рост могущества человека? К чему приведет увеличение скорости «производства» инноваций, кроме временных успехов в конкурентной борьбе за технологическое, экономическое и политическое лидерство? Высвечивающееся в этих вопросах аксиологическое содержание еще не стало самостоятельным предметом внимания.

Антропология инноваций должна высветить аксиологические аспекты инноваций и инновационной деятельности. Необходима концентрация на человеческом «измерении» инновации, на человеке как субъекте и объекте инновационной деятельности. При этом важно, что за человек имеется в виду в качестве субъекта, как он понимается. Это позволило бы дистанцироваться от узкоспециальных определений инновации и взглянуть на инновацию с иного ракурса.

Антропология инноваций имеет прочную связь с аксиологией. Антропология инноваций не отвечает на предельно общие вопросы о ценностях, но исследует структуры, иерархии и специфику ценностного мира человека именно как субъекта и объекта инновационной деятельности. Как изменяются «сущностные носители» (М. Шелер) ценностей и ценностные модальности – «принятое» и «непринятое», «благородное» и «низкое», эстетические ценности (прекрасное и безобразное), сакральные ценности и т. д. в эпоху инноваций? Почему происходят эти изменения, и куда они могут привести? Последний их обозначенных вопросов прямо указывает на тот факт, что антропология инноваций содержит в себе *прогностический* компонент. Он может реализоваться на уровне определения направлений оптимального существования человека в мире. Уже упомянутая концепция В. А. Кутырева является наиболее последовательной, логически связанной и аргументированной концепцией, ориентированной на сохранение человека ради создания действительно свободного и открытого общества и мира.

Безусловно, наиболее выразительной и органической является связь антропологии инноваций с философской антропологией, рассматривающей человека интегрально, в единстве природного, социального, культурного и вселенского измерений (Л. Е. Моторина, М. И. Ненашев и др.). Особое значение в обозначенном контексте приобретает аналитика бытия человека и поиск развернутых ответов на вопросы об отношениях человека к Абсолюту, вещам, другому человеку и, наконец, к самому себе. В фокусе внимания антропологии инноваций находятся вопросы о самоидентичности и самотрансценденции человека, телесности, свободе, творчестве, открытости миру и целостности. Даже поверхностный взгляд на обозначенные константы порождает множество вопросов: как инновационная эпоха влияет на человека? Происходят ли изменения в фундаментальных антропологических константах? Меняются ли представления человека о свободе и творчестве? Угрожает ли что-то целостности человека? Как возможно ее сохранение и

воспроизводство? На каждый из этих вопросов, вероятно, не может быть дано однозначного и исчерпывающего ответа, но это не значит, что они вообще не требуют ответов.

Образование является принципиально значимой средой для абсорбции и трансляции гуманитарного знания. Сказанное вовсе не означает, что у антропологии инноваций не может быть других каналов трансляции, кроме передачи знания в стенах учебных заведений или с помощью образовательных Интернет-платформ. Однако на образование следует сделать особую ставку по нескольким причинам: во-первых, оно вооружает человека знаниями, умениями и навыками для существования человека в качестве *личности*, осознающей свою индивидуальность, ответственность за совершаемые поступки, понимающей себя как активное, творческое начало и как объекта воздействия общества. Будущее человека и человечества во многом зависит от того, чем он «вооружен», и на что направлено это «оружие». По выражению Ю. Харари, человек сегодня вооружен научной рациональностью и специфическим образом ее применяет, расчленяет действительность, комбинирует ее «детали», трансформирует до неузнаваемости. Тем самым из природы и самого человека улетучивается загадка, тайна. Человек теряет все метафизическое и предстает перед самим собой в виде совокупности частей, механически сочлененных друг с другом. Свою перспективную задачу человек видит в том, чтобы рассмотреть самые мельчайшие элементы и научиться воспроизводить и заменять их. Во-вторых, образование позволяет человеку инновационно существовать – прежде всего, в качестве автора, создателя нового. Образование предполагает не только усвоение того, что уже было накоплено в культуре, но требует от человека творческой активности. Вместе с этим образование не предписывает человеку, каким ему быть и не дает четкой рецептуры определенного способа существования. Идеологии радикальной

трансформации человека, напротив, указывают человеку конкретное направление развития. Более того, отступление от этого указанного пути обязательно повлечет за собой негативные последствия. В сущности, идеологии говорят о безальтернативности, сингулярности – либо выбор единственно позитивного и перспективного варианта, либо деградация и гибель. Образование, таким образом, является сферой инновационности, деятельности и одновременно с этим осмысления, созерцания, по выражению Б. Г. Юдина. Футурологи делали на образование ставку и предлагали при этом его перестраивать. Э. Тоффлер, Р. Юнг, А. Д. Урсул и другие авторы утверждали, что необходимо менять образовательные программы, которые излишне привязаны к прошлому, ориентированы на трансляцию уже известной информации. Вместе с тем обозначенные авторы, когда говорили о важности перестройки учебных программ, понимали образование как институционально организованную и институционально функционирующую социальную практику. Современная ситуация в образовании, по оценке футурологов, далека от положения дел в 60-х или 70-х гг. Прежде всего, различие ситуаций возникает из-за смыслового «сдвига»: образование сегодня понимается не только как социально организованная и поддерживаемая государством практика, осуществляемая особыми агентами. В прошлом образование действительно неразрывно связывалось с государственными и частными институтами, со школами и с университетами как «аккумуляторами» знаний. Именно социальные институты создавали «рамку», то есть четко определяли, чему и как нужно учить и учиться. Сегодня эта рамка сохраняется, однако набирает силу и альтернатива – образование через всю жизнь. Человек должен быть готов к тому, что инновационная эпоха потребует от него готовности постоянно меняться (точнее говоря, требует уже сейчас), получать новые знания, умения и навыки, периодически пересматривать свои собственные идеи. Человек

должен быть готов к тому, что придется самостоятельно искать пути развития, не надеясь на социальные структуры и их программы.

Новая ситуация в образовании еще сильнее обостряет вопрос: может ли антропология инноваций интегрироваться как гуманитарное знание и более того – как *особая установка мышления и деятельности* – в lifelong learning, стать органичной частью изменяющегося образования? Отвечая на этот вопрос, мы склоняемся к оптимистическому прогнозу. Вполне возможно, что это будет не то гуманитарное образование, что сложилось в ныне существующих институциях. Поворот, который гуманитарное образование может совершить (и совершит ради собственного выживания), можно сравнить с экзистенциалистским поворотом в философии. Гуманитарное образование, вероятно, станет образованием *для человека* – не для человека вообще, а для каждого конкретного, «этого» человека. Оно будет апеллировать к персональному опыту, умонастроению, переживаниям каждого и потому всегда будет вызывать отклики. Располагая даже самыми общими данными о популярности различных лекториев, философских клубов, мероприятий с дискуссиями и дебатами, можно сделать оптимистический вывод о том, что запрос на гуманитарное знание есть и сохранится в будущем. Только обладая этим знанием, человек осознанно сможет определить собственную образовательную траекторию и уверенно двигаться в соответствии с теми или иными ориентирами.

4.3. Образование – альтернативная инновационная стратегия сохранения, воспроизводства и развития человека в его целостности

Современная социальная жизнь и культура в их сложности и многообразии, могут быть названы «миром человека» только в том смысле, что человеком порождаются. Однако, каждому конкретному человеку освоить этот мир становится все сложнее и сложнее: помимо колоссального предметного разнообразия, человек сталкивается еще и со стремительными переменами окружающих условий, в экономической жизни, политике, технике и технологии, культуре. Человек живет в хаосе вещей и быстротечных, ситуативных отношений и связей. Вследствие такого положения вещей, в условиях «текучей современности», идентичность человека тоже становится «текучей». Человек вынужден приспосабливаться к «ветру перемен», быть мобильным, коммуникабельным, вынужден участвовать в «мозговых штурмах» и стремительно генерировать «креативные» идеи. Возможно ли на основании этих «симптомов» современности с уверенностью признать, что человек исчерпывается ситуативностью поведения, мыслей, эмоций? Что, наконец, он сам есть набор стремительно меняющихся «модулей»? К постановке этих вопросов побуждают некоторые факты: сегодня, как никогда ранее, популярны темы стресса, суицида и психических отклонений. Частная психотерапевтическая практика, осуществляющаяся, в том числе, и на Интернет-платформах, приобрела невиданный ранее размах. Эти ужасающие «симптомы» говорят о том, что человеку не комфортно в сложившихся условиях, что он не может приспособиться к ситуации. Человек чувствует, что живет не своей собственной жизнью, идет не своим жизненным путем. Он не может сделать шаги в направлении от неподлинного бытия (воспользуемся здесь категориями экзистенциалистской философии) к подлинному, перейти из состояния «не сам» к себе самому, не может встретиться с самим собой.

Событию этой встречи постоянно что-то мешает: от громких скандалов, кричащей рекламы и «хайпа» до стремительно появляющихся технических новинок и рецептов «успешной» карьеры. Достижения (равно как и тупики) цивилизации постоянно подстерегают человека на пути его движения к самому себе и предлагают различные соблазны. Остаются без глубоких, продуманных и основательных ответов (или ответы стремительно меняются) принципиальные вопросы «кто я?» и «куда я иду?». Общество само предлагает человеку варианты ответов на эти вопросы – каждый ответ при этом может звучать очень убедительно. Заинтересованные лица прилагают все усилия, чтобы «помочь» человеку определиться в жизни и понять свое предназначение. Тем самым, человек сталкивается с соблазном обманчиво легкого разрешения смысложизненных вопросов. Человек может впасть и в другую крайность и приобрести своего рода «фаталистическую» позицию: за свое будущее отвечаю не я, за меня все решит кто-то другой, наделенный властью. Обе этих крайних позиции – «потребительская» и «квиелистская» – побуждают всерьез поставить вопрос: как возможно подлинно быть, быть самому? Именно в стремлении подлинно быть заключается духовная зрелость, *самоутверждение* человека именно как человека. Представляется, что даже в ситуации многообразия «рецептур» будущего человек может принимать самостоятельный и ответственный выбор своего собственного будущего, преодолевая как потребительскую ориентацию, так и фаталистические настроения. В своих рассуждениях мы исходим из двух посылок: во-первых, некритическое принятие какого-либо рецепта «лучшей» жизни, равно как и квийетизм (смирение перед волей «конструкторов» будущего), не есть «индикаторы» оптимального существования человека; во-вторых, способность быть самому предполагает определенную настроенность на будущее. Какого рода эта настроенность? Ее можно обозначить как готовность самостоятельно прокладывать путь в будущее. При этом нужно иметь в виду, что существуют уже готовые пути, осмыслить

свое отношение к ним. Ценность знания о готовых путях в будущее и рецептах «лучшего» будущего главным образом не в том, что оно расширяет кругозор человека, а в том, что оно показывает «возможные миры» (Ж. Делез), позволяет увидеть иные измерения. То, как человек отнесется к имеющемуся знанию, зависит, в конечном счете, только от него самого.

Половину прошлого века и пятую часть века нынешнего цивилизованное человечество интенсивно *предсказывало, конструировало и моделировало* будущее. К этому подталкивали как локальные, так и, в особенности, глобальные проблемы, обрушившиеся на человечество в виде мировых войн, экологических катастроф и т. д. Очевидная проблема в развитии футурологии и прогнозирования касается *трансляции* результатов многолетних исследований. Опыт ученых передается в научных публикациях (монографиях и статьях), транслируется на научных конференциях и круглых столах, но совершенно игнорируется в системе школьного и вузовского образования. Футурологическое знание принадлежит сообществу экспертов и фактически не выходит за рамки научных конференций и экспертных сессий. Между тем, такое положение дел беспокоило многих исследователей: в условиях становления информационного и инновационного общества, – общества, меняющегося со сверхскоростью, – человек далеко не всегда готов адекватно отнестись к тем или иным переменам. Пожалуй, наиболее известной в области гуманитарных наук стала концепция Э. Тоффлера о «футурошоке». По мнению футуролога, человек в состоянии футурошока является психологически ущербным, так как не может справиться с теми быстрыми переменами, которые на него обрушиваются.

П. С. Гуревич, написавший предисловие к российскому изданию «Шока будущего», утверждал, что человек сегодня «выбивается» из лона семьи, из «привычного ландшафта», утрачивает всяческую стабильность, ощущение постоянства⁵¹⁶. Высока вероятность того, что ни в чем не

⁵¹⁶ Гуревич П. С. Бог паразитических преобразений. С. 5.

уверенный человек окажется невротиком. По мнению Э. Тоффлера, «шоку будущего» можно противостоять средствами целенаправленной, образовательной деятельности, буквально научая человека видеть горизонты будущего. Массовая просветительская работа с людьми возможна, прежде всего, в системе образовательных институтов. Однако, в книге «Революционное богатство» Э. Тоффлер не без сожаления констатировал, что образование оказалось в парадоксальной ситуации: оно имеет потенциал для просвещения человека и вывода из состояния шока, и одновременно оно отстает от социальных трендов, фактически тянется в хвосте «гонки»⁵¹⁷.

От ответов на вопросы, *чему и как* учить современного человека, непосредственно зависит не только будущее молодого поколения, но будущее каждого человека, независимо от возраста или социального статуса. Несмотря на то, что знания сегодня объявляются высшей ценностью, они, подобно техническим артефактам, тоже подвержены «старению». На первый вопрос – «чему учить современного человека?» – в первом приближении можно ответить, обозначая ключевые мегатренды эпохи и отмечая все то, что не коммерциализируется и не обещает принести гарантированных дивидендов. В 2015 г. Агентство стратегических инициатив и Московская школа управления «Сколково» издали «Атлас новых профессий». В первой части представлен перечень «перспективных» профессий – «профессий будущего», во второй – список «профессий-пенсионеров»⁵¹⁸. Если использовать «Атлас» в качестве ориентира, то можно без особого труда указать на три-четыре десятка «перспективных» профессий: «игромастер», «science-художник», «дизайнер виртуальных миров» и т. д. и т. п. Но даже такой поверхностный ответ, заимствованный у футурологов, влечет за собой проблемы: чтобы превращать людей в профессионалов будущего, нужно самому иметь самые «свежие», актуальные знания. Но может ли человек

⁵¹⁷ Тоффлер Э. Революционное богатство. С. 47-50.

⁵¹⁸ Атлас новых профессий.

быть уверенным в том, что его знание актуально? В том, что оно останется таковым через год или два?

Очерченные «профессии будущего» (многие из них уже являются профессиями настоящего) – «модераторы», «тьюторы», «координаторы образовательных платформ», «менторы стартапов», «игропедагоги», «игромастера», «экопроповедники», «разработчики инструментов обучения состояниям сознания» – обозначают для современного человека новые горизонты, новые способы приложения его сил.

Профессии будущего объединяются как минимум одним общим признаком: они требуют от человека либо уверенного пользования новейшими информационными технологиями, либо компетенции инженера новых технологий. Немаловажен и тот факт, что все профессии будущего ориентированы на рынок, предполагают практические, коммерциализируемые результаты. В целом, «Атлас» и другие документы АСИ и «Сколково» выражают доминанту ценностей изменения. Эти ценности, по выражению Б. Г. Юдина, находятся в фарватере искусственного и деятельностного. Ценности изменения – это ценности *переустройства, реформирования, революционизации, вмешательства*. Природа, общество, человек рассматриваются сквозь призму ценностей изменения как «сырье» или как заведомо несовершенный объект, «требующий» доработки в соответствии с тем или иным замыслом. Доминирование ценностей изменения, по мнению Б. Г. Юдина, неразрывно связан с убежденностью в том, что мир, природа, человек не имеют собственной «внутренней ценности и значимости».⁵¹⁹ В перечне профессий будущего образовательной сферы (не говоря уже о других сферах) все профессии также связаны с высокими технологиями (прежде всего, информационно-коммуникационными). Педагог будущего должен учить детей разработке персональных стартапов, продвижению проектов и внедрению инноваций. Он должен быть тренером

⁵¹⁹ Юдин Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям. С. 130.

по «mind fitness»⁵²⁰, настраивая молодое поколение на мозговые штурмы и изобретательство.

Современные дискурсы о будущем (в том числе прогностический) ориентируют человека на ценности изменения, заставляют воспринимать их как нечто абсолютно естественное и вечное, обходя стороной иные ценности, которые Б. Г. Юдин называл «ценностями сохранения»⁵²¹. Ценности сохранения предполагают другой взгляд на природу и человека – как на феномены, обладающие внутренней значимостью, требующие защиты и сбережения от необдуманных действий. Ценности сохранения, таким образом, возвращают человека к *смыслу, осмыслению, пониманию*. Они конституируются сохранением и сбережением как практиками, ориентированными на удержание чего-либо от возможных непоправимых изменений, мутаций, распада и исчезновения.

Диалектически ценности изменения и сохранения неразрывно связаны. Потому требование отказа от ценностей изменения ради ценностей сохранения в принципе несостоятельно. Сбережение и сохранение тоже предполагают деятельность, целенаправленные усилия: «... во имя сохранения нам приходится производить немало изменений, однако все эти изменения направлены на восстановление некоторых (воспринимаемых в качестве естественных) поврежденных или нарушенных условий, состояний, процессов, структур, функций»⁵²². Опираясь на выраженную Б. Г. Юдиным мысль, можно утверждать, что сохранение – это целенаправленный процесс удержания значимого. И сохранение, и изменение можно осуществлять, вовсе не думая о том, что хранится или что меняется соответственно, не задаваясь вопросом, ради чего нечто хранится или меняется. Хранение в таком случае обращается в изоляцию, деятельностью по установлению непроницаемых границ, ограждению от любых реальных и потенциальных

⁵²⁰ Атлас новых профессий.

⁵²¹ Юдин Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям. С. 131.

⁵²² Юдин Б. Г. Гуманистические ценности в контексте трансгуманизма. С. 198.

угроз. При изоляции окружающий мир вообще рассматривается как враждебный, полный опасности.

В конце XX в. – начале XXI в. конфликт ценностей изменения и сохранения принял особую остроту: в фокусе внимания оказались тело, психика, когнитивные способности человека, каждая клетка организма. По Б. Г. Юдину, отношение к трансгуманизму в принципе упирается в единственный вопрос, который следовало бы каждому человеку задать самому себе: ценен ли человек как целостность? Ценится ли человек как уникальная целостность или какие-то отдельные составляющие этой целостности, до которых фактически редуцируется понимание человека? Ответ на вопрос зависит именно от ценностного приоритета. Если отвечающий на этот вопрос решит, что ценностью обладает только долголетие или информация, «записанная» в мозгу, то, видимо, для него целостность человека не имеет особой ценности. Если человек решит, что ценностью обладают не только долгая жизнь или «ускоренный» интеллект, то тем самым он признает, что кардинально переделывать человека ради какого-либо свойства или даже совокупности свойств не следует⁵²³.

Формирование гуманитарного ответа на вызовы современности не является одноразовой «акцией» – этот ответ должен формироваться постепенно, так же постепенно, как и процесс «встраивания» в сознание основ научной «метрологической» парадигмы с присущей этой парадигме редукцией человека. Фактически образование само находится в фокусе проективного мышления и под воздействием проективной деятельности. В конце XX в. – первой четверти XXI в. образование подлежало и подлежит перманентному реформированию, реструктуризациям, модернизациям и т. д.

В западном научном сообществе еще в 70-х гг. XX в. появлялись специфические идеи реформирования образования. Прежде всего, речь шла о необходимости решительных изменений в перечне преподаваемых

⁵²³ Там же. С. 200.

дисциплин. Австрийский журналист и писатель Р. Юнг (R. Jungk) предложил создать т. н. «мастерские будущего» (Zukunftswerkstätten), то есть регулярно действующие организации, состоящие из представителей различных социальных слоев и возрастов, заинтересованных в решении той или иной общей проблемы. Это была идея по организации представительской демократии, с участием широких слоев населения. Р. Юнг предполагал, что только так возможно повлиять на решения властей (в том числе и на те, что власти *могли* принять, но еще не приняли)⁵²⁴. Ориентируясь на инициативу Р. Юнга, Э. Тоффлер выступил с идеей реорганизации образования (как школьного, так и высшего). Ученый исходил из предпосылки, что в условиях интенсификации перемен необходимо «массовое движение, чутко реагирующее на запросы будущего»⁵²⁵. Такое движение вряд ли возможно без прямого участия образовательной системы. Э. Тоффлер призывал к созданию в школах т. н. «советов будущего» – объединений, «посвятивших себя изучению будущего в интересах настоящего»⁵²⁶. Эти группы занимались бы прогнозированием предполагаемого будущего и, кроме того, формулировали бы рекомендации социальным институтам. Одну из труднопреодолимых преград в реализации обозначенной идеи футуролог видел в «заорганизованности» деятельности прогностических групп: педагоги или другие специалисты могут перехватить инициативу школьников и создать в группе жесткую иерархию. Э. Тоффлер руководствовался убеждением, что говорить и думать о будущем должны те, кому в этом будущем придется жить⁵²⁷. В организации «советов» автору «Шока будущего» виделся выход из «тупика», в котором оказалась образовательная система. Чем, однако, обосновывалось такое суждение? Образование, по оценке Э. Тоффлера, не отвечает запросам информационной эпохи. Главным образом, это выражается в том, что учебные программы

⁵²⁴ Luttamäki V. Practical Guide for Facilitating a Futures Workshop.

⁵²⁵ Тоффлер Э. Шок будущего. С. 437.

⁵²⁶ Там же. С. 437.

⁵²⁷ Там же. С. 438.

дисциплин предполагают трансляцию знаний о прошлом. В результате такой ориентации на прошлое школы не успевают реагировать на стремительные перемены. Наблюдая за деятельностью американских «фабрик мысли», переходом крупных промышленных концернов на программное управление, компьютеризацией различных сфер жизни общества, Э. Тоффлер предположил, что в будущем возрастет число конфликтов родителей и школьной администрации, так как первые будут требовать от школы особых знаний, умений и навыков, а вторые не смогут выполнить эти требования.⁵²⁸ Обязательное посещение занятий и перечень общеобязательных предметов окажутся анахронизмами, раздражающими тех, кто платит деньги и считает себя вправе выдвигать конкретные требования. На смену «фабричному» образованию, обслуживающему индустриальную экономику, должно прийти образование нового типа. Футуролог назвал это новое образование «непрерывным»: «... супериндустриальное общество должно предусматривать непрерывное образование на протяжении всей жизни по принципу подключения-отключения»⁵²⁹. Произойдут также значительные изменения в дидактике. Прежде всего, радикально изменятся методы обучения: место классических уроков могут занять ролевые игры, а место традиционных конференций займут компьютерные конференции⁵³⁰.

Схожую идею реформирования образования обосновывал российский ученый А. Д. Урсул. По его мнению, в реформировании нуждается, прежде всего, образовательные программы, де-факто исключают знакомство молодежи с инновациями информационной эпохи и вследствие этого препятствующие адаптации подрастающего поколения к новым условиям. По оценке А. Д. Урсула, одна из наиболее претенциозных и важнейших целей образования заключается в «опережении» будущего⁵³¹. Движение к этой претенциозной цели должно осуществляться посредством

⁵²⁸ Там же. С. 439.

⁵²⁹ Там же. С. 441.

⁵³⁰ Там же. С. 441.

⁵³¹ Урсул А. Д. С. 8.

«футуризации» (термин А. Д. Урсула), «смещения акцентов на изучение и моделирование будущего»⁵³². Для того, чтобы запустить механизм футуризации, необходимо включить в программы темы, связанные с будущим. Как и Э. Тоффлер, А. Д. Урсул критикует принципиальные недостатки существующей образовательной системы. В частности, традиционные образовательные программы и традиционная организация занятий по экологии не вносят никакого существенного вклада в решение экологических проблем. Экологическое образование должно ориентировать человека на принятие опережающих стратегических и тактических решений. Иными словами, человек должен учиться не только констатировать факт экологически неблагоприятного положения и стараться снизить угрозу неблагоприятных последствий экологических бедствий, но и в принципе не доводить дело до подобной ситуации. Это, в свою очередь, требует основательного экологического воспитания. Учебные заведения, связанные планами и программами, не могут серьезно повлиять на систему ценностей молодого поколения и в принципе не реализуют такую задачу. В продумывании действий наперед, в стратегическом мышлении, в ответственном отношении человека к настоящему ради будущего, в «глобальной ориентации» деятельности, А. Д. Урсул видит важнейшие признаки футуризации образования⁵³³. По мнению А. Д. Урсула, концепция «устойчивого развития» появилась в качестве ответа на угрозу глобального экологического кризиса, связанного с нарушением норм природопользования, экоцидом и истощением ресурсов.

В свете обозначенных проблем главная задача «футуризации» образования заключается в формировании «опережающего сознания». Человек, получающий такое образование, должен конструировать модели благоприятного будущего и искать эффективные способы его строительства. «Инновационное» образование (для А. Д. Урсула оно тождественно

⁵³² Там же. С. 8.

⁵³³ Там же. С. 14.

«футуризированному») требует новой, «опережающей» науки. Ядром всей научной деятельности должен быть нормативный прогноз⁵³⁴. Специфика нормативных прогнозов заключается в том, что они предполагают определение путей и сроков достижения тех или иных состояний предмета⁵³⁵. Фактически такого рода прогнозы укладываются в схему целерациональной деятельности, так как включают в себя определение желаемого результата и поиск средств его достижения.

Футуризация, неразрывно связанная с опережающим образованием, представляет собой новую стратегию, ориентированную на предупреждение локальных и глобальных проблем посредством применения методов прогнозирования. Предполагается, что ее реализация должна опираться не только на деятельность экспертов в различных научных и технических областях, но и на систематическую работу школьников, студентов и педагогов, не специализирующихся на строго определенной проблематике. Вместе с этим, конечным адресатом предполагаемой образовательной реформы должен стать конкретный человек, у которого еще не сформирован устойчивый осознанный по своей значимости навык осмысления последствий чужих и собственных действий. По замечанию Ю. Харари, «даже если будущее человечества будет решено без вашего участия, потому что вы были заняты тем, чтобы прокормить и одеть своих детей, то последствий вам (и вашим детям) все равно не избежать»⁵³⁶.

Концепция футуризации образования стала, таким образом, наследницей идей Э. Тоффлера и Р. Юнга. На сегодняшний день она, однако, по-прежнему не выходит за рамки теоретических наработок. Нет широкой дискуссии по этим вопросам, реформирование образования не осуществляется в ориентации на будущее в должной степени. В этом отношении примечательны, например, работы С. А. Смирнова.

⁵³⁴ Урсул А. Д. Инновационное образование в интересах устойчивого развития. С. 87.

⁵³⁵ Милованов С. Н. Методы прогнозирования, используемые в инновационном менеджменте. С. 220.

⁵³⁶ Харари Ю. 21 урок для XXI в. С. 9.

Институциональное образование сегодня является только одной из форм образования (хотя и доминирующей). Организация образования для устойчивого развития может происходить по иным каналам. В отличие от государственного образования, эти каналы обладают сравнительно меньшей степенью централизации. Они дают большие возможности для *самообразования*, свободного от государственных стандартов и программ и осуществляемого по личному выбору человека.

В образовании возникают новые тренды, с которыми уже невозможно не считаться, так как они все сильнее влияют на всех участников образовательного процесса – от руководящих политических органов до педагогов и учащихся. Эти новые тренды влияют как на институциональное, так и на внеинституциональное образование. Кроме того, экспертное сообщество прогнозирует, что в будущем (через полтора-два десятка лет) привычная традиционная система образования с ее институтами (прежде всего, школами и вузами) демонтируется. Возможно, остатки старой системы сохранятся, однако уже не будут иметь никакого значительного веса. В презентации, подготовленной участниками форсайта «Образование 2030», недвусмысленно говорилось, что школа станет «местом для неудачников»⁵³⁷. Где, в таком случае, новое место образования? Что будет его новым «символом», если не школа?

Проект «Образование 2030», впоследствии переименованный в «Образование 20.35» на сегодняшний день является крупнейшим российским проектом по перестройке всей системы образования. Проект имеет обширную информационную базу, представленную, главным образом, на сайте www.rf2035.net. Составители «Дорожной карты», обобщающей результаты прогностических сессий, систематизировали предполагаемые тренды по срокам их появления. Первую группу составили уже

⁵³⁷ Дорожная карта «Образование 2030».

существующие тенденции, активно обсуждаемые всеми, от средств массовой информации до ученых-гуманитариев на конференциях:

1. «Викификация» образования. В западной научной литературе «викификация» не имеет общепринятого значения. Этот термин используется для обозначения межъязыковой интеграции в сети Интернет⁵³⁸, пояснения содержания того или иного понятия, упомянутого в иных источниках⁵³⁹, установления связи содержания статьи с содержанием других статей⁵⁴⁰ и т. д. Многие российские ученые (по преимуществу в гуманитарных науках) вкладывают в «викификацию» принципиально иной смысл. Например, авторы «Дорожной карты», М. А. Измайлова и другие исследователи, дают «викификации» общее определение: викификация – это форма сетевой саморегуляции общества^{541 542}. Развернутое определение «викификации» дал А. В. Матюшкин: прежде всего, это процесс создания электронных образовательных ресурсов, основанных на собирании, генерировании информации и коллективном творчестве. По замечанию автора статьи, коллективное творчество является самой «сильной» стороной «викификации»⁵⁴³. Множество людей (в том числе не знакомых друг с другом) могут участвовать в создании той или иной статьи и корректировать ее содержание, производя, в конечном счете, коллективный интеллектуальный продукт. У «викификации» есть и слабая сторона, если посмотреть на нее как на процесс регулярного использования доступных информационных ресурсов. В учебной практике нередко наблюдаются заимствования школьниками и студентами материалов «Википедии» (как и других ресурсов) с последующей выдачей их за свои собственные.

⁵³⁸ Tsai C.-T., Roth D.P. Cross-lingual wikification using multilingual embeddings. PP. 589-598

⁵³⁹ Huang H., Cao Y., Huang X., Ji H., Lin C.-Y. Collective tweet wikification based on semi-supervised graph regularization. PP. 380-390.

⁵⁴⁰ Ferreira R., Pimentel M.D.G.C., Cristo M. Exploring graph topology via matrix factorization to improve Wikification. PP. 1099-1104.

⁵⁴¹ Дорожная карта «Образование 2030».

⁵⁴² Измайлова М. А. Инновационные преобразования в системе российского образования: вызовы, ожидания, решения. С. 158.

⁵⁴³ Матюшкин В. А. Деятельностный вики-учебник как инструмент литературного образования. С. 47.

Свободный и быстрый доступ к информации является благодатной почвой для «потребления» чужих идей (нередко без осмысления содержания). «Викификация», таким образом, имеет как минимум две стороны: она стимулирует коллективное и индивидуальное творчество и вместе с этим дает почву для бездумного использования информации.

2. Практико-ориентированное обучение. В общем виде данный тренд предполагает ориентацию образования на последующую карьеру, бизнес, предпринимательскую деятельность. Идея практико-ориентированного обучения возникла еще в начале XX в. В частности, Д. Дьюи писал об «обучении посредством делания», предполагающем отход от теоретических построений и обращение ребенка к повседневному опыту: «Как естественно учится ребенок? Он не читает книг, не выслушивает объяснений о природе огня, пищи, а обжигается, питается, т. е. учится “деланием”»⁵⁴⁴. В США были организованы трудовые классы, а ученики, помимо каждодневных занятий, работали в мастерских. Важную роль в развитии практико-ориентированного подхода сыграло трудовое воспитание (практиковавшееся, в частности, в СССР)⁵⁴⁵. С распадом СССР идея практико-ориентированного обучения претерпела существенные содержательные изменения. Все менее такое обучение ассоциировалось с трудовыми мастерскими, деятельностью учеников на уроках труда или технологии. В «Дорожной карте» проекта «Образование 2030» тренд практико-ориентированного обучения занимает одно из важнейших мест. Эта форма обучения может быть воплощена как минимум двумя способами. Первый способ заключается в совмещении теоретической подготовки и трудовой деятельности (этот способ был известен и в советском прошлом). Работодатели делают определенный заказ учебному заведению (как правило, это вузы и ссузы), а последние, в свою очередь, обязуются подготовить соответствующие кадры⁵⁴⁶. Вторым способ

⁵⁴⁴ Дьюи Д. Школы будущего.

⁵⁴⁵ Еремина Е. И., Гапочкина Л. Н. Трудовое воспитание школьников: история и современность. С. 569.

⁵⁴⁶ Сизов В. С. Форсайт-исследование системы образования России. С. 76.

заключается в обучении детей умениям и навыкам организации предпринимательства и бизнеса. В России существуют коммерческие образовательные учреждения или компании, предлагающие специальные курсы (например, «Startup Academy Junior»). В процессе обучения на курсах ребенок будет участвовать в создании нескольких бизнес-проектов, работать в команде, развивать навыки общения, ведения деловых переговоров и т. д. Цель обучения определяется следующим образом: курсы должны помочь детям запустить собственный startup и приготовить презентацию для потенциальных инвесторов. Идеология бизнес-обучения во многом основана на взглядах западных и российских бизнесменов. Многие из них негативно относились и относятся к традиционному образованию, ориентированному на теоретическую подготовку учащегося.

На пути реализации практико-ориентированного обучения могут возникнуть существенные трудности. На сегодняшний день нет никакого устоявшегося определения обозначенного тренда. Из какого понимания практико-ориентированного обучения будут исходить реформаторы системы образования? В условиях капитализма образование может превратиться в производство стартапов, заикнуться на «мозговом штурме» коммерчески успешных идей. В этой связи вопрос о будущем теоретической подготовки приобретает особую остроту. Она участвует в формировании картины мира – многоуровневой системы концептов, отображающей природную, социальную, культурную, антропологическую реальность⁵⁴⁷. Между тем, высказываются опасения, что современный человек не имеет никакой четкой картины мира (П. Г. Щедровицкий). В лучшем случае он обладает набором не связанных друг с другом, фрагментарных представлений о действительности (в их числе и заблуждения). Практико-ориентированное образование (понимаемое сквозь призму капиталистических отношений), вероятно, существенно ускорит процесс социализации ребенка. Так или

⁵⁴⁷ Погорский Э. К. Картина мира. С. 322.

иначе, все учебные методики будут подчинены одной цели – превращению обучающегося в полноценного экономического субъекта. Вместе с этим может произойти редукция человека до экономического субъекта отношений. Идея практико-ориентированного обучения не отвечает на принципиально важный вопрос: не превратится ли человек в экономический «модуль»?

3. Образование в социальных сетях. Важной вехой в развитии Интернета считается появление т. н. «социальных сетей» – электронных площадок для коммуникации и обмена информацией. Социальные сети сравнительно быстро разрастались, позволяя миллионам пользователей контактировать друг с другом. Сегодня сети не только обеспечивают возможность обмена сообщениями, но и позволяют слушать разнообразную музыку, смотреть фильмы, читать книги, делиться с другими пользователями авторскими материалами, создавать сообщества. Популярность социальных сетей в молодежной среде побудила педагогов взглянуть на «Facebook», «Twitter» и т. д. под другим углом зрения: социальные сети – это не только виртуальная среда для развлечений, но и образовательный инструмент^{548 549}. В результате «глобального технологического переворота в сфере коммуникационных технологий»⁵⁵⁰ информация стала легко доступной. Из-за доступности информации под угрозой оказываются традиционные формы и методы образовательной деятельности. Все, что сообщает учитель или лектор, не представляет для школьников и студентов особой ценности, поскольку они могут без особого труда найти информацию самостоятельно. В силу легкой доступности информации, что было замечено еще М. Хайдеггером, любые сведения стремительно обесцениваются и поспешно забываются. Коллективным опытом пользуются опционально, то есть прибегают к нему при необходимости, «доставая» информацию из

⁵⁴⁸ Чванова М. С. Развитие социальных сетей и их интеграция в систему образования России. С. 472-493.

⁵⁴⁹ Косарев О. В. Использование социальной сети в качестве платформы электронного обучения (на примере социальной сети «ВКонтакте»). С. 195-198.

⁵⁵⁰ Лямин А. В. Использование социальных сетей в образовании. С. 6.

электронных сетей. В самом общем смысле, можно обозначить три педагогических стратегии, определенным образом касающихся социальных сетей: 1. Противостояние социальным сетям. Эта стратегия предполагает безоговорочный приоритет традиционных педагогических методов и приемов. Обучение должно происходить по вполне определенным, десятилетиями применяемым стандартам. Для традиционной модели образования социальные сети являются чужеродным элементом, созданным для внеучебной коммуникации. 2. Другая стратегия, напротив, предполагает решительное изменение традиционной модели образования. Эта «революционная» стратегия осуществляется посредством ломки традиционных институтов и устоявшихся связей между образовательными институтами и другими участниками образовательного процесса. Революция, в первую очередь, связана с электронизацией и виртуализацией образования, ориентирована на цифровизацию дидактических материалов и перенесение обучения на электронные платформы. Революционной стратегии придерживаются представители Агентства стратегических инициатив и Московской школы управления «Сколково». По мнению организаторов форсайта «Образование 2030», традиционная школа в ближайшем будущем должна умереть, освободив место для цифровой школы⁵⁵¹. Реализация революционной – цифровой – стратегии осуществляется с ориентацией на опыт Соединенных Штатов Америки, где несколькими годами ранее DARPA (Агентство перспективных научно-исследовательских разработок) запустило образовательные программы типа «Full Spectrum Learning» («Образование полного спектра»)⁵⁵². Цифровизация образования развивается по нескольким направлениям: создание виртуальных тренажеров-симуляторов, обучающих компьютерных игр, виртуальные образовательные платформы и курсы. В этой стратегии социальные сети играют принципиально важную роль. Они становятся образовательной средой, заменяющей (и аннигилирующей)

⁵⁵¹ 2030 год: система должна умереть ради детей.

⁵⁵² DARPA. Программа 2015.

традиционную институциональную среду. 3. Третья стратегия предполагает постепенное, планомерное реформирование образования. В отличие от первой стратегии, она не ориентирована на безапелляционное сохранение традиций. В отличие от второй стратегии, она не революционна и потому не связана с решительным демонтажем традиционных устоев и ценностей. В ситуации неопределенности дальнейшего пути развития образования очень важно бережно, участно отнестись к накопленному опыту, но при этом думать и о соответствии запросам инновационной эпохи.

4. Электронизация образования. Данный тренд предполагает интеграцию электронных устройств и программного обеспечения в образовательную среду⁵⁵³. Внедрение новых технических средств обучения потребует от учеников и педагогов перехода на качественно иной уровень знаний, умений и навыков. Ведущим направлением электронизации можно назвать виртуализацию образования, то есть интеграцию в образовательные практики программного обеспечения нового поколения. Программы-симуляторы позволяют формировать модели изучаемых объектов и в определенной степени манипулировать этими моделями. Традиционная работа с учебниками и учебными пособиями может окончательно уйти в прошлое или сохраниться в качестве каких-то контркультурных практик. Электронизация образования потребует от человека серьезной перестройки знаний, умений и навыков. Школьникам, студентам и педагогам как минимум нужно быть квалифицированными пользователями новых медиа. Однако умения пользоваться новыми техническими средствами вряд ли будет достаточно для получения полноценного образования. Когда сегодня говорят об электронном обучении (E-Learning), имеют в виду вовсе не «выкачивание» информации из сети Интернет, но, главным образом, продуктивную деятельность учащихся – от выполнения тестовых заданий до создания собственных медиапродуктов. Воспитывая квалифицированных

⁵⁵³Гриценко В. И. Перспективы компьютерного обучения. С. 4.

«пользователей», образование способствовало бы тем самым формированию накопительской, но не продуктивной ориентации.

5. Кроме трех обозначенных трендов образования, следует выделить и еще один – создание т. н. «индивидуальных образовательных траекторий»⁵⁵⁴⁵⁵⁵⁵⁵⁶. В общем виде, индивидуальная образовательная траектория – это результат самостоятельного формирования персональной образовательной программы. Человек, определяющий свою собственную, персональную траекторию, самостоятельно определяет цели и задачи своего образования, расставляет приоритеты и делает конкретные шаги в соответствии с определенными целями и задачами⁵⁵⁷. Идея об индивидуальных образовательных траекториях появилась в документах, оформленных по результатам работы экспертной группы «Re-engineering Futures» (2010 – 2014 гг.). Эксперты считают, что в «обществах потребления» (прежде всего, в промышленно развитых странах) у молодого поколения произошло изменение ценностей и предпочтений. Это изменение произошло потому, что базовые потребности сравнительно легко удовлетворяются. Отсюда эксперты делают вывод, что человек, удовлетворивший базовые потребности, обязательно будет стремиться к удовлетворению высших потребностей. Вслед за этим авторы «Глобальной повестки» оговариваются, что сегодня существуют разнонаправленные тенденции: увеличивается доля учащихся, не понимающих значимости образования и не проявляющих к обучению никакого интереса. Для работы с такими людьми необходимо искать особые подходы – например, «геймифицировать» дидактический процесс, то есть интегрировать игры (компьютерные, настольные, ролевые и т. д.) в повседневные образовательные практики. Наряду с этим растет доля

⁵⁵⁴ Ковалева Т. М. Тьюторская деятельность как антропопрактика: между индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой. С. 85-94.

⁵⁵⁵ Голунова Л. В. Обеспечение преемственности профессионального образования через индивидуальную образовательную траекторию. С. 19-21.

⁵⁵⁶ Перетягина Н. Н. Индивидуальная образовательная траектория как способ сохранить человека в образовательном процессе. С. 15-27.

⁵⁵⁷ Ковалева Т. М. Тьюторская деятельность как антропопрактика: между индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой. С. 87.

молодых людей, ищущих свой собственный путь, понимающих значимость саморазвития, но не готовых приобретать «образовательные пакеты» (так эксперты «Re-engineering Futures» называют совокупность дисциплин, соответствующих образовательному стандарту и учебным планам). Эти студенты готовы самостоятельно формировать свои образовательные «пакеты». Де-факто экспертная группа не представила никаких данных (например, результатов социологических опросов), позволяющих обосновать обозначенные суждения. Но даже если допустить, что доля «сознательных» учащихся растет, то из этого еще не следует, что сложившаяся система образования должна отказаться от всех существующих традиций. По меньшей мере, для успешного внедрения образовательной новации требуются продуманные шаги. Индивидуальные образовательные траектории, как и любая другая масштабная новация, нуждаются в тщательном осмыслении. Дело не только в поиске способов и средств реализации этих «траекторий», но и в определении оснований: на чем эксперты основываются, когда видят будущее за индивидуальными траекториями? Истинно ли положение о том, что современный человек удовлетворил базовые потребности и поэтому нуждается в удовлетворении высших потребностей? Какова мера самостоятельности человека в определении своего будущего? На каких основаниях человек вообще выбирает траекторию? В данном случае важны не целевые установки, а его аксиологические, мировоззренческие основания. Именно по ним можно судить о зрелости выбора, его осознанности и самостоятельности.

Образование как человекообразующая сфера должна основываться на жизнеспособной, ценной для осмысления современных проблем бытия парадигме понимания человека. Эту парадигму можно назвать антропологией образования. Антропология образования предполагает наличие образа-образца человека, относительно которого и будет формироваться содержание образования. От того, каков этот образ,

напрямую зависит ответ на вопрос, какого человека *образует* образование? Как в образовании понимается то человеческое, что возвращается в человеке (и понимается ли как-то вообще)? Исходной посылкой антропологии образования, на наш взгляд, должна быть идея о полноте человека в его душевном, телесном и духовном измерениях. Между тем, эта мысль далеко не всегда осознается на практике. Критикуя современную систему образования, многие исследователи акцентируют внимание на ущербности традиционной модели дидактики. По существу, утверждают они, от человека требуется выполнение двух операций – запоминания и воспроизведения информации^{558 559}. В действительности проблема гораздо глубже, нежели устаревание методики обучения. В самом виде ее можно обозначить как *упрощение* человека. Человека «упрощают» и формируют из него не ответственного и способного к самостоятельным и продуманным решениям, а агента экономических отношений. Сам человек в известной мере соглашается с этим упрощением и, более того, даже считает нормой. Во все более усложняющемся мире человеку становится все сложнее освоиться. Растущие скорости перемен препятствуют уверенности человека в завтрашнем дне, в собственных силах и возможностях. В этих условиях упрощение человека до экономического агента чревато негативными последствиями, так как на «выходе» получается «рамочный» субъект, далеко не всегда готовый раздвигать эти «рамки». Этот субъект в лучшем случае приучен думать о *своем* ближайшем будущем (расходах и доходах, предметах потребления). Этот субъект мыслит в понятиях дохода, прибыли, выгоды, причем в ближайшей перспективе и в денежном эквиваленте.

В эпоху инноваций образование играет исключительную, особую роль: с одной стороны, оно как «канал» социализации готовит человека для жизни в обществе, в определенном смысле адаптирует к сложившимся или

⁵⁵⁸ Слободчиков В. И. Концептуальные основы антропологии современного образования. С. 4

⁵⁵⁹ Бордовский Г. А. Современное образование: какое оно? С. 12-13.

изменяющимся условиям; с другой стороны, вооружает человека знаниями, умениями и навыками, необходимыми для личностного роста, дает почву для самостоятельного движения, опору для самоопределения. В эпоху инновационной «гонки» чрезвычайно трудно как адаптироваться к стремительно меняющимся жизненным условиям (что не раз обсуждалось западными и российскими футурологами, философами, социологами и др. специалистами), так и определиться с ответами на вопросы «кто я» и «куда я иду». Между тем, решение проблемы адаптации в условиях инновационной эпохи – первостепенная задача, обеспечивающая гармоничное существование человека и страхующая от деструктивного воздействия «футурошока» или «футурофобии».

Однако, так понимаемое «футуризированное» образование имело бы только адаптивную функцию. В сложившихся условиях адаптивная функция важна, но вряд ли достаточна в деле обеспечения полноценного существования человека. Образование само имеет потенциал быть инновационной сферой, вооружающей человека знаниями, навыками и умениями *инновационно существовать*, то есть «вкладывать в себя», раздвигать собственные границы, осуществлять самотрансцендирование. Необходимо, чтобы он понимал, умел и знал, каким образом обновляться, в том числе, руководствуясь прагматичными целями и получая от этого определенную выгоду. Выгода, однако, вовсе не должна сводиться только к одному – материальному, экономическому – измерению.

Во всех таких инновационных ситуациях образование призвано сохранять человека человеком, исходя из признания его универсальности, неограниченности в возможностях преобразования как себя самого, так и своего мира. Иными словами, образование, по существу, является и сферой сохранения значимого социального и культурного опыта, и сферой инноваций, обращенных к человеку. Так понимаемое образование не может ограничиваться институциональными рамками и определенным, как правило,

незначительным сроком – оно должно проходить через всю жизнь. Это означает, что человек все время держит себя в состоянии активного отношения и заботы о себе, учится менять себя, оставаясь в границах человеческого. И достоинство образования, по сравнению с другими стратегиями, в том, что оно не рисует каждому, каким ему быть, в какую именно сторону меняться, не создает для всех единственный рецепт нового существования, но закладывает общие принципы, знания и общие умения, навыки инновационного существования. Сторонники «апгрейда» человеческой природы и, в том числе, «загрузки» сознания на небιологический «носитель» берут на себя роль знающих, что новый «носитель» будет совершеннее прежнего. В таком случае принципиален вопрос, каков критерий этого совершенства. Человек посредством образования может просто усвоить идею о необходимости быть готовым к переменам себя самого в самых разных направлениях, оставаясь при этом именно человеком. В таком случае образование можно назвать образованием ради будущего, ради *человеческого будущего*. Как образование может готовить такого человека, и что ему следует в человека «закладывать» – это и есть главные вопросы.

Образование в широком смысле можно интерпретировать в качестве инновационной стратегии, ориентированной на воспроизводство целостности человека. В так понимаемом образовании высвечивается его антропологический смысл – как гуманитарной стратегии, ориентированной не на развитие какой-либо «стороны», или «части» человека, но на человека в его целостности. Реформаторам образования необходимо удерживать этот антропологический смысл. В противном случае, реформирование не будет иметь смыслового стержня и ограничится разработкой отдельных, слабо связанных друг с другом мер.

Анализ проектов по реформированию образования показал, что в фокусе внимания экспертов преимущественно находится формальная, а не

содержательная сторона образования. Этот факт только обостряет вопросы, сформулированные футурологами, – «чему и как учить современного человека»? Для чего, ради чего человек должен все время учиться?

В качестве попытки ответа на эти вопросы содержательно раскрывается футуризация – стратегически значимое направление развития образования, фундированное антропологическим смыслом. В фокусе футуризации – будущее конкретного человека, человек в его уникальности, имеющего особую настроенность на будущее (нередко формирующуюся благодаря социальным стереотипам и шаблонам). Футуризация ориентирована не только и не столько на ознакомление человека с различными трендами, сколько на осмысление этих трендов, на поиск человеком собственного места в изменяющемся мире, на приоритет аксиологического содержания в инновационной деятельности. В конечном счете футуризация направлена на формирование индивидуальной ответственности человека за будущее (и собственное будущее в том числе).

Заключение

Интенсивное развитие техники и технологий, высокочастотное внедрение технико-технологических новаций ставят человека лицом к лицу с инновационными стратегиями, задающими векторы его развития. Среди множества подобных стратегий выделяются те, что конструируют особые образы будущего. Существование человека в этом предполагаемом будущем оказывается под вопросом. На смену человеку как звену «слепой» эволюции придет некий «постчеловек», олицетворяющий собой эпоху сингулярности – гипотетическое время самоорганизующегося, автономного технико-технологического прогресса. В контексте трансгуманистических стратегий (во всяком случае, радикальных направлений) понятие «человек будущего» в принципе утрачивает смысл. То, будет ли человеком *homoimmortalis* или трансчеловек (или какой-либо иной вариант, предложенный авторами трансгуманистических сочинений), представляется предметом бесперспективных дискуссий.

В самом общем виде, человек будущего в диссертации был определен как образ, возникающий в пространстве отношения человека настоящего к себе возможному, кристаллизующий индивидуально и социально значимые ценности, служащий ориентиром на пути развития человека как личности. Этот образ существует не только в планах и программах инновационных стратегий, но и в сознании человека. В зависимости от того, сознательно и ответственно этот образ создается человеком или нет, возникает риск, что его «вложит» кто-нибудь другой. В условиях «турбулентного» (Э. Тоффлер) мира, стремительных перемен в технологиях, экономике, политике, культуре и других сферах жизни, задумываться о собственном будущем – *задача* каждого человека и одновременно сфера его персональной ответственности. *Индивидуализация и персонализация* заботы о будущем – это те «сдвиги» в

понимании отношения к будущему человечества и своего собственного будущего, которые начинают обозначаться как необходимые.

Специфика современности заключается в том, что технологии становятся едва ли не самоценными. В условиях инновационной эпохи интенсивно развиваются «hi-tech» и «гуманотехнологии»⁵⁶⁰. Последствия их воздействия не известны, однако, вероятно, hi-hume будут способными повлиять на «фундаментальные антропологические константы» (самотождественность, самотрансценденцию, свободу, творчество и др.) и тем самым вторгаться в границы собственно человеческого. Сторонники применения новых и гипотетических технологий по-своему «заботятся» о человеческом будущем, однако делают это ценой упрощения человека – отнюдь не безобидного. Сегодня среди ученых (в особенности, среди сторонников трансгуманизма) распространено убеждение, что человек является машиной приема и обработки информации. Вследствие такой редукции категории духовности, свободы, ценности, творчества отбрасываются как излишние и даже мешающие научной «ясности» дела. Вопрос о том, сохранится ли, по версии трансгуманистов, человек в будущем, можно заострить: а есть ли для трансгуманизма человек сегодня? Памятуя о сведении человека к биологическому автомату со вставленным в него «сознанием» (= интеллектом), на этот вопрос невозможно ответить положительно.

Соглашаясь с тем, что человек не может быть создан технически и его нельзя задать в качестве модели с помощью некоторых рациональных средств⁵⁶¹, нельзя не оговориться, что потенциальные угрозы, идущие от hi-hume, от этого никуда не исчезают. Реализация масштабных научных проектов, связанных с геномом человека, сканированием мозга, воздействием на когнитивные способности и т. д., может вызвать негативные последствия, например, психические дисфункции, нарушение физического

⁵⁶⁰ Моторина Л. Е. Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант. С. 19.

⁵⁶¹ Там же.

развития и даже гибель. Кроме этих очевидных последствий видятся и иные, не столь очевидные – мировоззренческие. Человек все больше свыкается с тем «фактом», что он ущербен по своей природе. Таким человек оказался перед лицом того, что он сам же и создал. Инновационные стратегии, базирующиеся на hi-hume, предлагают потребителю определенную рецептуру иной жизни, технически и технологически пытаются решить проблему «ущербности» человека. Авторы инновационных hi-hume стратегий выступают в роли экспертов, четко понимающих, в каком направлении каждый отдельный человек (и человечество в целом) должен развиваться и какие средства при этом необходимо использовать.

В эпоху инновационной «гонки» назрела необходимость альтернативы «hi-hume»-стратегиям. Эта альтернатива – *антропология инноваций* – может выступать и в качестве гуманитарно-антропологической установки мышления и практической деятельности человека, и в качестве вида гуманитарного знания. Антропология инноваций способна противопоставить проективному мышлению мышление рефлексивное и критическое, демифологизировать технико-технологический прогресс как самодостаточную силу и высшую ценность, поколебать власть «метрологической» парадигмы и актуализировать значимость аксиологических оснований мышления и деятельности человека. Ключевой вопрос, на котором фокусируется антропология инноваций в этой связи, – как возможно не упускать из виду аксиологический компонент и сделать его органичной частью в основании проектирования и вообще деятельности человека? Гуманитарно-антропологическая установка мышления и практической деятельности предполагает оценку внутренней логики любого проекта, анализ соотношения целей и задач, инструментария, предполагаемых результатов, соответствия цели, задач и инструментария проекта экономическим, политическим, социальным и культурным условиям среды реализации. Принципиально значимым сегодня является диалог с

участием различных сторон – как проектантов, так и целевой аудитории проекта. Для того, чтобы этот диалог состоялся, требуется определенная готовность участников (в том числе и адресатов инновации). Вопрос, стоящий на повестке дня, заключается в том, как обеспечить эту готовность.

Как вид междисциплинарного знания антропология инноваций опирается на философию, способную удовлетворить возрастающую потребность в обобщающем высказывании о человеке и его мире в их актуальном состоянии и с учетом перспектив развития, позволяющую абстрагироваться от узкоспециальных определений инновации (прежде всего, интегрированных в экономический и технико-технологический контексты). Помимо философии (в особенности, философии инноваций и аксиологии), антропология инноваций опирается на данные психологии, культурологии, социологии, биологии, футурологии, когнитивистики и других наук, изучающих человека с определенных ракурсов. Прогностический компонент антропологии инноваций содержательно раскрывается в практике «сценирования», то есть определении направлений оптимального существования человека в изменяющемся мире.

В условиях инновационной гонки существенно повышается значимость образования как альтернативной инновационной стратегии и одновременно сфере для интеграции антропологии инноваций во всех ее аспектах. В отличие от стратегий, базирующихся на «гуманоориентированных» технологиях, образование побуждает к самостоятельному поиску ответов, готовит человека к ответственным шагам в будущее. Образование явно или имплицитно основано на понимании человека как универсального существа, готового творить по мерке любого вида. С помощью специальных методов и приемов те задатки, которые уже есть у человека, превращаются в способности. Человек не ущербен по своей природе – напротив, он пластичен и открыт миру.

Смысл образования не сводим к созданию инновационных продуктов, к «мозговому штурму» коммерчески успешных идей или к «стартапам». Иными словами, образование по своей сути не должно обслуживать экономический или технологический прогресс. Представляется, что все это – лишь одна из функций образования в конкретную историческую эпоху и отнюдь не главная его функция. Ориентация на создание коммерческих проектов превращает человека в средство, в «винтик» инновационной экономики.

Образование же исходит из понимания человека как целостного существа, имеющего разнообразные задатки. В определенные исторические периоды приоритет отдавался конкретным направлениям развития этих задатков, выраженным в соответствующих «специализациях», «профилях» и «компетенциях». Однако все это не отменяет гуманистической ориентации образования, известной еще с периода Античности – воспитания всесторонне развитой, гармоничной личности (*καλὸς καὶ ἀγαθός*).

В инновационную эпоху обострился кризис человека, выраженный, по оценке С. А. Смирнова, «трендом ухода» человека как субъекта, активного участника жизненного процесса, и передачей его функций «умным» машинам, и «трендом изменения идентичности» (ценностный и событийный центр смещается в виртуальную реальность). Все это выводит на авансцену проблему самоопределения конкретного человека, то есть непосредственного пути, движения в будущее в соответствии с определенным образцом. Существуют определенные основания утверждать, что для современного человека в качестве образца предлагается машина, которой делегируются функции, некогда выполнявшиеся человеком. Вследствие редуцирования человека до биологического автомата (= тело) и носителя информации (= личность) отсутствие антропологической платформы гуманистических оснований научно-технологических проектов, вероятно, не выглядит для многих инженеров и ученых проблемой. Однако фактически отсутствие

такой платформы может привести к непоправимым последствиям и усугубить кризисные тенденции. В определении содержания гуманитарных инициатив в среде ученых-гуманитариев за последнее десятилетие наметилось некоторое единство. Главным образом, была сформулирована идея гуманитарной экспертизы. Гуманитарная экспертиза как система мероприятий по оценке научно-технологических достижений осуществляется специально подготовленными экспертами, разбирающимися в тех или иных научных областях, технологии и технологических трендах. Для того чтобы экспертиза как социальный институт эффективно функционировала (и вообще возникла), необходимо сотрудничество политических элит с представителями научного сообщества. В свою очередь, потребность в подготовленных экспертах может быть удовлетворена только благодаря системе образования. Ключевая роль образования видится, безусловно, не в подготовке будущих специалистов, а в формировании целостного человека, личности, готовой к переменам, критически и самостоятельно мыслящей, способной создавать новое и несущей ответственность за свои мысли и действия.

В инновационную эпоху человек легко может дезориентироваться, столкнувшись с интенсивностью перемен. Перспективные задачи образования как практики формирования личности заключаются в том, чтобы снизить вероятность дезориентации, и, более того, научить человека оптимально существовать в мире. Для реализации этих перспективных задач могут быть приняты меры по коррекции содержания обучения. Сегодня, как никогда ранее, назрела необходимость содержательной проработки образовательной стратегии, готовящей человека к будущему, важность включения тем и проблем будущего в образовательный процесс. В качестве наименования такой стратегии в диссертации используется термин «футуризация».

Футуризация – образовательная стратегия, ориентированная на формирование ответственного отношения человека к будущему как к коллективной и индивидуальной ценности. Новые технологии (в особенности, это относится к hi-hume) порождают этические коллизии, связанные не только с эвтаназией, но и с клонированием, применением препаратов, имплантацией, трансплантацией и т. д. Как правило, этическая проблематика обсуждается в научных публикациях, на конференциях и круглых столах специалистами по этике. Однако насущной потребностью является введение этической проблематики в содержание школьного и вузовского образования. По существу, это является своеобразным уровнем гуманитарной экспертизы. Особый акцент необходимо сделать на актуальных и потенциальных проблемах, порождаемых гуманоориентированными технологиями, а также рассматривать конкретные ситуации (в том числе моделируемые).

Таким образом, первый модуль футуризации представляет собой «введение в будущее», включающее информацию об основных экономических, научных, технологических и иных трендах, разрабатываемых и гипотетических технологиях. Содержанием второго модуля является этическая проблематика. Третий – завершающий – модуль футуризации включает в себя созидательную, креативную деятельность по «конструированию будущего». В этот модуль включаются формулировка идей, планирование, проектирование, а также реализация идей, планов или проектов Проектная деятельность может начинаться с решения каких-либо локальных задач – например, развития здоровьесберегающих технологий и формирования экологической культуры в конкретном учебном заведении. Такая деятельность невозможна без организации учебных форсайтов, предполагающих четкое определение предмета, трендов, цели, задач и технологий достижения результата. Форсайты предполагают определение принципиально значимых «координат» желаемого будущего, четкое

понимание, ради чего необходимы те или иные перемены, а также оценку возможных рисков. В процессе «конструирования будущего» формируются особые навыки – прежде всего, конструктивно-критическое мышление, учитывающее возможные риски и негативные последствия проектной деятельности, а также навыки планирования и выработки ответственных решений.

Футуризация, таким образом, представляется в качестве пути формирования участного, ответственного отношения к будущему. На протяжении этого пути принципиально важно сохранять оптимальное сочетание трех модулей новой образовательной стратегии – так, чтобы ни один из них не получил значительного перевеса ценой отказа от других. При этом следует понимать, что футуризацию нужно (в наше время даже необходимо) реализовать в свете антропологии инноваций. Антропология инноваций может выступать в качестве концептуального основания стратегии футуризации, обеспечивая связность, целостность, целенаправленность последней. В противном случае, все меры футуризации не будут иметь генерального смысла и «стержня». Главный вопрос антропологии инноваций – это вопрос о человеке перед лицом инновационных стратегий. Как возможно сохранение, воспроизводство и развитие целостности человека? Как возможен баланс между ценностями изменения и сохранения, главным образом, по отношению к природе и способам существования человека? Потеря из виду антропологического вопроса чревата хаосом инноваций, грозящим предать человека забвению. В синтезе футуризации как образовательной стратегии и антропологии инноваций как концептуального основания заключается необходимый сегодня ценностно-смысловой горизонт. От взвешенности и обдуманности выбора ориентиров развития непосредственно зависит человеческое завтра. Человек будущего зарождается уже сегодня.

Список использованной литературы

1. 2030 год: система должна умереть ради детей. URL: <https://www.e-executive.ru/education/proeducation/1615950-2030-god-sistema-dolzha-umeret-radi-detei> (дата обращения: 28.09.2019).
2. DARPA. Программа 2015 г. URL: <https://www.e-executive.ru/education/proeducation/1615950-2030-god-sistema-dolzha-umeret-radi-detei> (дата обращения: 28.09.2019).
3. Августин Блаженный. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. 373 с.
4. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. №2. С. 24-35.
5. Агус Д. Краткий гид по долгой жизни. М.: Эксмо-Пресс, 2017. 176 с.
6. Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
7. Акимов Р. А. Философские подходы к изучению феномена инновации. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/38760/1/dn_2015_01_18.pdf (дата обращения: 20.08.2020).
8. Акопян А. С. Бессрочный мораторий «О временном запрете на клонирование человека» как признак «нового Средневековья» // Качественная клиническая практика. 2010. №1. С. 29-31.
9. Аминов Е. Р. Существенные условия соглашения о новации // Общественные науки. 2010. № 3. С. 332-343.
10. Андрианов Р. О. Инновация: изобретение или новшество – неоднозначность терминологии // Экономические и социально-гуманитарные исследования / Р. О. Андрианов, Н. А. Андрианова. 2015. № 1 (5). С. 45-62.
11. Ансельм Кентерберийский. Прослогион. URL: http://nibiryukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_anselm_proslogium.htm (дата обращения: 26.05.2020).

12. Антипин Н. А. Будущее как предмет философского осмысления в классической, неклассической и постнеклассической науке // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. №3 (47). С. 85-97.
13. Апухтина Н. Г. Слова-концепты и концепции деятельности (к философскому осмыслению библиотечной теории и практики // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств / Н. Г. Апухтина, В. С. Невелева. 2013. №4 (36). С. 43-47.
14. Ариянов А. «А воз и ныне там, или Хочешь стать бессмертным – думай быстрее!». URL: <http://2045.ru/news/32130.html> (дата обращения: 26.05.2020).
15. Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/> (дата обращения: 26.05.2020).
16. Баева Л. В. Образ киберчеловека в современной науке и культуре // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. №1 (9). С. 56-69.
17. Баева Л. В. Виртуализация человека и культуры: аксиологический анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура / Л. В. Баева, Т. Д. Лопатинская. 2014. № 2 (39). С. 195-204.
18. Базылев В. Н. Российская лингвистика XXI в.: традиции и новации. М.: Издательство Современного гуманитарного университета, 2009. 380 с.
19. Барт Р. Дискурс истории // Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с. С. 426-441.
20. Барт Р. Мифологии // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. С. 46-129.
21. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. С. 413-423.
22. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. С. 424-462.

23. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 790 с.
24. Беляев Д. А. Инварианты бессмертия и феномен сверхчеловека в контексте эволюции культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №8 (14). С. 27-29.
25. Беляева Л. А. Образовательная инноватика как актуальное направление философско-педагогических исследований / Л. А. Беляева, М. А. Беляева // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 56-60.
26. Бергсон А. Творческая эволюция. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 384 с.
27. Бердышев Г. Д. Биологическая инженерия и ноогенез // Физика сознания и жизни, космология и астрофизика / Г. Д. Бердышев, А. В. Букалов, А. Н. Радченко. 2007. №4. С. 12-25.
28. Берлин И. Назначение философии // Вопросы философии. 1999. №5. С. 91-98.
29. Бернар И., Колли Ж. К. Толковый экономический и финансовый словарь. Терминология: в 2-х т. М.: Международные отношения, 1997. Т. 2. 784 с.
30. Бестужев-Лада И. В. «Эффект футурофобии» в обыденном и бюрократическом сознании // Социологические исследования. 1990. №11. С. 72-81.
31. Бестужев-Лада И. В. Рабочая книга по социальному прогнозированию. М.: Мысль, 1982. 430 с.
32. Бибахин В. В. Философия и техника. URL: http://bibikhin.ru/filosofiya_i_tehnika (дата обращения: 26.05.2020).
33. Богданов А. А. Тектология борьбы со старостью // Русский космизм: антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с. С. 305-319.

34. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
35. Бойко И. В. Технологическая адаптация к экологическим вызовам и смена исторических эпох // Инновации. 2011. №8 (154). С. 44-49.
36. Болонкин А. А. Природная цель человечества – статья Богом. URL: <http://kriorus.ru/content/ABolonkin-Prirodnaya-Cel-Chelovechestva-stat-Bogom> (дата обращения: 26.05.2020).
37. Болонкин А. А. Человечество стоит на пороге создания сверхразума. URL: http://old.ihst.ru/~biosphere/Mag_3/bolonkin.htm (дата обращения: 26.05.2020).
38. Больнов О. Философия экзистенциализма. URL: <https://fil.wikireading.ru/2499> (дата обращения: 26.05.2020).
39. Бордовский Г. А. Современное образование: какое оно? // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. С. 10-15.
40. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму. URL: <http://www.alt-future.narod.ru/Future/trans.htm> (дата обращения: 26.05.2020).
41. Брин Д. Прозрачное общество. URL: <http://www.davidbrin.com/transparentsociety.html> (дата обращения: 26.05.2020).
42. Брызгалина Е. В. Генетика человека, социогуманитарное познание и практика // Философские науки. 2015. №2. С. 144-147.
43. Бубер М. Я и Ты. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt> (дата обращения: 26.05.2020).
44. Будущее образования: глобальная повестка. URL: http://rusinfoguard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf (дата обращения: 26.05.2020).
45. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с. С. 602-643.
46. Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 140 с.

47. Вишев И. В. GomoSapiens на пути к GomoImmortalis. URL: http://www.ordodeus.ru/Ordo_Deus9GomoSapiens_na_puti_k_GomoImmortalis.html (дата обращения: 28.05.2020).

48. Вишев И. В. Время вызова старению и смерти // Евразийское Научное Объединение. 2017. Т. 2. №12 (34). С. 113-116.

49. Вишев И. В. Иммутология: наука о бессмертии: философско-антропологический аспект // Политический вектор-PRO. Комплексные проблемы современной политики. 2014. №2. С. 95-114.

50. Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. М.: МЗ-Пресс, 2002. 324 с.

51. Вишев И. В. Современная научная революция: переход от смертнической парадигмы к парадигме бессмертнической // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. №6 (106). С. 112-116.

52. Власов В. В. Биотехнологии – медицине будущего // Наука из первых рук. 2017. №4 (75). С. 6-19.

53. Волоцкий М. Алгоритмы творчества: может ли компьютер создать произведение искусства? URL: <https://gagadget.com/science/22701-algoritmyi-tvorchestva-mozhet-li-kompyuter-sozdat-proizvedenie-iskusstva/> (дата обращения: 26.05.2020).

54. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с. С. 397.

55. Гайденок П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

56. Гарбузов Д. В. Антропологическая концепция времени // автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. ф. н. (09.00.01, 09.00.13). Волгоград, 2011. 51 с.

57. Гегель Г. Лекции по философии истории. URL: <http://bespalovseminar.narod.ru/literature/Hegel.htm> (дата обращения: 26.05.2020).

58. Гелен А. О систематике антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gelen/o-sistematike-antropologii> (дата обращения: 29.05.2020).

59. Герасимова И. А. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис plus. 2017. №2. С. 66-76.

60. Гневашева В. А. Прогнозирование экономики: понятие и история // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2. С. 141-144.

61. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 26.05.2020).

62. Голунова Л. В. Обеспечение преемственности профессионального образования через индивидуальную образовательную траекторию // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. 2018. №9 (12). С. 19-21.

63. Горелова Г. Г. Личностные проявления профессионального кризиса у работников госбюджетной сферы / Г. Г. Горелова, В. А. Степанов // Социум и власть. 2011. №2 (30). С. 5-9.

64. Горохов В. Г. Оценка техники как прикладная философия техники и новая научно-техническая дисциплина // Гений В. Г. Шухова и современная эпоха. Материалы Международного конгресса. 2015. С. 241-249.

65. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006. №230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) / Собрание законодательства РФ.

66. Гриценко В. И. Перспективы компьютерного обучения // Управляющие системы и машины. 2009. № 2. С. 3-14.

67. Гундырина Т. О. Институциональные факторы экономического роста // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. №5. С. 75-77.

68. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека. URL: <http://naukarus.com/fenomen-deantropologizatsii-cheloveka> (дата обращения: 26.05.2020).
69. Гуревич П. С. Бог паразитических преобразений // Э. Тоффлер. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с. С. 5-13.
70. Гусев П. Г. Геопространственная динамика: традиции и новации // Гео-Сибирь. 2011. Т. 6. С. 66-70.
71. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. М.: Наука, 2013. 494 с.
72. Делез Ж. Лукреций и симулякр // Ж. Делез. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
73. Делез Ж. О смерти человека и о сверхчеловеке. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/deleuze/> (дата обращения: 26.05.2020).
74. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
75. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ, 2008. 480 с.
76. Джеймс У. Введение в философию / У. Джеймс. Введение в философию; Б. Рассел. Проблемы философии. М.: Республика, 2000. 315 с.
77. Дигесты Юстиниана. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/index.php (дата обращения: 26.05.2020).
78. Диксон Д. После человека: зоология будущего. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 240 с.
79. Дорожная карта «Образование 2030». URL: <https://asi.ru/news/2475/> (дата обращения: 26.05.2020).

80. Дробышевская Л. Н. Система взаимосвязи инноваций и инвестиций в процессе экономического роста // Известия Южного Федерального университета. Серия: Технические науки. 2005. №8. С. 104-111.
81. Дубровский Д. И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с. С. 237-252.
82. Дыдров А. А. Дискурсы философии XX в. об инновации и инновациях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. №4. С. 8-14.
83. Дыдров А. А. Инфляция инноваций: значимость историко-философского и лингвистического исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №4-1 (66). С. 55-58.
84. Дьюи Д. Школы будущего. URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/Dewey_Schools_of_Future.htm (дата обращения: 26.05.2020).
85. Дьяков А. В. Об уединении Декарта // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. №4 (28).
86. Евстафьев В. Ф. Инновации, научно-техническая информация и НБИК-конвергенция // Межотраслевая информационная служба. 2014. №4. С. 3-4.
87. Егоркин В. Г. Философия инноваций // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2006. С. 14-25.
88. Елхова О. И. Cyborgasareresulttheprocessofhumanevolution // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2014. №. С. 118-121.
89. Емелин В. А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. №1 (9). С. 62-70
90. Емельяненко В. Постчеловеки идут // Профиль. 2007. №31 (539).

91. Еремина Е. И. Трудовое воспитание школьников: история и современность // Научно-методический электронный журнал «Концепт» / Е. И. Еремина, Л. Н. Гапочкина. 2014. Т. 12. С. 566–570.

92. Жигинас Н. В. Психология кризиса идентичности студентов: персонологическая концепция, феноменология, медико-психологическое сопровождение // Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. псих. н. (19.00.04). СПб. 2011. 50 с.

93. Жилина В. А. Идеологическое управление как сущностная черта развития социума // Социум и власть. 2016. №1(57). С. 51-55. С. 51.

94. Зидентоп Л. Демократия в Европе. М.: Логос, 2001. 312 с.

95. Зинурова Р. И. Конфигурация идентичности российской молодежи: результаты социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2016. №6 (07). С. 67-77.

96. Зобнина Т. В. Исследование кризисных ситуаций в профессиональной жизни человека // Russian Journal of Education and Psychology. 2010. №3 (03). С. 33-37.

97. Идельсон Н. И. Николай Коперник. М.: Издательство Академии наук СССР, 1943. 32 с.

98. Измайлова М. А. Инновационные преобразования в системе российского образования: вызовы, ожидания, решения // Современное состояние, проблемы и перспективы развития отраслевой науки. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. Москва, 2019. С. 158-161.

99. Изюмова О. Н. Экономическая сущность и природа инновационного потенциала и инвестиционной привлекательности региона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011.

100. Илюхина Л. В. Инновации в образовании: процесс организационных преобразований. Социологический аспект // Автореф. на соиск. уч. ст. к. соц. н. (22.00.04). Новочеркасск, 1999. 24 с.

101. Инновационная Россия-2020. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <https://isma.ivanovo.ru/attachments/1770> (дата обращения: 27.05.2020).
102. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.
103. Информационное общество: сборник. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 509 с.
104. Ицков Д. И. Заповеди жизни неочеловека. URL: <https://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html> (дата обращения: 27.05.2020).
105. Йонк Р. Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта. М.: Эксмо, 2019. 464 с.
106. Каган М. С. Традиции и новации в современных философских дискурсах // Материалы круглого стола 8 июня 2001 г. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.39-42.
107. Казеннов Д. К. Телеологическая нагруженность философии трансгуманизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №5 (11). С. 89-91.
108. Кайгородов Б. В. Зона комфорта, развитие и понимание себя // Мир науки, культуры, образования. 2018. №4 (71). С. 329-331.
109. Каку М. Будущее человечества. Колонизация Марса, путешествия к звездам и обретение бессмертия. М: Альпина нон-фикшн, 2019. 452 с.
110. Каку М. Физика будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 584 с.
111. Калашникова Н. А. Критическое мышление, логическая культура и модели возможного мира / Н. А. Калашникова, С. Б. Токарева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. 2016. №4 (34). С. 183-187.
112. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 8 тт. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 741 с.

113. Капица С. П. Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. М.: Ленанд, 2014. 123 с.
114. Картусова С. А. К вопросу чипизации человека // Состояние, тенденции и проблемы развития нефтегазового потенциала Западной Сибири. Материалы международной академической конференции. 2018. С. 263-270.
115. Карты. Ставки. Образы. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. 255 с.
116. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
117. Кашапова Р. Ф. Управление инновациями на предприятиях // Челябинский гуманитарий. 2016. №3 (36) С. 16-21. С. 17
118. Кеидия К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №1 (137). С. 50-55.
119. Кириллова Н. Б. Медиакультура как интегратор среды социальной модернизации // автореф. на соиск. уч. ст. д-ра культурологии (24.00.01). М., 2005. 48 с.
120. Кислов А. Г. К педагогике эпохи цифрового разрыва / А. Г. Кислов, Е. Ю. Щербина // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 1 (40). С. 49-59.
121. Климкина А. Г. Чипизация населения Земли // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2018. Т. 2. №4 (14). С. 328-330.
122. Клушина Н. И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. №4. С. 78-90.
123. Ковалева Т. М. Тьюторская деятельность как антропопрактика: между индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой / Т. М. Ковалева, Т. В. Якубовская // Человек.RU. 2017. № 12. С. 85-94.

124. Ковальчук М. В. Направление прорыва: конвергентные НБИК-технологии // Русский инженер. 2010. №26-27. С. 5-9.
125. Коган-Бернштейн, Ф. А. «Новая Атлантида» и «Опыты» Фрэнсиса Бэкона // Бэкон, Ф. Новая Атлантида. Опыты, или наставления нравственные и политические. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954 г. 242 с. С. 143-203.
126. Когда будет создан искусственный мозг? URL: <https://www.popmech.ru/science/374132-kogda-budet-postroen-iskusstvennyu-mozg/#part0> (дата обращения: 27.05.2020).
127. Комарова Ж. В. В аптеку – с генетическим кодом // Наука и инновации. 2018. Т. 4. №183. С. 23-26.
128. Кондаков А. М. Образование. Время перемен. URL: https://рцииоко.рф/upload/medialibrary/697/kondakov-a.m.-obrazovanie_vremya-peremen.pdf (дата обращения: 27.05.2020).
129. Корель А. В. Направленное перепрограммирование соматических клеток: преимущества и недостатки индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (обзор литературы) // Сибирский научный медицинский журнал. 2018. Т. 38. №4. С. 21-29.
130. Королева А. В. Философские аспекты критического мышления // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2011. №1 (17). С. 16-22.
131. Косарев О. В. Использование социальной сети в качестве платформы электронного обучения (на примере социальной сети «ВКонтакте») / О. В. Косарев, Е. Г. Водкайло, А. В. Корсуков // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2018. Т. 2. С. 195-198.
132. Кройтор С. Н. Социологическое исследование инноваций: основные категории и уровни анализа // Социологический альманах. 2011. №2. С. 103-113.
133. Курцвейл Р. Transcend. Девять шагов на пути к вечной жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 384 с.

134. Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб.: Издательство «Алетейя», 2009. 496 с.
135. Кутырев В. А. Куда сдвигать гуманитарный вектор? // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2012. №. 3 (31). С. 9-16.
136. Кучко Е. Е. Социологическое изучение инноваций // Социологический альманах. 2012. №3. С. 42-47.
137. Кушова И. А. Время в экзистенциализме Ж.-П. Сартра // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. №3 (57). С. 15-18.
138. Ланир Д. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 320 с.
139. Левинас Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером // Избранное: Трудная свобода. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 752 с.
140. Левичева В. Ф. Социальное самоопределение молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 322-324.
141. Левкина А. О. Онто-гносеологические аспекты формирования концепции устойчивого инновационного развития общества // Автореф. на соиск. уч. ст. д. ф. н. (09.00.01). Тюмень, 2019. 48 с.
142. Лекторский В. А. «Если приходит бессмертие, жизнь теряет смысл». Крупнейший философ, специалист в теории познания Владислав Лекторский – о грядущем постчеловеке, наступающем обществе знания и будущих путях спасения человечества // Новая газ. № 35. 06.04.2015. С. 20–21. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/03/63668-akademik-lektorskiy-171-esliprihodit-bessmertie-zhizn-teryayet-smysl-187> (дата обращения: 01.09.2016).
143. Ленский Б. В. Будущее книги в информационном веке // Вестник Московского государственного университета печати. 2011. №3. С. 67-85.
144. Лешкевич Т. Г. Проблема человекоразмерности в современной постнеклассической науке // Философские вопросы естествознания и

технических наук. Материалы международной научной конференции. 2014. 407 с. С. 6-11.

145. Лещев С. В. НБИК-конвергенция: стратегемы дифференцированного и синтетического развития нано-, био-, инфо- и икогнитивных технологий // Полигнозис. 2014. №1-2(46). С. 69-75.

146. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

147. Лисин Б. К. Инновационная культура // Инновации. 2008. №10 (120). С. 49-53.

148. Лисс Э. М. Инновация как социокультурный феномен // дисс. на соиск. уч. ст. д. соц. н. (24.00.01). Ростов-на-Дону. 2002. 227 с.

149. Лотман Ю. М. Дурак и сумасшедший // Семиосфера. СПб: Искусство – СПб», 2000. 704 с.

150. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб: Искусство – СПб», 2000. 704 с.

151. Лотман Ю. М. Риторика – механизм смыслопорождения. СПб: Искусство – СПб», 2000. 704 с.

152. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Семиосфера. СПб: Искусство – СПб», 2000. 704 с.

153. Луков В. А. От социальной экспертизы к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 114-118.

154. Лысак И. В. Личность в информационном обществе: проблемы и перспективы исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. №3. С.

155. Лямин А. В. Использование социальных сетей в образовании / А. В. Лямин, А. Р. Хоботова, М. С. Чежин. СПб: Университет ИТМО, 2015. 67 с.

156. Мазаева Т. А. Инновация в этнокультурной среде // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. №3. С. 3-8.

157. Малинин В. А. Мир идей лорда Бертрана Рассела. URL: http://www.golubinski.ru/socrates/russet_mudrost.html (дата обращения: 27.05.2020).

158. Малинин В. А. Парадигма образования в контексте общества знаний // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. №3. С. 25-29.

159. Мамедов О. Ю. Что обнаружил научный анализ «Экономики знания»? // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2012. №2. С. 97-105.

160. Мантатова Л. В. Жак Лакан об истоках и природе власти // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2011. №14. С. 53-56.

161. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: Академический проект, 2010. 775 с. С. 385-387.

162. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 42.

163. Матюшкин В. А. Деятельностный вики-учебник как инструмент литературного образования // Наука и школа. 2013. № 6. С. 47-49.

164. Маяковский В. В. Письмо о футуризме, 1 сентября 1922 г. URL: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/msd/msd-0562.htm?cmd=p> (дата обращения: 27.05.2020).

165. Медведев Д. А. Живем ли мы в спекуляции Н. Бострома? URL: <http://futuroligija.ru/texts/zhivem-li-my-v-spekulyacii-nika-bostroma/> (дата обращения: 27.05.2020).

166. Медова А. А. Понятие времени и его значение для модели сущности человека. Сравнительный анализ концепций И. Канта и Мориса Мерло-Понти // Форум молодых кантоведов. М.: Изд-во ИФ РАН, 2005. 208 с.

167. Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: ИКЦ «Академкнига». 2007. 342 с.
168. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016. 416 с.
169. Милованов С. Н. Методы прогнозирования, используемые в инновационном менеджменте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. №43. С. 219-222.
170. Мищенко А. В. Апгрейд в сверхлюди. Технологическая гиперэволюция человека в XXI веке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 166 с.
171. Молчанов В. Гуссерль и Бергсон: введение времени // Логос. 2009. №3 (71). С. 82-97.
172. Мор М. Манифест трансгуманизма. URL: https://communitarian.ru/posts/novyy_mirovoy_poryadok_metody/maks_mor_manifest_transgumanizma_14092015 (дата обращения: 27.05.2020).
173. Моргунов Г. В. Социальная прогностика: начало пути // Идеи и идеалы / Г. В. Моргунов, Н. Е. Зелинский. 2012. №1 (11). С. 122-129.
174. Моторина Л. Е. Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант // Человек. Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2016. С. 19-28.
175. Муравьев В. Н. Всеобщая производительная математика // Русский космизм: антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с. С. 170-198.
176. Нагорная О. С. Проблема сохранения объектов культурного наследия: от национального к глобальному измерению // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2016. №1 (12). С. 91-96.
177. Назаретян А. П. Нелинейное будущее: Сингулярность XXI в. как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 18-34.
178. Нарский И. С. Готфрид Лейбниц. М.: Мысль, 1972. 237 с.

179. Наумова Е. И. Концепция дискурсов Лакана: знание, наука, университет // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. №3. С. 36-43.
180. Невелев А. Б. Бытие человека: диалектика предметности и энергичности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №15 (269). С. 30-34.
181. Невелева В. С. Антропологический принцип в философии истории: современность и истоки. Екатеринбург, 2002. 309 с.
182. Нейсбит Д. Мегатренды. М.: АСТ, 2003. 384 с.
183. Нимер С. Н. Стволовые клетки (обзор литературы) // Проблемы здоровья и экологии. 2009. №1 (19). С. 46-51
184. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Интербук, 1990. 304 с.
185. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. 640 с.
186. Ньютон И. Основные начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 688 с.
187. Окунев Я. Грядущий мир // Вечер в 2217 году: русская литературная утопия: сборник. М.: Прогресс, 1990. 720 с. С. 215-234.
188. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5483> (дата обращения: 27.05.2020).
189. Осипов Ю. М. Инновационный мир растерянной России // Экономика: теория и практика. 2006. №1 (10). С. 49-50.
190. Паниотова Т. С. Социальные сети как новая форма утопии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. №6 (2А). С. 250-262.
191. Парниа С. Стирая смерть. Научный подход к вопросу о границах между жизнью и смертью. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 208 с.
192. Пенн М. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М.: АСТ, 2009. 512 с.

193. Переслегин С. Б. Дикие карты будущего. Форс-мажор для человечества. М.: Алгоритм, 2015. 480 с.
194. Переслегин С. Б. Опасная бритва Оккама. М.: АСТ: Астрель, СПб.: Terra Fantastica, 2011. 664 с.
195. Перетягина Н. Н. Индивидуальная образовательная траектория как способ сохранить человека в образовательном процессе // Психология обучения. 2010. № 4. С. 15-27.
196. Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
197. Петрова О. А. Феномен демонстративности в контексте психоаналитического подхода // Постулат. 2018. №10 (36). С. 70-72.
198. Печчеи А. Человеческие качества. URL: <http://igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/articles/pescei/> (дата обращения: 27.05.2020).
199. Пирожкова С. В. Предвидение как эпистемологическая проблема. М.: ИФРАН, 2015. 247 с.
200. Платон. Государство // Сочинения в четырех томах. Т.3. Ч.1 СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, Издательство Олега Абышко. 2007. 752 с. С. 97-494.
201. Платон. Ион // Сочинения в четырех томах. Т.1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, Издательство Олега Абышко. 2006. 632 с. С. 135-152.
202. Плешивцева Е. Ю. Социокультурный континуум бытия человека // Автореф. на соиск. уч. ст. к. ф. н. (09.00.13). Новосибирск, 2009. 25 с.
203. Погорский Э. К. Картина мира // Знание. Понимание. Умение. 2012. №4. С. 322-323.
204. Подгузова Е. И. История развития договорных оснований прекращения обязательств в римском праве // Право и общество. 2013. №2 (6). С. 210-213.
205. Прайд В. Трансгуманистическая версия: технологическая сингулярность, появление постчеловека, клонирование гениев. URL:

<http://archives.colta.ru/docs/10100#transgumanistskaya> (дата обращения: 27.05.2020).

206. Прайд В. Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания // Философские науки. 2008. №1. С. 97-116.

207. Прокаева О. Н. Влияние процессов глобализации на проблему национальной идентичности // Инновационная наука. 2016. №5. С. 65-67.

208. Пряхина А. В. Нравственно-ценностный кризис и коммуникация в современном информационном обществе // Знак: проблемное поле медиаобразования / А. В. Пряхина, Н. В. Пряхин. 2017. №3 (25). С. 206-211.

209. Пушкарев А. В. Творчество и искусственный интеллект: постановка проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №12-1. С. 93-96.

210. Раенко Е. А. Роль дидактического принципа вероятностного подхода при формировании современного научного стиля мышления // Психодидактика высшего и среднего образования. Материалы десятой юбилейной международной научно-практической конференции: ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия», г. Барнаул, Россия; Государственный университет им. Шакарима, г. Семей, Казахстан; Криворожский национальный университет, г. Кривой Рог, Украина; Херсонская академия непрерывного образования, г. Херсон, Украина. 2014. С. 88-94.

211. Речение Ипувера. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/spar/bunt04eg.htm> (дата обращения: 27.05.2020).

212. Розин В. М. Можем ли мы проектировать сами себя? // Философские науки. 2009. №12. С. 8-26.

213. Розин В.М. Семиотические исследования. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. 256 с.

214. Роуз Д. Будущее вещей. Как сказка и фантастика становятся реальностью. М.: Альпина нон фикшн, 2018. 344 с.

215. Рыбаков О.Ю. Конвергенция технологий, репродукция человека и естественное право: философия трансгуманизма / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100-105.
216. Рыбаков О.Ю. Проблема отчуждения в социальной философии раннего трансгуманизма / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 5 (44). С. 196-200.
217. Рыбаков О.Ю. Трансгуманизм Макса Мора: автаркия и отчуждение / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова // Философия права. 2013. № 3 (58). С. 56-60.
218. Сагатовский В. Н. Базовые ценности русской культуры // Наука. Искусство. Культура. 2012. №1. С. 36-46.
219. Садовников В. Н. Гуманитарное знание. Что это? К чему оно? // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2001. №2. С. 37-43.
220. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
221. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. URL: https://scepisis.net/library/id_545.html (дата обращения: 27.05.2020).
222. Святогор А. Биокосмическая поэтика // Русский космизм: антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.
223. Середина Н. В. Особенности процесса адаптации студентов первого курса к обучению в вузе // Северо-Кавказский психологический вестник. 2014. №12-2. С. 51-54.
224. Серль Д. Сознание, мозг и программы. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6661> (дата обращения: 27.05.2020).
225. Серр М. Девочка с пальчик. М.: Ad Marginem Пресс. 2016. 72 с.
226. Сизов В. С. Форсайт-исследование системы образования России // Экономика образования. 2015. №2. С. 73-80.

227. Скульмовская Л. Г. Концептуально-методологические подходы к изучению инноваций в гостиничном сервисе // Современные исследования социальных проблем. 2012. №3 (11).
228. Слободчиков В. И. Концептуальные основы антропологии современного образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. №3. С. 3-7.
229. Слуднева Л. В. Утопия: прошлое как аксиологический антипод настоящего // MagisterDidit. 2013. №4. С. 7-14.
230. Смирнов С. А. Антропологическая платформа для национальной технологической инициативы (приглашение к дискуссии) // Философская антропология. 2018. Т. 4. №2. С. 69-80.
231. Смирнов С. А. Новые идентичности человека и антропологические тренды. Форсайт проект // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования. Международная научная конференция, программа и тезисы. 2014. С. 155-158.
232. Смирнов С. А. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // Философская антропология. 2019. Т. 5. №1. С. 26-44.
233. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура и историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
234. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
235. Стомба А. В. Традиция и новация в развитии современного российского общества // автореферат дисс. на соиск. ст. к. ф. н. (09.00.11). Уфа, 2015. 22 с.
236. Субботина Н. Д. Гуманизм и трансгуманизм // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2012. №3. С. 7-8.
237. Талев Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 736 с.
238. Тарновский К. Ю. Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна // Ценности и смысла. 2016. №3. С. 101-111.

239. Технический директор «Google» расписал будущее мира: прогноз до 2099 года. URL: <https://inforesist.org/technicheskij-direktor-google-raspisal-budushhee-mira-prognoz-do-2099-goda/> (дата обращения: 06.05.2020).
240. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983. 383 с.
241. Тихонова С. В. Мифы дегуманизации и этика трансгуманизма // Альманах «Дискурсы этики», 2013. №2. С. 47-58.
242. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. М.: АСТ, 2008. 569 с.
243. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
244. Трапезникова А. В. Транспрофессионализм как компетенция: содержание понятия / А. В. Трапезникова, С. А. Литвина // Психология в современном мире. 2017. С. 146-148.
245. Тульчинский Г. Л. Креативные технологии принятия решений в гуманитарной экспертизе // Философия и культурология в современной экспертной деятельности, 2011. С. 84-98.
246. Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. 1999. №10. С. 35-53.
247. Турбина О. А. Лингвистическая дискурсология и единицы дискурс-анализа: дискурс-компонент // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. №2. С. 44-49.
248. Удалова В. В Крионика и медицина. URL: <http://kriorus.ru/prensa/Statya-Krionika-i-medicina-2010-g> (дата обращения: 28.05.2020).
249. Удалова В. В. Увеличение продолжительности жизни: социальные изменения и прогнозы. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/685/110/> (дата обращения: 28.05.2020).
250. Урсул А. Д. Инновационное образование в интересах устойчивого развития // Открытое образование. 2008. № 5. С. 84-96.

251. Урсул А. Д. Феномен футуризации в образовании для устойчивого развития // Материалы ежегодной научно-практической конференции «Экологическое образование в интересах устойчивого развития». 2017. Т.4. С. 27-32.
252. Уэллс Г. Машина времени. М.: Правда, 1988. 624 с.
253. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Русский космизм: антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с. С. 32-136.
254. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Т.1. М.: Академический проект, 2017. 684 с.
255. Флоренский П. А. Философия культа. М.: Академический проект, 2014. 685 с.
256. Фролов И. Т. Перспективы человека. М.: URSS, 2013. 304 с.
257. Фролов И. Т. Перспективы человека // Вопросы философии. 1975. № 6.
258. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2018. 288 с.
259. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с. С. 33
260. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2015. 448 с.
261. Фромм Э. Искусство быть. М.: АСТ, 2012. 224 с.
262. Фромм Э. Марксова концепция человека. URL: http://www.humanitar.spcra.ru/assets/files/philosophy/Fromm_Marks_all.pdf (дата обращения: 28.05.2020).
263. Фромм Э. Революция надежды. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
264. Фромм Э. Человек для себя. М.: АСТ, 2016. 320 с.
265. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс. URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 28.05.2020).
266. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 352 с.
267. Фэн, Ш. Заменит ли нас искусственный интеллект? М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 144 с.

268. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 364-380.
269. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
270. Хайдеггер М. Вопрос о технике. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5565> (дата обращения: 28.05.2020).
271. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. 621 с. С. 87-244.
272. Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге: Сборник. М.: Высшая школа, 1991. 192 с. С. 102-111.
273. Хайдеггер М. Проселок // Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 528 с. С. 391-394.
274. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проект, 2013. 288 с.
275. Хайдеггер М. Язык. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/yazyk.txt> (дата обращения: 28.05.2020).
276. Харари Ю. 21 урок для XXI в. М.: Синдбад, 2019. 416 с.
277. Харари Ю. HomoDeus. Краткая истории будущего. М.: Синдбад, 2019. 496 с.
278. Харауэй Д. Манифест киборгов. URL: https://vk.com/doc9483029_437323569?hash=2c2cb47fe95cfdc4ac&dl=dc04b74cf56e84bcf3 (дата обращения: 28.05.2020).
279. Хлыщева Е. В. Проблема сохранения культурного наследия в поликультурном регионе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. №8. С. 31-39.
280. Хоружий С. С. Синергичная антропология. Томские лекции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 1 (2). С. 54-88.

281. Храпов С. А. Проблемы идентификации человека в социокультурном контексте современной цивилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №3 (56). С. 133-139.
282. Храпов С. А. Риски формирования «техногенной (цифровой) идентичности в условиях цифровизации образовательного пространства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. №2(52). С. 7-13.
283. Храпов С. А. Человек техногенной цивилизации: методологические проблемы исследования // Вестник Калмыцкого университета. 2018. №2 (38). С. 169-177.
284. Худякова Н. Л. Структура философии образования, ориентированная на развитие человека // Философия образования. 2009. №1 (26). С. 139-145.
285. Цветкова В. Д. Новация и инновация в культуре самореализации личности // дисс. на соиск. уч. ст. к. ф. н. (09.00.13). Челябинск, 2009. 162 с.
286. Циолковский К. Э. Будущее Земли и человечества // Русский космизм: антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с. С. 239-259.
287. Циолковский К. Э. Горе и гений // Очерки о Вселенной. Калуга: Золотая аллея, 2001. С. 27-40.
288. Чавкин Н. А. Нравственные традиции и инновации как предмет этического анализа // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. №1 (45). С. 195-200.
289. Чванова М. С. Развитие социальных сетей и их интеграция в систему образования России / М. С. Чванова, М. В. Храмова, В. Ю. Лыскова, Д. И. Михайлова, А. Ю. Моргунова, А. А. Молчанов // Образовательные технологии и общество. 2014. №3. С. 472-493.
290. Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Новосибирск: Издательство Новосибирского национального исследовательского государственного университета, 1994. 167 с.

291. Чижиков В. М. Инновации в культурной динамике общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. №4 (60). С. 10-17.
292. Шелер М. Положение человека в космосе. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/sheler-m/polozhenie-cheloveka-v-kosmose> (дата обращения: 28.05.2020).
293. Шелковникова Л. Ф. К вопросу о знаниевой парадигме в образовании // Преподаватель XXI век. 2015. №1. С. 47-54.
294. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: НЛЮ, 2010. С. 38-39.
295. Шибико О. С. Синтез традиций и новаций в японской культуре как причина ее популярности в России // Вопросы культурологии. 2015. № 2. С. 21-25.
296. Школа критического мышления Никиты Непряхина. URL: <http://critical-thinking.ru/#about> (дата обращения: 28.05.2020)..
297. Шмидт Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / Э. Шмидт, Д. Коэн. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
298. Шульгина И. А. Социокультурное изменение личностного бытия в современной России: философский анализ // дисс. на соиск. уч. ст. к. ф. н. (09.00.13). Ставрополь, 2000. 169 с.
299. Щедровицкий П. Г. Образование – это формирование картины мира. URL: <https://philologist.livejournal.com/9881636.html> (дата обращения: 28.05.2020).
300. Щедровицкий, П. Г. Революция уже произошла, мы просто этого не видим
301. Щукина Т. Производство инноваций. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/12/13/745099-proizvodstvo-innovatsii> (дата обращения: 28.05.2020).

302. «Эволюция 2045» – партия интеллектуального, технологического и духовного прорыва. Манифест. URL: <http://evolution.2045.ru/> (дата обращения: 06.04.2020).
303. Эко У. Говорите мне «ты», мне всего пятьдесят! URL: <https://esquire.ru/articles/7160-umberto-eco-11/> (дата обращения: 28.05.2020).
304. Эллис Д. Далекое будущее Вселенной. Эсхатология в космической перспективе. М.: Издательство Библейского богословского института, 2012. 500 с.
305. Эпштейн М. Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
306. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
307. Юдин Б. Г. Гуманистические ценности в контексте трансгуманизма. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2013_Sbornik/2013_Dokladi/2013_plenn/052_2013_plen.pdf (дата обращения: 28.05.2020).
308. Юдин Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Знание. Понимание. Умение. 2005. №3. С. 129-138.
309. Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2. С. 126-135.
310. Юдковски Э. Вглядываясь в Сингулярность. URL: <https://proza.ru/2007/07/08-42> (дата обращения: 28.05.2020).
311. Abyzov A. CNVnator: An approach to discover, genotype, and characterize typical and atypical CNVs from family and population genome sequencing // Genome Research. 2011. №6 (21). PP. 974-984.
312. Bainbridge W.S. Managing nano-bio-info-cogno innovations: Converging technologies in society / W. S. Bainbridge, M. C. Roco. USA: National Science Foundation, Arlington, 2006. 390 p.

313. Bamford S. A framework for approaches to transfer of a mind's substrate. URL: <https://www.worldscientific.com/doi/abs/10.1142/S1793843012400021> (дата обращения: 29.05.2020).
314. Bedau M.A. Living technology: Exploiting life's principles in technology // *Artificial Life*. 2010.
315. Bentham J. A Fragment on Government. URL: https://books.google.ru/books/about/A_Fragment_on_Government.html?id=VEXleAUGd-wC&redir_esc=y (дата обращения: 29.05.2020).
316. Bostrom N. Are You Living in a Computer Simulation? // *Philosophical Quarterly*. 2003. №211 (53). PP. 243-255.
317. Bostrom N. Are You Living in a Computer Simulation? URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/ce64/00553b971b6798e3708d7aa673e6e52ca910.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).
318. Bostrom N. Why I Want to be a Posthuman When I grow up. URL: <https://www.nickbostrom.com/posthuman.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).
319. Chalmers D. The Singularity: A Philosophical Analysis. URL: <http://consc.net/papers/singularity.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).
320. Clynes M. Cyborgs and Space. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/library/cyber/surf/022697surf-cyborg.html> (дата обращения: 29.05.2020).
321. Craig Venter J. The sequence of the human genome // *Science*. 2001. №5507 (291). PP. 1304-1351.
322. Defining Critical Thinking. URL: <https://www.criticalthinking.org/pages/defining-critical-thinking/766> (дата обращения: 29.05.2020).
323. Diderot, D. Principes de politique // *Oeuvres complètes de Diderot*. URL: <https://books.google.ru/books?id=bfOhBgAAQBAJ&pg=PT33&lpg=PT33&dq=Diderot,+D.+Principes+de+politique&source=bl&ots=pPgFwuenNL&sig=ACfU3U1Ouwo3FKnCJedfwMT4vR1UkQYjA&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwim89fSxN>

jpAhV6wsQBHYuhDiUQ6AEwEXoECAsQAQ#v=onepage&q=Diderot%2C%20D.%20Principes%20de%20politique&f=false (дата обращения: 29.05.2020).

324. Diehl M. Productivity Loss In Brainstorming Groups: Toward the Solution of a Riddle // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. №3 (53). PP. 497-509.

325. Drexler E. Engines of Creation: Coming Era of Nanotechnology. URL: <https://www.nanowerk.com/nanotechnology/reports/reportpdf/report47.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

326. Druzhinin A. G. «Maritime» component in the Russian human geography: Traditions and novations // *Izvestiya Rossiiskaya Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*. 2016. №6. PP. 7-16.

327. Dunham I. An integrated encyclopedia of DNA elements in the human genome // *Nature*. 2012. №7414 (489). PP. 57-74.

328. Ferguson A. An essay on the history of civil society. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/ferguson-an-essay-on-the-history-of-civil-society> (дата обращения: 29.05.2020).

329. Ferreira R. Exploring graph topology via matrix factorization to improve Wikification / Ferreira R., Pimentel M.D.G.C., Cristo M. // *Proceedings of the ACM Symposium on Applied Computing*. 2015. V. 13-17. PP. 1099-1104.

330. Fisher G. Lifelong Learning –More Than Training. URL: <http://l3d.cs.colorado.edu/~gerhard/papers/lll99.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

331. FM-2030. Are You a Transhuman? URL: <https://ru.scribd.com/document/37767409/FM-2030-Are-You-a-Transhuman> (дата обращения: 29.05.2020).

332. Franklin S. The Cyborg Embryo: Our Path to Transbiolog // *Theory, Culture & Society*. 2006. №8(23). PP. 167-187.

333. Glanvill J. Scep sis Scientifica: Or, Confest Ignorance, the way to Science; In an Essay of the Vanity of Dogmatizing, and Confident Opinion. URL: <https://books.google.ru/books?id=TtlYAAAAcAAJ&pg=PA127&dq=Scep sis+Sci>

entifica:+Or,+Confest+Ignorance,+the+Way+to+Science&hl=ru&sa=X&ved=0ah
UKEwjg56DuvsvPAhWjAJokHe0sDqAQ6AEIJTAA#v=onepage&q=Scepsis%20
Scientifica%3A%20Or%2C%20Confest%20Ignorance%2C%20the%20Way%20to
%20Science&f=false (дата обращения: 29.05.2020).

334. Greenhalgh T. Diffusion of innovations in service organizations: Systematic review and recommendations // *Milbank Quarterly*. 2004. №4 (82). PP. 581-629.

335. Hanson R. How to live in a Simulation. URL: <http://mason.gmu.edu/~rhanson/Lifeinsim.html> (дата обращения: 29.05.2020).

336. Huang H. Collective tweet wikification based on semi-supervised graph regularization / Huang H., Cao Y., Huang X., Ji H., Lin C.-Y. // *52 Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2014 - Proceedings of the Conference*. 2014. V. 1. PP. 380-390.

337. Hughes J. Contradiction from the enlightenment roots of transhumanism // *Journal of Medicine and Philosophy*. 2010. №6 (35). PP. 622-640.

338. Hume D. The history of England. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/hume-the-history-of-england-vol-1> (дата обращения: 29.05.2020).

339. IMPERATORI THEODOSIANI CODEX LIBER PRIMUS. CTh.2.27.1.5.

340. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions: 50th Anniversary Edition*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2012. 128 p.

341. Kurzweil R. *The Age of Intelligent Machines*. Cambridge: MIT Press, 1990. 580 p.

342. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines*. New York: Viking Press, 1999. 400 p.

343. Lauttamäki V. *Practical Guide for Facilitating a Futures Workshop*. URL: <https://www.utu.fi/fi/yksikot/ffrc/kehittamispalvelut/futuresfocus/Documents/futures-workshops.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

344. Lippman L. Key “Soft Skills” that foster youth workforce success: toward a consensus across fields. URL: <https://www.childtrends.org/wp->

content/uploads/2015/06/2015-24WFCSOftSkills1.pdf (дата обращения: 29.05.2020).

345. Lupton D. M-health and health promotion: The digital cyborg and surveillance society // *Social Theory and Health*. 2012. №3 (10). PP. 229-244.

346. MacNamee M. Transhumanism, medical technology and slippery slopes / M. MacNamee, S. Edwards // *Journal of Medical Ethics*. 2006. №9 (32). PP. 513-518.

347. Markram H. The Blue Brain Project // *Nature Reviews Neuroscience*. 2006. №2 (7). PP. 153-160.

348. Miller R. Transforming the Future. Anticipation in the 21st Century. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000264644> (дата обращения: 29.05.2020).

349. More M. An evolving framework of values and standards for continuously improving the human condition. URL: http://www.geocities.ws/rational_argumentator/principlesofextropy.html (дата обращения: 29.05.2020).

350. Mullen B. Productivity Loss in Brainstorming Groups: A Meta-Analytic Integration // *Basic and Applied Social Psychology*. 1991. №1 (12). PP. 3-23.

351. Muller V. Future Progress in Artificial Intelligence: A Poll Among Experts. URL: <https://www.nickbostrom.com/papers/survey.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

352. Novak M. *The Age of Projects*. Canada: University of Toronto Press, 2008. 404 p.

353. Paine T. Common Sense. URL: https://www.law.gmu.edu/assets/files/academics/founders/Paine_CommonSense.pdf (дата обращения: 29.05.2020).

354. Pearce D. The Hedonistic Imperative. URL: <http://happymutations.com/ebooks/david-pearce-the-hedonistic-imperative.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

355. Petrovski S. Genic Intolerance to Functional Variation and the Interpretation of Personal Genomes // *PLoS Genetics*. 2013. №8 (9). PP.

356. Porter M.E. Strategy & society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard Business Review. 2006. №12 (84). PP. 78-92.

357. Pothier R. A Treatise on the Law of Obligations, or Contracts. URL: <https://books.google.ru/books?id=GTpJAAAAYAAJ&pg=PA385&dq=novation&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiP8ISO--riAhXh6aYKHVEzCKEQ6wEIYzAH#v=onepage&q=novation&f=false> (дата обращения: 29.05.2020).

358. Roco M. C. Science and technology integration for increased human potential and societal outcomes // Annals of the New York Academy of Sciences. 2004. №1013. PP. 1-16

359. Sandberg A. Ethics of brain emulations. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0952813X.2014.895113> (дата обращения: 29.05.2020).

360. Soni S. Lifelong Learning - Education and Training. URL: https://www.fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig2012/papers/ts05i/T_S05I_soni_5945.pdf (дата обращения: 29.05.2020).

361. Sutton, R.I. Brainstorming groups in context: Effectiveness in a product design firm // Administrative Science Quarterly. 1996. №4 (41). PP. 685-718.

362. Tacitus P. C. The Annals of Tacitus with by the Rev. Percival Frost. URL: <https://books.google.ru/books?id=FQOEehkDg54C&pg=PA381&dq=sunt+qui+tradiderint,+sunt+qui+abnuant&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwi5pdr5tuviAhUN5aYKHeZwA44Q6wEILjAA#v=onepage&q=sunt%20qui%20tradiderint%2C%20sunt%20qui%20abnuant&f=false> (дата обращения: 29.05.2020).

363. Teece D. J. Profiting from technological innovation: Implications for integration, collaboration, licensing and public policy // Research Policy. 1986. №6. PP. 285-305.

364. The Civil Code of the State of California. URL: <https://books.google.ru/books?id=wsE3AAAAIAAJ&pg=PA451&dq=novation&h>

l=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiP8ISO--

riAhXh6aYKHVEzCKEQ6AEIUDAF#v=onepage&q=novation&f=false (дата обращения: 29.05.2020).

365. The Future of Education and Skills. URL: [https://www.oecd.org/education/2030/E2030%20Position%20Paper%20\(05.04.2018\).pdf](https://www.oecd.org/education/2030/E2030%20Position%20Paper%20(05.04.2018).pdf) (дата обращения: 29.05.2020).

366. The Works of Francis Bacon, baron of Verulam, Viscount st. Albans and Lord high chancellor of England. In ten volumes, vol. X. URL: https://books.google.ru/books?id=_1gBDpxvwXYC&pg=PA66&lpg=PA66&dq=De+innovationibus+Bacon&source=bl&ots=nmHiftATku&sig=N0BuMTmwY2JevNIYil2Djie8LnE&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj5gbCfvqDPAhWIPZoKHcgGC-MQ6AEIFjAA#v=onepage&q=De%20innovationibus%20Bacon&f=false (дата обращения: 29.05.2020).

367. Tsai C.-T. Cross-lingual wikification using multilingual embeddings / Tsai C-T, Roth D.P. // Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, NAACL HLT 2016 - Proceedings of the Conference. 2016. PP. 589-598.

368. Voltaire. Cicle de Louis XV. Tome Premier. URL: https://books.google.ru/books?id=wjMHA AAAQAAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Voltaire%22&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjBwbjVgc7PAhVKGZoKHQ7_Cn04FBDoAQgbMAA#v=onepage&q=innovation&f=false (дата обращения: 29.05.2020).

369. Yudkowsky E. Coherent Extrapolated Volition. URL: <https://intelligence.org/files/CEV.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).